

Кюшеская
Библиотека

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

Паломничество Чайльд-Гарольда

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

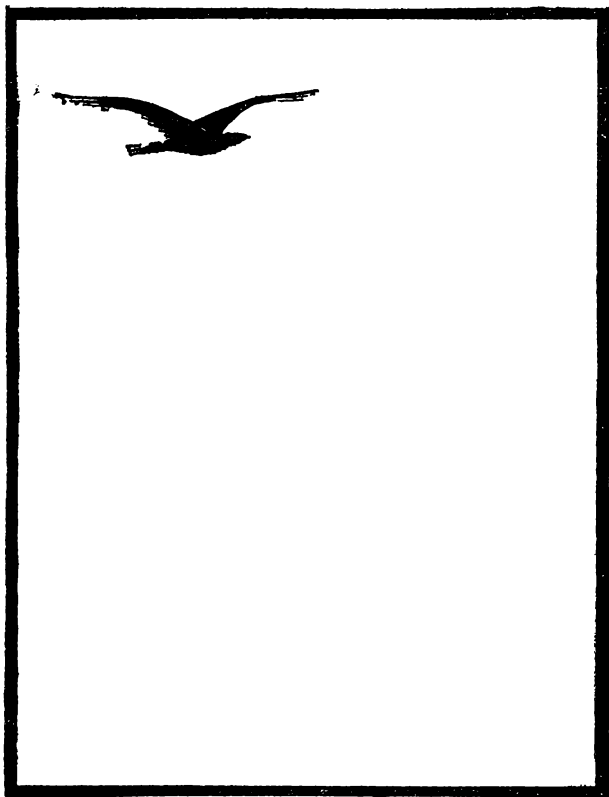
GEORGE GORDON BYRON

Childe Harold's Pilgrimage

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

Паломничество Чайльд-Гарольда

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

ББК 84.4
Б18

*И вечно буду я войну вести
Словами — а случится, и делами! —
С врагами мысли...
Мне хочется увидеть поскорей
Свободный мир — без черни и царей.*

В этих строчках — жизненное и творческое кредо великого английского поэта Джорджа Гордона Байрона (1788—1824). Его поэзия вошла в историю мировой литературы как выдающееся явление эпохи романтизма. Его жизненный путь отмечен участием в движении карбонариев и греческих повстанцев за освобождение Италии и Греции от чужеземного ига.

Творчество Байрона, своеобразие его поэтического видения оказали заметное влияние на развитие русской поэзии XIX века.

Книга издается к 200-летию поэта.

Общественная редколлегия
серии книг

«Юношеская библиотека»:

**А. П. Климова, О. Д. Коровин,
Л. И. Кузьмин, А. П. Лебедеко,
Т. С. Рослякова, О. К. Селянкин**
(председатель), **В. М. Ширинкин**

Составитель **Г. Усова**

Художник **А. Амирханов**

Байрон Джордж Гордон

Б18 Паломничество Чайльд-Гарольда /Сост., послесл. и коммент. Г. Усовой.— Пермь: Кн. изд-во, 1988.— 400 с.— (Юношеская б-ка).

ISBN 5—7625—0047—0

В книгу вошли лучшие произведения великого английского поэта Джорджа Байрона — поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда», «Корсар», «Шильонский узник», лирика и эпиграммы.

Б $\frac{4803020000-38}{M152(03)-88}$ 42—88

© Составление, оформление,
послесловие и комментарии,
Пермское книжное издательство, 1988

ПОЭМЫ И ДРАМЫ

ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА

L'univers est une espèce de livre, dont on n'a lu que la première page quand on n'a vu que son pays. J'en ai feuilleté un assez grand nombre, que j'ai trouvé également mauvaises. Cet examen ne m'a point infructueux. Je haïssais ma patrie. Toutes les impertinences des peuples divers, parmi lesquels j'ai vécu, m'ont réconcilié avec elle. Quand je n'aurais tiré d'autres bénéfice de mes voyages que celui-là, je n'en regretterais ni les frais ni les fatigues. *Le Cosmopolite* ¹.

ПРЕДИСЛОВИЕ (к песням первой и второй)

Большая часть этой поэмы была написана в тех местах, где происходит ее действие. Она была начата в Албании, а те части, которые относятся к Испании и Португалии, основаны на личных наблюдениях автора в этих странах. Я упоминаю об этом как о ручательстве за верность описаний. Сцены и пейзажи, набросанные здесь автором, рисуют Испанию, Португалию, Эпир, Акарна-

¹ Мир подобен книге, и тот, кто знает только свою страну, прочитал в ней лишь первую страницу. Я же перелистал их довольно много и все нашел одинаково плохими. Этот опыт не прошел для меня бесследно. Я ненавидел свое отечество. Варварство других народов, среди которых я жил, примирило меня с ним. Пусть это было бы единственной пользой, извлеченной мною из моих путешествий, я и тогда не пожалел бы ни о понесенных расходах, ни о дорожной усталости. *Космополит* (франц.).

нию* и Грецию. На этом поэма покуда остановилась. Осмелится ли автор повести читателя по Ионии и Фригии в столицу Востока, зависит от того, как будет принято его творение. Эти две песни — не более чем проба.

Вымышленный герой был введен в поэму с целью связать ее отдельные части: это, однако, не означает, что автор не намерен допускать отступления. Друзья, мнение которых я высоко ценю, предостерегали меня, считая, что кое-кто может заподозрить, будто в этом вымышленном характере Чайльд-Гарольда я изобразил реально существующую личность. Такое подозрение я позволю себе отвергнуть раз и навсегда. Гарольд — дитя воображенья, созданное мною только ради упомянутой цели. Некоторые совсем несущественные и чисто индивидуальные черты, конечно, могут дать основание для таких предположений. Но главное в нем, я надеюсь, никаких подозрений не вызовет.

Излишне, может быть, говорить, что титул «Чайльд» (вспомним Чайльд-Уотерс, Чайльд-Чайльдерс и т. п.) был мною выбран как наиболее сообразный со старинной формой стихосложения.

«Прости, прости!» в начале первой песни навеяно «Прощанием лорда Максвелла» в «Пограничных песнях», изданных м-ром Скоттом.

В первой части, где речь идет о Пиренейском полуострове, можно усмотреть некоторое сходство с различными стихотворениями, темой которых является Испания; но это только случайность, потому что, за исключением нескольких конечных строф, вся эта песнь была написана в Леванте.

Спенсера строфа, принадлежащая одному из наших наиболее прославленных поэтов, допускает огромное разнообразие. Д-р Битти говорит об этом: «Недавно я начал поэму в стиле Спенсера, его строфой. Я хочу в ней дать полный простор моим склонностям и сделать ее то шутилкой, то возвышенной, то описательной, то сентиментальной, нежной или сатирической — как подскажет настроение. Если не ошибаюсь, размер, выбранный мной, в одинаковой степени допускает все эти композиционные ходы...»

* Здесь и далее географические названия, имена собственные и прочие номинации, требующие объяснений, трактуются в комментариях в конце книги.

Опираясь на такие авторитеты и на пример многих выдающихся итальянских поэтов, я не стану оправдываться в том, что мое сочинение построено на таких же сменах и переходах. Если мои стихи не будут иметь успеха, я буду удовлетворен сознанием, что причина этой неудачи кроется только в исполнении, но не в замысле, освященном именами Ариосто, Томсона и Битти.

Лондон, февраль 1812

ДОПОЛНЕНИЕ К ПРЕДИСЛОВИЮ

Я ждал, пока наши периодические листки не израсходуют свою обычную порцию критики. Против справедливости этой критики в целом я ничего не могу возразить; мне не пристало оспаривать ее легкие порицания, и возможно, что, будь она менее доброй, она была бы более искренней. Но, выражая всем критикам и каждому в отдельности свою благодарность за их терпимость, я должен все-таки высказать свои замечания по одному только поводу. Среди многих справедливых упреков, которые вызвал характер моего «странствующего рыцаря» (я все-таки, несмотря на многочисленные признаки обратного, утверждаю, что это характер вымышленный), высказывалось мнение, что он, не говоря уже об анахронизмах, ведет себя очень нерыцарственно, между тем как времена рыцарства — это времена любви, чести и т. п. Но теперь уже известно, что доброе старое время, когда процветала «любовь добрых старых времен, старинная любовь», было как раз наиболее развратным из всех возможных эпох истории. Те, кто сомневается в этом, могут справиться у Сент-Пале во многих местах, и особенно во второй части (стр. 69). Обеты рыцарства исполнялись не лучше, чем все другие обеты, а песни трубадуров были не менее непристойны и, уж во всяком случае, менее изысканны, чем песни Овидия. В «Судах любви», «Беседах о любви, учтивости и любезности» гораздо больше занимались любовью, чем учтивостью и любезностью. Смотри об этом Роллана и Сент-Пале.

Какие бы возражения ни вызывал в высшей степени непривлекательный характер Чайльд-Гарольда, он был, во всяком случае, настоящим рыцарем — «не трактирным

службой, а тамплиером». Между прочим, я подозреваю, что сэры Тристрам и сэры Ланселот были тоже не лучше, чем они могли быть, при том, что это персонажи высокопоэтические и настоящие рыцари «без страха», хотя и не без «упрека». Если история установления «Ордена Подвязки» не вымысел, то, значит, рыцари этого ордена уже несколько столетий носят знак графини Сэлисбери, отнюдь не блиставшей доброй славой. Вот правда о рыцарстве. Берку не следовало сожалеть о том, что времена рыцарства прошли, хотя Мария-Антуанетта была так же целомудренна, как и большинство тех, во славу которых ломались копья и рыцарей сбрасывали с коней.

За время от Баярда до сэра Джозефа Бенкаса, самого целомудренного и знаменитого рыцаря старых и новых времен, мы найдем очень мало исключений из этого правила, и я боюсь, что при некотором углублении в предмет мы перестанем сожалеть об этом чудовищном маскараде средних веков.

Теперь я предоставляю Чайльд-Гарольду продолжать свою жизнь таким, каков он есть. Было бы приятнее и, конечно, легче изобразить более привлекательный характер. Было бы легко притушить его недостатки, заставить его больше делать и меньше говорить, но он предназначался отнюдь не для того, чтобы служить примером. Скорее следовало бы учиться на нем тому, что ранняя развращенность сердца и пренебрежение моралью ведут к пресыщенности прошлыми наслаждениями и разочарованию в новых, и красоты природы, и радость путешествий, и вообще все побуждения, за исключением только честолюбия — самого могущественного из всех, потеряны для души, так созданной, или, вернее, ложно направленной. Если бы я продолжил поэму, образ Чайльда к концу углубился бы, потому что контур, который я хотел заполнить, стал бы, за некоторыми отклонениями, портретом современного Тимона или принявшего поэтическую форму Зелуко.

Лондон, 1813

ИАНТЕ

Ни в землях, где бродил я пилигримом,
Где несравненны чары красоты,
Ни в том, что сердцу горестно любимым
Осталось от несбывшейся мечты,
Нет образа прекраснее, чем ты,
Ни наяву, ни в снах воображенья.
Для видевших прекрасные черты
Бессильны будут все изображенья,
А для невидевших — найду ли выраженья?

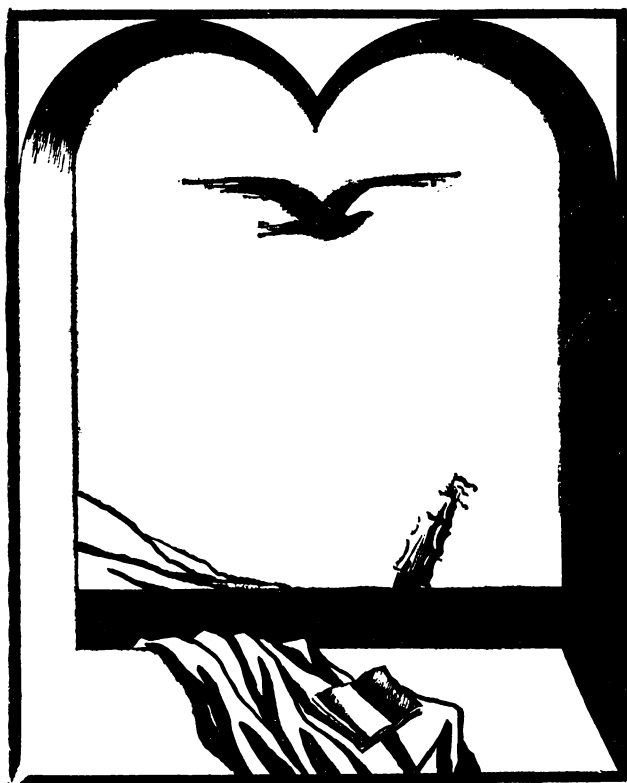
Будь до конца такой! Не измени
Весне своей, для счастья расцветая.
И красоту и прелесть сохрани —
Все, что Надежда видит в розах мая.
Любовь без крыльев! Чистота святая!
Хранительнице юности твоей,
Все лучезарней с каждым днем блистая,
Будь исцеленьем от земных скорбей,
Прекрасной радугой ее грядущих дней.

Я счастлив, пери Запада, что вдвое
Тебя я старше, что могу мечтать,
Бесстрастно глядя на лицо такое,
Что суждена мне жизнью благодать
Не видеть, как ты будешь увядать,
Что я счастливей юношей докучных,
Которым скоро по тебе страдать,
И мне не изливаться в рифмах звучных,
Чтобы спастись от мук, с любовью неразлучных.

О, влажный взор газели молодой,
То ласковый, то пламенный и страстный,
Всегда влекущий дикой красотой,
Мои стихам ответь улыбкой ясной,
Которой ждал бы я в тоске напрасной,
Когда бы дружбы преступил порог.
И у певца не спрашивай, безгласный,
Зачем, отдав ребенку столько строк,
Я чистой лилией украсил свой венок.

Вошла ты в песню именем своим,
И друг, страницы «Чайльда» пробегая,
Ианту первой встретив перед ним,
Тебя забыть не сможет, дорогая.
Когда ж мой век исчислит парка злая,
Коснись тех струн, что пели свой расцвет,
Хвалу тебе, красавица, слагая.
Надежде большим твой не льстит поэт,
А меньшего, дитя, в устах у Дружбы нет.

Песнь первая

1

Не ты ль слыла небесной в древнем мире,
 О Муза, дочь Поэзии земной,
 И не тебя ль бесчестили на лире
 Все рифмачи преступною рукой!
 Да не посмею твой смутить покой!
 Хоть был я в Дельфах, слушал, как в пустыне
 Твой ключ звенит серебряной волной,
 Простой рассказ мой начиная ныне,
 Я не дерзну взывать о помощи к богине.

2

Жил в Альбионе юноша. Свой век
 Он посвящал лишь развлечениям праздным,
 В безумной жажде радостей и нег
 Распутством не гнушаясь безобразным,
 Душою предан низменным соблазнам,
 Но чужд равно и чести и стыду,
 Он в мире возлюбил многообразном,
 Увы! лишь кратких связей череду
 Да собутыльников веселую орду.

3

Он звался Чайльд-Гарольд. Не все равно ли,
 Каким он вел блестящим предкам счет!
 Хоть и в гражданстве, и на бранном поле
 Они снискали славу и почет,
 Но осрамит и самый лучший род
 Один бездельник, развращенный ленью,
 Тут не поможет ворох лстивых од,
 И не придашь, хвалясь фамильной сенью,
 Пороку — чистоту, невинность — преступленью.

4

Вступая в девятнадцатый свой год,
 Как мотылек, резвился он, порхая,
 Не помышлял о том, что день пройдет —
 И холодом повеет тьма ночная.
 Но вдруг, в расцвете жизненного мая,
 Заговорило пресыщенье в нем,
 Болезнь ума и сердца роковая,
 И показалось мерзким все кругом:
 Тюрьмою — родина, могилой — отчий дом.

Он совести не знал укоров строгих
 И слепо шел дорогою страстей.
 Любил одну — прельщал любовью многих,
 Любил — и не назвал ее своей.
 И благо ускользнувшей от сетей
 Развратника, что, близ жены скучая,
 Бежал бы вновь на буйный пир друзей
 И, все, что взял приданым, расточая,
 Чуждался б радостей супружеского рая.

Но в сердце Чайльд глухую боль унес,
 И наслаждений жажда в нем остыла,
 И часто блеск его внезапных слез
 Лишь гордость возмущенная гасила.
 Меж тем тоски язвительная сила
 Звала покинуть край, где вырос он, —
 Чужих небес приветствовать светила;
 Он звал печаль, весельем пресыщен,
 Готов был в ад бежать, но бросить Альбион.

И в жажде новых мест Гарольд умчался,
 Покинув свой почтенный старый дом,
 Что сумрачной громадой возвышался,
 Весь почерневший и покрытый мхом.
 Назад лет сто он был монастырем,
 И ныне там плясали, пели, пили,
 Совсем как в оны дни, когда тайком,
 Как повествуют нам седые были,
 Святые пастыри с красотками кутили.

Но часто в блеске, в шуме людных зал
 Лицо Гарольда муку выражало.
 Отвергнутую страсть он вспоминал
 Иль чувствовал вражды смертельной жало —
 Ничье живое сердце не узнало.
 Ни с кем не вел он дружеских бесед.
 Когда смятенье душу омрачало,
 В часы раздумий, в дни сердечных бед
 Презреньем он встречал сочувственный совет.

И в мире был он одинок. Хоть многих
 Поил он щедро за столом своим,
 Он знал их, прихлебателей убогих,
 Друзей на час — он ведал цену им.
 И женщинами не был он любим.
 Но боже мой, какая не сдается,
 Когда мы блеск и роскошь ей сулим!
 Так мотылек на яркий свет несется,
 И плачет ангел там, где сатана смеется.

10

У Чайльда мать была, но наш герой,
 Собравшись бурной ввериться стихии,
 Ни с ней не попрощался, ни с сестрой —
 Единственной подругой в дни былые.
 Ни близкие не знали, ни родные,
 Что едет он. Но то не черствость, нет:
 Хоть отчий дом он покидал впервые,
 Уже он знал, что сердце много лет
 Хранит прощальных слез неизгладимый след.

11

Наследство, дом, поместья родовые,
 Прелестных дам, чей смех он так любил,
 Чей синий взор, чьи локоны золотые
 В нем часто юный пробуждали пыл, —
 Здесь даже и святой бы согрешил, —
 Вином бесценным полные стаканы —
 Все то, чем роскошь радует кутил,
 Он променял на ветры и туманы,
 На рокот южных волн и варварские страны.

12

Дул свежий бриз, шумели паруса,
 Все дальше в море судно уходило,
 Бледнела скал прибрежных полоса,
 И вскоре их пространство поглотило.
 Быть может, сердце Чайльда и грустило,
 Что повлеклось в неведомый простор,
 Но слез не лил он, не вздыхал уныло,
 Как спутники, чей увлажненный взор,
 Казалось, обращал к ветрам немой укор.

Когда же солнце волн коснулось краем,
 Он лютню взял, которой он привык
 Вверять все то, чем был обуреваем
 Равно и в горький и в счастливый миг,
 И на струнах отзывчивых возник
 Протяжный звук, как сердца стон печальный,
 И Чайльд запел, а белокрылый бриг
 Летел туда, где ждал их берег дальный,
 И в шуме темных волн тонул напев прощальный.

«Прости, прости! Все крепнет шквал,
 Все выше вал встает,
 И берег Англии пропал
 Среди кипящих вод.
 Плыдем на Запад, солнцу вслед,
 Покинув отчий край.
 Прощай до завтра, солнца свет,
 Британия, прощай!

Промчится ночь, оно взойдет
 Сиять другому дню,
 Увижу море, небосвод,
 Но не страну мою.
 Погас очаг мой, пуст мой дом,
 И двор травой зарос.
 Мертво и глухо все кругом,
 Лишь воет старый пес.

Мой паж, мой мальчик, что с тобой?
 Я слышал твой упрек.
 Иль так напуган ты грозой,
 Иль на ветру продрог?
 Мой бриг надежный крепко сшит,
 Ненужных слез не лей.
 Быстрейший сокол не летит
 Смелей и веселей».

«Пусть воет шквал, бурлит вода,
 Грохочет в небе гром, —
 Сэр Чайльд, все это не беда,
 Я плачу о другом.
 Отца и мать на долгий срок

Вчера покинул я,
И на земле лишь вы да бог
Теперь мои друзья.

Отец молитву произнес
И отпустил меня,
Но знаю, мать без горьких слез
Не проведет и дня».
«Мой паж, дурные мысли прочь,
Разлуки минет срок!
Я сам бы плакал в эту ночь,
Когда б я плакать мог.

Мой латник верный, что с тобой?
Ты мертвеца бледней.
Предвидишь ты с французом бой,
Продрог ли до костей?»
«Сэр Чайльд, привык я слышать гром
И не бледнеть в бою,
Но я покинул милый дом,
Любимую семью.

Где замок ваш у синих вод,
Там и моя страна.
Там сын отца напрасно ждет
И слезы льет жена».
«Ты прав, мой верный друг, ты прав,
Понятна скорбь твоя,
Но у меня беспечный нрав,
Смеюсь над горем я.

Я знаю, слезы женщин — вздор,
В них постоянства нет.
Другой придет, пленит их взор,
И слез пропал и след.
Мне ничего не жаль в былом,
Не страшен бурный путь,
Но жаль, что, бросив отчий дом,
Мне не о ком вздохнуть.

Вверяюсь ветру и волне,
Я в мире одинок.
Кто может вспомнить обо мне,
Кого б я вспомнить мог?

Мой пес поплачет день, другой,
Разбудит воем тьму
И станет первому слугой,
Кто бросит кость ему.

Наперекор грозе и мгле
В дорогу, рулевой!
Веди корабль к любой земле,
Но только не к родной!
Привет, привет, морской простор,
И вам — в конце пути —
Привет, леса, пустыни гор!
Британия, прости!»

14

Плывет корабль унылых вод равниной,
Шумит Бискайи пасмурный залив.
На пятый день из волн крутой вершиной,
Усталых и печальных ободрив,
Роскошной Синтры горный встал массив.
Вот, моря данник, меж холмов покатых
Струится Тахо, быстр и говорлив,
Они плывут меж берегов богатых,
Где волнам вторит шум хлебов, увы, несжатых.

15

Неизъяснимой полон красоты
Весь этот край, обильный и счастливый.
В восторге смотришь на луга, цветы,
На тучный скот, на пастбища, и нивы,
И берега, и синих рек извивы,
Но в эту землю вторглись палачи, —
Срази, о небо, род их нечестивый!
Все молнии, все громы ополчи,
Избавь эдем земной от галльской саранчи!

16

Чудесен Лиссабон, когда впервые
Из тех глубин встает пред нами он,
Где виделись поэтам золотые
Пески, где, Луза охраняя трон,
Надменный флот свой держит Альбион —
Для той страны, где чванство нормой стало
И возвело невежество в закон,

Но лижет руку, пред которой пала
Незыблемая мощь воинственного галла.

17

К несчастью, город, столь пленивший нас,
Вблизи теряет прелесть невозвратно,
Он душит вонью, оскорбляет глаз,
Все черное, на всем подтеки, пятна,
И знать и плебс грязны невероятно.
Любое, пусть роскошное, жильё,
Как вся страна, нечисто, неопрятно.
И — напади чесотка на нее —
Не станут мыться здесь или менять белье.

18

Презренные рабы! Зачем судьба им
Прекраснейшую землю отдала —
Сиерру, Синтру, прозванную раем,
Где нет красотам меры и числа.
О, чье перо и чья бы кисть могла
Изобразить величественный форум —
Все то, что здесь Природа создала,
Сумев затмить Элизий, над которым
Завесы поднял бард пред нашим смертным взором,

19

В тени дубрав, на склонах темных круч
Монастырей заброшенных руины,
От зноя бурый мох, шумящий ключ
В зеленой мгле бессолнечной лощины,
Лазури яркой чистые глубины,
На зелени оттенков золотой,
Потоки, с гор бегущие в долины,
Лоза на взгорье, ива над водой —
Так, Синтра, ты манишь волшебной пестротой.

20

Крутая тропка кружит и петлит,
И путник, останавливаясь чаще,
Любуется: какой чудесный вид!
Но вот обитель Матери Скорбящей,
Где вам монах, реликвии хранящий,
Расскажет сказки, что народ сложил:
Здесь нечестивца гром настиг разящий,

А там, в пещере, сам Гонорий жил
И сделал адом жизнь, чем рая заслужил.

21

Но посмотри, на склонах, близ дороги,
Стоят кресты. Заботливой рукой
Не в час молитв, не в помыслах о боге
Воздвигли их. Насилье и разбой
На этот край набег свершили свой,
Земля внимала жертв предсмертным стонам,
И вопиют о крови пролитой
Кресты под равнодушным небосклоном,
Где мирный труженик не огражден законом.

22

На пышный дол глядят с крутых холмов
Руины, о былом напоминая.
Где был князей гостеприимный кров,
Там ныне камни и трава густая.
Вон замок тот, где жил правитель края,
И ты, кто был так сказочно богат,
Ты, Ватек, создал здесь подобье рая,
Не ведая средь царственных палат,
Что все богатства — тлен и мира не сулят.

23

Ты свой дворец воздвигнул здесь в долине
Для радостей, для нег и красоты,
Но запустеньем все сменилось ныне,
Бурьян раскинул дикие кусты,
И твой эдем, он одинок, как ты.
Обрушен свод, остались только стены,
Как памятники брэнной суеты.
Не все ль улады бытия мгновенны!
Так на волне блеснет — и тает сгусток пены.

24

А в этом замке был совет вождей,
Он ненавистен гордым англичанам.
Здесь карлик-шут, пустейший из чертей,
В пергаментном плаще, с лицом шафранным,
Британцев дразнит смехом непрерывным.
Он держит черный свиток и печать,
И надписи на этом свитке странном,
И рыцарских имен десятков пять,
А бес не устает, дивясь им, хохотать.

21

Тот бес, дразнящий рыцарскую клику, —
 Конвенция, на ней споткнулся бритт.
 Ум (если был он), сбитый с панталыку,
 Здесь превратил триумф народа в стыд;
 Победы цвет Невежеством убит,
 Что отдал Меч, то Речь вернула вскоре,
 И лавры Лузитания растит
 Не для таких вождей, как наши тори.
 Не побежденным здесь, а победившим горе!

С тех пор как был британцу дан урок,
 В нем слово «Синтра» гнев бессильный будит.
 Парламент наш краснел бы, если б мог,
 Потомство нас безжалостно осудит.
 Да и любой народ смеяться будет
 Над тем, как был сильнейший посрамлен.
 Враг побежден, но это мир забудет,
 А вырвавший победу Альбион
 Навек презрением всех наций заклеймен.

И, полный смуты, все вперед, вперед
 Меж горных круч угрюмый Чайльд стремится.
 Он рад уйти, бежать от всех забот,
 Он рвется вдаль, неутомим, как птица.
 Иль совесть в нем впервые шевелится?
 Да, он клянет пороки буйных лет,
 Он юности растраченной стыдится,
 Ее безумств и призрачных побед,
 И все мрачнее взор, узревший Правды свет.

Коня! Коня! Гонимый бурей снова,
 Хотя кругом покой и тишина,
 Назло дразнящим призракам былого
 Он ищет не любовниц, не вина,
 Но многие края и племена
 Изведает беглец неугомонный,
 Пока не станет цель ему ясна,
 Пока, остывший, жизнью умудренный,
 Он мира не найдет под кровлей благосклонной.

Однако вот и Мафра. Здесь, бывало,
 Жил королевы лужитанской двор.
 Сменялись мессы блеском карнавала,
 Церковным хором — пиршественный хор.
 Всегда с монахом у вельможи спор.
 Но эта Вавилонская блудница
 Такой дворец воздвигла среди гор,
 Что всем хотелось только веселиться,
 Простить ей казни, кровь — и в роскоши забыться.

30

Изгибы романтических холмов,
 Как сад сплошной — долины с свежей тенью.
 (Когда б народ хоть здесь не знал оков!)
 Все манит взор, все дышит сладкой ленью.
 Но Чайльд спешит отдаться вновь движенью,
 Несносному для тех, кто дорожит
 Уютным креслом и домашней сенью,
 О, воздух горный, где бальзам разлит!
 О, жизнь, которой чужд обрюзгший сибарит!

31

Холмы все реже, местность все ровней,
 Бедней поля, и зелень уж другая.
 И вот открылась даль пустых степей,
 И кажется, им нет конца и края.
 Пред ним земля Испании нагая,
 Где и пастух привык владеть клинком,
 Бесценные стада оберегая.
 В соседстве с необузданным врагом
 Испанец должен быть солдатом иль рабом.

32

Но там, где Португалию встречает
 Испания, граница не видна.
 Соперниц там ни даль не разделяет,
 Ни вздыбленной Сиерры крутизна,
 Не плещет Тахо сильная волна
 Перед царицей стран заокеанских,
 Не высится Китайская стена,
 Нет горной цепи вроде скал гигантских
 На рубеже земель французских и испанских.

Лишь ручеек бежит невозмутим,
 Хоть с двух сторон — враждебные державы.
 На посох опершись, стоит над ним
 Пастух испанский — гордый, величавый,
 Глядит на небо, на ручей, на травы —
 И не робеет между двух врагов.
 Он изучил своих соседей нравы,
 Он знает, что испанец не таков,
 Как португальский раб, подлеший из рабов.

Но вот, едва рубеж вы перешли,
 Пред вами волны темной Гвадианы,
 Не раз воспетой в песнях той земли,
 Бурлят и ропщут, гневом обуянны.
 Двух вер враждебных там кипели станы,
 Там сильный пал в неистовой резне,
 Там брали верх то шлемы, то тюрбаны,
 Роскошный мавр и мних в простой броне —
 Все обретали смерть в багровой глубине.

Романтики воскресшая страна,
 Испания, где блеск твоей державы?
 Где крест, которым ты была сильна,
 Когда предатель мстил за слезы Кавы
 И трупы готов нес поток кровавый?
 Твой стяг царям навязывал закон,
 Он обуздал разбойничьи оравы,
 И полумесяц пал, крестом сражен,
 И плыл над Африкой вой мавританских жен.

Теперь лишь в песнях отзвук тех побед,
 Лишь в песнях вечность обрели герои,
 Столпы разбиты, летописей нет,
 Но помнит песнь величие былое.
 Взгляни с небес на попроще земное,
 О Гордость! Рухнет бронза и гранит,
 И только песнь верней, чем все иное,
 Когда историк лжет, а льстец забыт,
 Твое бессмертие в народе сохранит.

К оружию, испанцы! Мщенье, мщенье!
 Дух Реконкисты правнуков зовет.
 Пусть не копье подьмет он в сраженье,
 Плюмажем красным туч не достает, —
 Но, свистом пуль означив свой полет,
 Ощерив жерла пушек роковые,
 Сквозь дым и пламень кличет он: вперед!
 Иль зов его слабей, чем в дни былые,
 Когда он вдохновлял сынов Андалусии?

Я слышу звон металла и копыт
 И крики битвы в зареве багряном,
 То ваша кровь чужую сталь поит,
 То ваши братья сражены тираном.
 Войска его идут тройным тараном,
 Грохочут залпы на высотах гор,
 И нет конца увечиям и ранам.
 Летит на тризну Смерть во весь опор,
 И ярый бог войны приветствует раздор.

Он встал, гигант, как будто в скалы врос,
 В ужасной длани молния зажата,
 Копна кроваво-рыжая волос
 Черна на красном пламени заката.
 Глаза — навывкат. Гибнет все, что свято,
 От их огня. У ног его припав
 И брата поднимая против брата,
 Ждет Разрушенье битвы трех держав,
 Чьей кровью жаждет бог потешить лютый нрав.

Великолепно зрелище сраженья
 (Когда ваш друг в него не вовлечен).
 О, сколько блеска, грома и движенья!
 Цветные шарфы, пестрый шелк знамен.
 Сверкает хищно сталь со всех сторон,
 Несутся псы, добычу настигая.
 Не всем триумф, но всем — веселый гон,
 Всем будет рада Мать-земля сырая.
 И шествует Война, трофеи собирая.

Три знамени зывают к небесам.
 Три языка воздвигли спор ужасный.
 Француз, испанец, бритт сразились там, —
 Враг, жертва и союзник тот опасный,
 В чью помощь верить — право, труд напрасный,
 У Талаверы, смерть ища в бою
 (Как будто ей мы дома не подвластны!),
 Сошлись они, чтоб кровь пролить свою,
 Дать жирный тук полям и пищу воронью.

И здесь им тлеть, глупцам, прельщенным славой
 И славы удостоенным в гробах.
 О, бред! Орудья алчности кровавой —
 Их тысячи тиран бросает в прах,
 Свой воздвигая трон на черепах, —
 Спроси зачем — во имя сновиденья!
 Он царствует, пока внушает страх,
 Но станет сам добычей смрадной тленья,
 И тесный гроб ему заменит все владенья.

О, поле скорбной славы, Альбуера!
 Среди равнин, где шпорит Чайльд коня,
 Кто знал, что завтра зла свершится мера,
 Что на заре твой сон прервет резня.
 Мир мертвым! В память гибельного дня
 Им слезы горя, им венец героя!
 Так славьтесь же, в преданиях звеня,
 Пока, могилы новым жертвам роя,
 Их сонмы новый вождь не кинет в ужас боя.

Но хватит о любовниках войны!
 Была их гибель данью славословью.
 Чтобы один прославлен был, должны
 Мильоны пасть, насытив землю кровью.
 Отчизна да спасется их любовью!
 Цель благородна. А живи они,
 Покорствуя других богов условью,
 Могли б на плахе, в ссоре кончить дни
 Позором для друзей, отчизны и родни.

И вот Севилью видит пилигрим.
 Еще блистает буйной красотой
 Свободный город, но уже над ним
 Насилье кружит. Огненной пятой
 Войдет тиран, предаст его разбою
 И грабежу. О, если б смертный мог
 Бороться с неизбежною судьбою!
 Не пала б Троя, Тир не изнемог,
 Добро не гибло бы, не властвовал порок.

Но, близящихся бед не сознавая,
 Еще Севилья пляшет и поет,
 Веселая, беспечная, живая.
 Тут патриотам их страна не в счет!
 Воркуют лютни, барабан не бьет,
 Над всем царит веселье молодое,
 Разврат свершает поздний свой обход,
 И Преступленья крадется ночное
 Вдоль стен, дряхлеющих в торжественном покое.

Не то крестьянин. С бледною женой
 Он тужит днем, ночей не спит в печали.
 Их виноградник вытопан войной,
 В селе давно фанданго не плясали.
 Звезда любви восходит, но едва ли
 Раздастся дробь веселых кастаньет.
 Цари, цари! Когда б вы только знали
 Простое счастье! Смолк бы гром побед,
 Не стал бы трубный зов предвестьем стольких бед.

Какою ныне песней оживляет
 Погонщик мулов долгий переход?
 Любовь ли, старину ли прославляет,
 Как славил их, когда не знал забот?
 Нет, он теперь «Viva el Rey»¹ поет,
 Но вдруг, Годоя вспомнив, хмурит брови
 И Карла Рогоносного клянет,
 А с ним его Луизу, в чьем алькове
 Измена родилась, алкающая крови.

¹ Да здравствует король! (исп.).

Среди равнины голой, на скале
 Чернеют стены мавританских башен,
 Следы копыт на раненой земле,
 Печать огня на черном лике пашен.
 Здесь орды вражьи, грозен и бесстрашен,
 Андалусийский селянин встречал,
 Здесь кровью гостя был не раз окрашен
 Его клинок, когда на гребнях скал
 Драконьи логова он дерзко штурмовал.

Здесь, не надев на шляпу ленты красной,
 Не смеет появиться пешеход.
 Когда ж дерзнет, раскается несчастный,
 То будет знак, что он не патриот.
 А нож остер, он мимо не скользнет.
 О Франция, давно бы ты дрожала,
 Когда б имел хоть ружья здесь народ,
 Когда б от взмаха гневного кинжала
 Тупели тесаки и пушка умолкала.

С нагих высот Морены в хмурый дол
 Стволы орудий смотрят, выжидая.
 Там бастион, тут ямы, частокол,
 Там ров с водой, а там скала крутая
 С десятком глаз внимательных вдоль края,
 Там часовой с опущенным штыком,
 Глядят бойницы, дулами сверкая,
 Фитиль зажжен, и конь под чепраком,
 И ядра горками уложены кругом.

Заглянем в день грядущий: кто привык
 Ниспровергать одним движеньем троны,
 Свой жезл подняв, задумался на миг, —
 Лишь краткий миг он медлил, изумленный.
 Но вскоре вновь он двинет легионы,
 Он — Бич Земли! — на Западе воскрес.
 Испания! Ты узришь гнев Беллоны,
 И грифы галла ринутся с небес,
 Чтоб кинуть тысячи сынов твоих в Гадес.

Ужель вам смерть судьба определила,
 О юноши, Испании сыны!
 Ужель одно: покорность иль могила,
 Тирана смерть иль гибель всей страны?
 Вы стать подножьем деспота должны!
 Где бог? Иль он не видит вас, герои,
 Иль стоны жертв на небе не слышны?
 Иль тщетно все: искусство боевое,
 Кровь, доблесть, юный жар, честь, мужество
стальное!

Не оттого ль, для битв покинув дом,
 Гитару дочь Испании презрела,
 Повесила на иву под окном
 И с песней, в жажде доблестного дела,
 На брань с мужами рядом полетела.
 Та, кто, иголкой палец уколов
 Или заслышав крик совы, бледнела,
 По грудам мертвых тел, под звон штыков,
 Идет Минервой там, где дрогнуть Марс готов.

Ты слушаешь, и ты пленен, но, боже!
 Когда б ты знал, какой была она
 В кругу семьи, в саду иль в темной ложе!
 Как водопад, волос ее волна,
 Бездонна глаз лучистых глубина,
 Прелестен смех, живой и нестесненный, —
 И слово меркнет, кисть посрамлена,
 Но вспомни Сарагоссы бастионы,
 Где веселил ей кровь мертвящий взгляд Горгоны,

Любимый ранен — слез она не льет,
 Пал капитан — она ведет дружину,
 Свои бегут — она кричит: вперед!
 И натиск новый смел врагов лавину.
 Кто облегчит сраженному кончину?
 Кто отомстит, коль лучший воин пал?
 Кто мужеством одушевит мужчину?
 Все, все она! Когда надменный галл
 Пред женщинами столь позорно отступал?

Но нет в испанках крови амазонок,
 Для чар любви там дева создана.
 Хоть в грозный час — еще полуребенок —
 С мужчиной рядом в бой идет она,
 В самом ожесточении нежна,
 Голубка в роли львицы разъяренной,
 И тверже, но и женственней она
 И благородней в прелести врожденной,
 Чем наши сплетницы с их пошлостью салонной,

Амур отметил пальчиком своим
 Ей подбородок нежный и чеканный,
 И поцелуй, что свил гнездо над ним,
 С горячих губ готов слететь неожиданный.
 — Смелей! — он шепчет. — Миг настал желанный,
 Она твоя, пусть недостойн ты!
 Сам Феб ей дал загар ее румяный.
 Забудь близ этой яркой красоты
 Жен бледных Севера бесцветные черты

В краях, не раз прославленных на лире,
 В гаремах стран, где медлит мой рассказ,
 Где славит жен и циник, злейший в мире,
 Хоть издали, хоть прячут их от нас,
 Чтоб ветерок не сдул их с мужних глаз,
 Среди красавиц томного Востока
 Испанку вспомни — и поймешь тотчас,
 Кто жжет сильнее мгновенным блеском ока,
 Кто ангел доброты и гурия Пророка.

О ты, Парнас! Ты мне сияешь въяве,
 Не сновиденьем беглым, не мечтой,
 Но здесь, во всей тысячелетней славе,
 Запечатленный дикой красотой,
 На этой почве древней и святой.
 Так я ли, твой паломник, о могучий,
 Тебя хоть краткой не почту хвалой!
 О, пусть услышу отклик твой певучий
 И муза крыльями взмахнет над снежной кручей.

Как часто мне являлся ты во сне!
 Я слышал звуки древних песнопений,
 И час настал, и ты открылся мне.
 Я трепещу, и клонятся колени,
 Передо мной — певцов великих тени,
 И стыдно мне за слабый голос мой.
 О, где найти слова для восхвалений?
 И, бледный, умиленный и немой,
 Я тихо радуюсь: Парнас передо мной!

Сколь многие тебя в восторге пели,
 Ни разу не видав твоих красот,
 Не посетив страны твоей, — так мне ли
 Сдержать порыв, когда душа поет!
 Пусть Аполлон покинул древний грот,
 Где муз был трон, там ныне их гробница, —
 Но некий дух прекрасный здесь живет,
 Он в тишине лесов твоих таится,
 И вздохи ветру шлет, и в глубь озер глядится.

Так! Чтоб воздать хвалу тебе, Парнас,
 Души невольным движимый порывом,
 Прервал я об Испании рассказ,
 О той стране, что новым стала дивом,
 Родная всем сердцам вольнолюбивым, —
 Вернемся к ней. И если не венок
 (Да не сочтут меня глупцом хвастливым),
 От лавра Дафны хоть один листок
 Позволь мне унести — бессмертия залог.

Прощай! Нигде среди этих древних гор,
 Ни даже в дни Эллады золотые,
 Когда гремел еще дельфийский хор,
 Звучали гимны пифии святые, —
 Верь, не являлись девы молодые
 Прекрасней тех, что дивно расцвели
 Среди пылких нег в садах Андалусии, —
 О, если б мир им боги принесли,
 Хоть горький мир твоей, о Греция, земли!

Горда Севилья роскошью и славой,
 Прекрасны в ней минувшего черты,
 И все ж ты лучше, Кадикс многоглавый,
 Хоть похвалы едва ль достоин ты.
 Но чьей порок не соблазнял мечты,
 Кто не блуждал его тропой опасной,
 Пока блистали юности цветы?
 Вампир с улыбкой херувима ясной,
 Для каждого иной, для всех равно прекрасный!

Пафос погиб, когда царица нег
 Сама пред силой Времени склонилась,
 И на другой, но столь же знойный брег
 За нею Наслажденье удалилось.
 Та, кто измен любовных не стыдилась,
 Осталась верной лишь родным волнам,
 За эти стены белые укрылась,
 И в честь Киприды не единый храм,
 Но сотни алтарей жрецы воздвигли там.

С утра до ночи, с ночи до утра
 Здесь праздный люд на улицах толпится,
 Плащи, мантильи, шляпы, веера,
 Гирлянды роз — весь город веселится.
 Повсюду смех и праздничные лица,
 Умеренность на стыд обречена.
 Приехал — можешь с трезвостью проститься!
 Здесь царство песни, пляски и вина
 И, верите, любовь с молитвою дружна.

Пришла суббота — отдых и покой!
 Но христианам не до сладкой лени.
 Ведь завтра будет праздник, и какой!
 Все на корриду кинутся, к арене,
 Где пикадора, весь в кровавой пене,
 Встречает бык, от бешенства слепой.
 Прыжок! Удар! Конь рухнул на колени,
 Кишки наружу. Хохот, свист и вой!
 А женщины? Как все — поглощены борьбой!

И день седьмой ведет заря в тумане,
 Пустеет Лондон в этот день святой.
 Принарядясь, идут гулять мещане,
 Выходит смывший грязь мастеровой
 В неделю раз на воздух полевой.
 По всем предместьям катит и грохочет
 Карет, ландо, двуколок шумных рой,
 И конь, устав, уже идти не хочет,
 А пеший грубиян глумится и хохочет.

Один с утра на Темзу поспешил,
 Другой пешком поплелся на заставу,
 Тех манит Хайгет или Ричмонд-Хилл,
 А этот в Вер повел друзей ораву.
 По сердцу всяк найдет себе забаву, —
 Тем невтерпеж почтить священный Рог,
 А тем попить и погулять на славу,
 И, смотришь, пляшут, не жалея ног,
 С полночи до утра — и тянут эль и прог.

Безумны все, о Кадикс, но тобою
 Побит рекорд. На башне девять бьет,
 И тотчас, внемля колокола бою,
 Твой житель четки набожно берет.
 Грехам у них давно потерян счет,
 И все у Девы просят отпущенья
 (Ведь дева здесь одна на весь народ!),
 И в цирк несутся все без исключенья:
 Гранд, нищий, стар и млад — все жаждут
 развлечения.

Ворота настезь, в цирке уж полно,
 Хотя еще сигнала не давали.
 Кто опоздал, тем сесть не суждено.
 Мелькают шпаги, ленты, шляпы, шали.
 Все дамы, все на зрелище попали!
 Они глазами так и целят в вас.
 Подстрелят мигом, но убьют едва ли
 И, ранив, сами вылетят тотчас.
 Мы гибнем лишь в стихах из-за прекрасных глаз.

Но стихло все. Верхом, как отлитые,
 Въезжают пикадоры из ворот.
 Плюмаж их белый, шпоры — золотые,
 Оружье — пика. Конь храпит и ржет,
 С поклоном выступают все вперед.
 По кругу вскачь, и шарф над каждым вьется,
 Их четверо, кого ж награда ждет?
 Кого толпа почтит, как полководца?
 Кому восторженно испанка улыбнется?

В середине круга — пеший матадор.
 Противника надменно ждет он к бою.
 Он облачен в блистательный убор,
 Он шпагу держит сильною рукою.
 Вот пробует медлительной стопою,
 Хорош ли грунт. Удар его клинка —
 Как молния. Не нужен конь герою,
 Надежный друг, что на рогах быка
 Нашел бы смерть в бою, но спас бы седока.

Трубят протяжно трубы, и мгновенно
 Цирк замер, Лязг засова, взмах флажком —
 И мощный зверь на желтый круг арены
 Выносится в пролет одним прыжком.
 На миг застыл. Не в бешенстве слепом,
 Но в цель уставясь грозными рогами,
 Идет к врагу, могучим бьет хвостом,
 Взметает гравий и песок ногами
 И яростно косит багровыми зрачками.

Но вот он стал. Дорогу дай, смельчак,
 Иль ты погиб! Вам биться, пикадоры!
 Смертелен здесь один неверный шаг,
 Но ваши кони огненны и скоры.
 На шкуре зверя чертит кровь узоры.
 Свист бандериллий, пик разящих звон...
 Бык повернул, идет, — скорее шпоры!
 Гигантский круг описывает он
 И мчится, бешенством и болью ослеплен.

И вновь назад! Бессильны пики, стрелы,
 Конь раненый, взвиваясь, дико ржет.
 Наездники уверены и смелы,
 Но тут ни сталь, ни сила не спасет.
 Ужасный рог вспорол коню живот,
 Другому — грудь. Как рана в ней зияет!
 Разверст очаг, где жизнь исток берет.
 Конь прынул, мчится, враг его бросает,
 Он гибнет, падая, но всадника спасает.

Средь конских трупов, бандерилий, пик,
 Изранен, загнан, изнурен борьбою,
 Стоит, храпя, остервенелый бык,
 А матадор взвивает над собою
 Свой красный шарф, он дразнит, нудит к бою,
 И вдруг прыжок, и вражий прорван строй,
 И бык летит сорвавшейся горою.
 Напрасно! Брошен смелою рукой,
 Шарф хлещет по глазам, — взмах, блеск,
и кончен бой.

Где срашена с затылком мощным шея,
 Там входит сталь. Мгновенье медлит он,
 Не хочет, гордый, пасть к ногам злодея,
 Не выдаст муки ни единый стон.
 Но вот он рухнул. И со всех сторон
 Ревут, вопят, ликуют, бьют в ладони,
 Въезжает воз, четверкой запряжен,
 Втащили тушу, и в смятенье кони,
 Рванув, во весь опор бегут, как от погони.

Так вот какой испанец! С юных лет
 Он любит кровь и хищные забавы.
 В сердцах суровых состраданья нет,
 И живы здесь жестоких предков нравы.
 Кипят междоусобные расправы.
 Уже я мнил, война народ сплотит, —
 Увы! Блюдя обычай свой кровавый,
 Здесь другу мстят из-за пустых обид,
 И жизни теплый ключ в глухой песок бежит.

Но ревность, заточенные красотки,
 Невольницы богатых стариков,
 Дуэньи, и запоры, и решетки —
 Все минуло, все ныне — хлам веков.
 Чьи девы так свободны от оков,
 Как (до войны) испанка молодая,
 Когда она плясала средь лугов
 Иль пела песнь, венок любви сплетая,
 И ей в окно луна светила золотая?

Гарольд не раз любил, иль видел сон,
 Да, сон любви, — любовь ведь сновиденье.
 Но стал угрюмо-равнодушным он.
 Давно в своем сердечном охлажденье
 Он понял: наступает пробужденье,
 И пусть надежды счастье нам сулят,
 Кончается их яркое цветенье,
 Волшебный исчезает аромат,
 И что ж останется: кипящий в сердце яд.

В нем прелесть женщин чувства не будила,
 Он стал к ним равнодушной мудреца,
 Хотя его не мудрость охладила,
 Свой жар высокий льющая в сердца.
 Изведав все пороки до конца,
 Он был страстями, что отбушевали,
 И пресыщеньем обращен в слепца,
 И жизнеотрицающей печали
 Угрюмым холодом черты его дышали.

Он в обществе был сумрачен и хмур,
 Хоть не питал вражды к нему. Бывало,
 И песнь споет, и протанцует тур,
 Но сердцем в том участвовал он мало.
 Лицо его лишь скуку выражало.
 Но раз он бросил вызов сатане.
 Была весна, все радостью дышало,
 С красавицей сидел он при луне
 И стансы ей слагал в вечерней тишине.

ИНЕСЕ

Не улыбайся мне, не жди
Улыбки странника ответной.
К его бесчувственной груди
Не приникай в печали тщетной.

Ты не поделишь, милый друг,
Страданья дней его унылых,
Ты не поймешь причины мук,
Которым ты помочь не в силах.

Когда бы ненависть, любовь
Иль честолюбье в нем бродило!
Нет, не они велят мне вновь
Покинуть все, что сердцу мило.

То скука, скука! С давних пор
Она мне сердце тайно гложет.
О, даже твой прекрасный взор,
Твой взор его развлечь не может!

Томим сердечной пустотой,
Делю я жребий Агасфера.
И в жизнь за гробовой чертой,
И в эту жизнь иссякла вера.

Бегу от самого себя,
Ищу забвенья, но со мною
Мой демон злобный, мысль моя, —
И в сердце места нет покою.

Другим все то, что скучно мне,
Дает хоть призрак наслажденья.
О, пусть пребудут в сладком сне,
Не зная муки пробужденья!

Проклятьем прошлого гоним,
Скитаюсь без друзей, без дома
И утешаюсь тем одним,
Что с худшим сердце уж знакомо.

Но с чем же? — спросишь ты. О нет,
Молчи, дитя, о том ни слова!

Взгляни с улыбкой мне в ответ
И сердца не пытай мужского.

85

Прости, прости, прекрасный Кадикс мой!
Напрасно враг грозил высоким стенам,
Ты был средь бурь незыблемой скалой,
Ты не знаком с покорностью и пленом.
И если, гневом распален священным,
Испанца кровь дерзал ты проливать,
То суд был над изменником презренным.
Но изменить могла здесь только знать.
Лишь рыцарь был готов чужой сапог лобзать.

86

Испания, таков твой жребий странный:
Народ-невольник встал за вольность в бой.
Бежал король, сдаются капитаны,
Но твердо знамя держит рядовой.
Пусть только жизнь дана ему тобой,
Ему, как хлеб, нужна твоя свобода.
Он все отдаст за честь земли родной,
И дух его мужает год от года.
«Сражаться до ножа!» — таков девиз народа.

87

Кто хочет знать Испанию, прочти,
Как воевать Испания умела.
Все, что способна месть изобрести,
Все, в чем война так страшно преуспела, —
И нож и сабля — все годится в дело!
Так за сестер и жен испанцы мстят,
Так вражий натиск принимают смело,
Так чужеземных потчуют солдат
И не сочтут за труд отправить сотню в ад.

88

Ты видишь трупы женщин и детей
И дым над городами и полями?
Кинжала нет — дубиной, ломом бей,
Пора кончать с незваными гостями!
На свалке место им, в помойной яме!
Псам кинуть труп — и то велик почет!
Засыпь поля их смрадными костями

38

И тлеть оставь — пусть внук по ним прочтет,
Как защищал свое достоинство народ!

89

Еще не пробил час, но вновь войска
Идут сквозь пиренейские проходы.
Конца никто не ведает пока,
Но ждут поработанные народы,
Добьется ли Испания свободы,
Чтобы за ней воспряло больше стран,
Чем раздавил Писарро. Мчатся годы!
Потомкам Кито мир в довольстве дан,
А над Испанией свирепствует тиран.

90

Ни Сарагоссы кровь, ни Альбуера,
Ни горы жертв, ни плач твоих сирот,
Ни мужество, какому нет примера, —
Ничто испанский не спасло народ.
Доколе червю грызть оливы плод?
Когда забудут бранный труд герои?
Когда последний страшный день уйдет
И на земле, где галл погряз в разбое,
Привьется Дерево Свободы, как родное?

91

А ты, мой друг! — но тщетно сердца стон
Врывается в строфу повествованья.
Когда б ты был мечом врага сражен,
Гордясь тобой, сдержал бы друг рыданья.
Но пасть бесславно, жертвой врачеванья,
Оставить память лишь в груди певца,
Привыкшей к одиночеству страданья,
Меж тем как Слава труса чтит, глупца, —
Нет, ты не заслужил подобного конца!

92

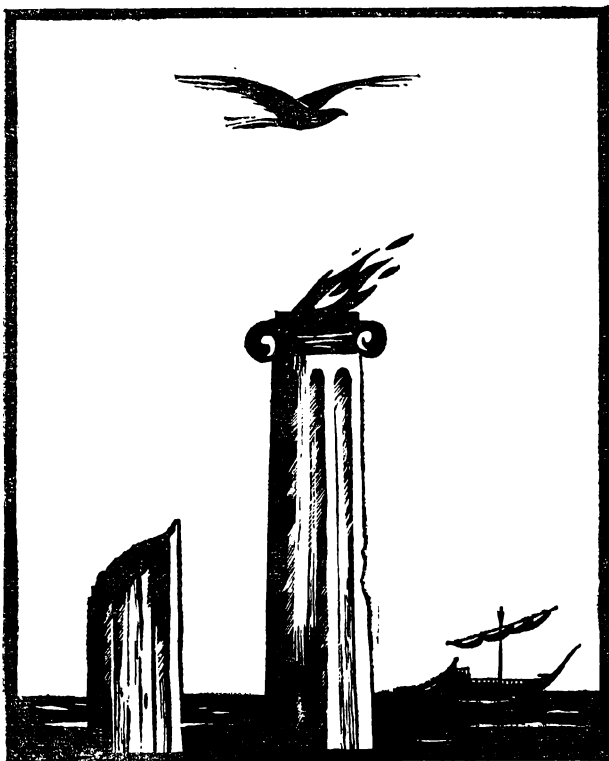
Всех раньше узнан, больше всех любим,
Сберегшему так мало дорогого
Сумел ты стать навеки дорогим.
«Не жди его!» — мне явь твердит сурово.
Зато во сне ты мой! Но утром снова
Душа к одру печальному летит,
О прошлом плачет и уйти готова

В тот мир, что тень скитальца приютит,
Где друг оплаканный о плачущем грустит.

93

Вот странствий Чайльда первая страница.
Кто пожелает больше знать о нем,
Пусть следовать за мною потрудится,
Пока есть рифмы в словаре моем.
Бранить меня успеете потом.
Ты, критик мой, сдержи порыв досады!
Прочти, что видел он в краю другом,
Там, где заморских варваров отряды
Бесстыдно грабили наследие Эллады.

Песнь вторая

1

Пою тебя, небесная, хоть к нам,
 Поэтам бедным, ты неблагоклонна.
 Здесь был, богиня мудрости, твой храм.
 Над Грецией прошли врагов знамена,
 Огонь и сталь ее терзали лоно,
 Бесчестило владычество людей,
 Не знавших милосердья и закона
 И равнодушных к красоте твоей.
 Но жив твой вечный дух средь пепла и камней.

2

Увы, Афина, нет твоей державы!
 Как в шуме жизни промелькнувший сон,
 Они ушли, мужи высокой славы,
 Те первые, кому среди племен
 Венец бессмертья миром присужден.
 Где? Где они? За партией учат дети
 Историю ушедших в тьму времен,
 И это все! И на руины эти
 Лишь отсвет падает сквозь даль тысячелетий,

3

О сын Востока, встань! Перед тобой
 Племен гробница — не тревожь их праха.
 Сменяются и боги чередой,
 Всем нить прядет таинственная Пряжа.
 Был Зевс, пришло владычество Аллаха,
 И до тех пор сменяться вновь богам,
 Покуда смертный, отрешась от страха,
 Не перестанет жечь им фимиам
 И строить на песке пустой надежды храм.

4

Он, червь земной, чего он ищет в небе?
 Довольно бы того, что он живет.
 Но так он ценит свой случайный жребий,
 Что силится загадывать вперед.
 Готов из гроба кинуться в полет
 Куда угодно, только б жить подоле,
 Блаженство ль там или страданье ждет.
 Взвесь этот прах! Тебе он скажет боле,
 Чем все, что нам твердят о той, загробной доле.

5

Вот холм, где вождь усопший погребен,
 Вдали от бурь, от песен и сражений, —
 Он пал под плач поверженных племен.
 А ныне что? Где слезы сожалений?
 Нет часовых над ложем гордой тени,
 Меж воинов не встать полубогам.
 Вот череп — что ж? Для прошлых поколений
 Не в нем ли был земного бога храм?
 А ныне даже червь не приютится там.

6

В пробоинах и свод его и стены,
 Пустынны залы, выщерблен портал.
 А был Тщеславья в нем приют надменный.
 Был Мысли храм, Души дворец блистал,
 Бурлил Страстей неудержимый шквал,
 Но все пожрал распада хаос дикий,
 Пусты глазницы, желт немой оскал.
 Какой святой, софист, мудрец великий
 Вернет былую жизнь в ее сосуд безликий?

7

«Мы знаем только то, — сказал Сократ, —
 Что ничего не знаем». И, как дети,
 Пред Неизбежным смертные дрожат.
 У каждого своя печаль на свете,
 И слабый мнит, что Зло нам ставит сети.
 Нет, суть в тебе! Твоих усилий плод —
 Судьба твоя. Покой обрящешь в Лете.
 Там новый пир пресыщенных не ждет.
 Там, в лоне тишины, страстей неведом гнет.

8

Но если есть тот грустный мир теней,
 Что нам мужи святые описали,
 Хотя б его софист иль саддукей
 В безумье знаний ложных отрицали, —
 Как было б чудно в элизийской дали,
 Где место всем, кто освещал наш путь,
 Услышать тех, кого мы не слышали,
 На тех, кого не видели, взглянуть,
 К познавшим Истину восторженно примкнуть.

9

Ты, с кем ушли Любовь и Счастье в землю,
 Мой жребий — жить, любить, но для чего?
 Мы так срослись, еще твой голос внемлю,
 И ты жива для сердца моего.
 Ужель твое недвижно и мертво!
 Живу одной надеждой сокровенной,
 Что снова там услышу зов его.
 Так будь что будет! В этой жизни брэнной
 Мое блаженство — знать, что ты в стране
блаженной.

10

Я сяду здесь, меж рухнувших колонн,
 На белый цоколь. Здесь, о Вседержитель,
 Сатурна сын, здесь был твой гордый трон.
 Но из обломков праздный посетитель
 Не воссоздаст в уме твою обитель.
 Никто развалин вздохом не почитит.
 И, здешних мест нелюбопытный житель,
 На камни мусульманин не глядит,
 А проходящий грек поет или свистит.

11

Но кто же, кто к святилищу Афины
 Последним руку жадную простер?
 Кто расхищал бесценные руины,
 Кто самый злой и самый низкий вор?
 Пусть Англия, стыдясь, опустит взор!
 Свободных в прошлом чтут сыны Свободы,
 Но не почтил их сын шотландских гор:
 Он, переплыв бесчувственные воды,
 В усердьи варварском ломал колонны, своды.

12

Что пощадили время, турок, гот,
 То нагло взято пиктом современным.
 Нет, холоднее скал английских тот,
 Кто подошел с киркою к этим стенам,
 Кто не проникся трепетом священным,
 Увидев прах великой старины.
 О, как страдали скованные пленом,
 Дея богини скорбь, ее сыны,
 Лишь видеть и молчать судьбой обречены!

Ужель признают, не краснея, бритты,
 Что Альбион был рад слезам Афин,
 Что Грецию, молившую защиты,
 Разграбил полумира властелин!
 Страна свободы, страж морских пучин,
 Не ты ль слыла заступницей Эллады!
 И твой слуга, твой недостойный сын
 Пришел, не зная к слабому пощады,
 Отнять последнее сокровище Паллады!

Но ты, богиня, где же ты, чей взгляд
 Пугал когда-то гота и вандала?
 Где ты, Ахилл, чья тень, осилив ад
 И вырвавшись из вечного провала,
 В глаза врагу грозюю заблистала?
 Ужель вождя не выпустил Плутон,
 Чтоб мощь его пиратов обуздали?
 Нет, праздный дух, бродил над Стиксом он
 И не прогнал воров, ломавших Парфенон.

Глух тот, кто прах священный не почитит
 Слезами горя, словно прах любимой.
 Слеп тот, кто меж обломков не грустит
 О красоте, увы, невозвратимой!
 О, если б гордо возгласить могли мы,
 Что бережет святыни Альбион,
 Что алтари его рукой хранимы.
 Нет, все поправ, увозит силой он
 Богов и зябких нимф под зимний небосклон.

Но где ж Гарольд остался? Не пора ли
 Продолжить с ним его бесцельный путь?
 Его и здесь друзья не провожали,
 Не кинулась любимая на грудь,
 Чтоб знал беглец, о ком ему вздохнуть.
 Хоть красоты иноплеменной гений
 И мог порой в нем сердце всколыхнуть,
 Он скорбный край войны и преступлений
 Покинул холодно, без слез, без сожалений.

Кто бороздил простор соленых вод,
 Знаком с великолепною картиной:
 Фрегат нарядный весело плывет,
 Раскинув снасти тонкой паутиной.
 Играет ветер в синеве пустынной,
 Вскипают шумно волны за кормой.
 Уходит берег. Стаей лебединой
 Вдали белеет парусный конвой.
 И солнца свет, и блеск пучины голубой.

Корабль подобен крепости плавучей.
 Под сетью здесь — воинственный мирок.
 Готовы пушки — ведь неверен случай!
 Осиплый голос, боцмана свисток,
 И вслед за этим дружный топот ног,
 Кренятся мачты и скрипят канаты.
 А вот гардемарин, еще щенок,
 Но в деле — хват и, как моряк завзятый,
 Бранится иль свистит, ведя свой дом крылатый.

Корабль надраен, как велит устав.
 Вот лейтенант обходит борт сурово,
 Лишь капитанский мостик миновав.
 Где капитан — не место для другого.
 Он лишнего ни с кем не молвит слова
 И с экипажем держит строгий тон.
 Ведь дисциплина — армии основа.
 Для славы и победы свой закон
 Британцы рады чтить, хотя им в тягость он.

Вей, ветер, вей, наш парус надувая,
 День меркнет, скоро солнце уж зайдет.
 Так растянулась за день наша стая,
 Хоть в дрейф ложись, пока не рассветет.
 На флагмане уже спускают грот.
 И, верно, остановимся мы вскоре,
 А ведь ушли б на много миль вперед!
 Вода подобна зеркалу. О, горе —
 Ленивой свиты ждать, когда такое море!

Встает луна. Какая ночь, мой бог!
 Средь волн дрожит дорожка золотая.
 В такую ночь один ваш страстный вздох,
 И верит вам красotka молодая.
 Неси ж на берег нас, судьба благая!
 Но Арион нашелся на борту
 И так хватил по струнам, запевая,
 Так лихо грянул в ночь и в темноту,
 Что все пустились в пляс, как с милыми в порту.

Корабль идет меж берегов высоких.
 Две части света смотрят с двух сторон.
 Там пышный край красавиц чернооких,
 Здесь — черного Марокко нищий склон.
 Испанский берег мягко освещен,
 Видны холмы, под ними лес зубчатый,
 А тот — гигантской тенью в небосклон
 Вонзил свои береговые скаты,
 Не озаренные косым лучом Гекаты.

Ночь. Море спит. О, как в подобный час
 Мы ждем любви, как верим, что любили,
 Что друг далекий ждет и любит нас,
 Хоть друга нет, хоть все о нас забыли.
 Нет, лучше сон в безвременной могиле,
 Чем юность без любимой, без друзей!
 А если сердце мы похоронили,
 Тогда на что и жизнь, что толку в ней?
 Кто может возвратить блаженство детских дней!

Глядишь за борт, следишь, как в глуби водной
 Дианы рог мерцающий плывет,
 И сны забыты гордости бесплодной,
 И в памяти встает за годом год,
 И сердце в каждом что-нибудь найдет,
 Что было в жизни для тебя дороже,
 И ты грустишь, и боль в душе растет,
 Глухая боль... Что тягостней, о боже,
 Чем годы вспоминать, когда ты был моложе!

Лежать у волн, сидеть на крутизне,
 Уйти в безбрежность, в дикие просторы,
 Где жизнь вольна в беспечной тишине,
 Куда ничьи не проникали взоры;
 По козьим тропкам забираться в горы,
 Где грозен шум летящих в бездну вод,
 Подслушивать стихий мятежных споры, —
 Нет, одиноким быть не может тот,
 Чей дух с природою один язык найдет.

Зато в толпе, в веселье света мнимом,
 В тревогах, смутах, шуме суеты,
 Идти сквозь жизнь усталым пилигримом
 Среди богатств и жалкой нищеты,
 Где нелюбим и где не любишь ты,
 Где многие клянутся в дружбе ныне
 И льстят тебе, хоть, право, их черты
 Не омрачатся при твоей кончине —
 Вот одиночество, вот жизнь в глухой пустыне!

Насколько же счастливее монах,
 Глядящий из обители Афона
 На пик его в прозрачных небесах,
 На зелень рош, на зыбь морского лона,
 На все, чем, озираясь умиленно,
 Любуется усталый пилигрим,
 Не в силах от чужого небосклона
 Уйти к холодным берегам родным,
 Где ненавидит всех и всеми нелюбим.

Но между тем мы долгий путь прошли,
 И зыбкий след наш поглотили воды,
 Мы шквал, и шторм, и штиль перенесли,
 И солнечные дни, и непогоды —
 Все, что несут удачи и невзгоды
 Жильцам морских крылатых крепостей,
 Невольникам изменчивой природы, —
 Все позади, и вот, среди зыбей —
 Ура! Ура — земля! Ну, други, веселей!

Правь к островам Калипсо, мореход,
 Они зовут усталого к покою,
 Как братья встав среди бескрайних вод.
 И нимфа слез уже не льет рекою,
 Простив обиду смертному герою,
 Что предпочел возлюбленной жену.
 А вон скала, где дружеской рукою
 Столкнул питомца Ментор в глубину,
 Оставив о двоих рыдать ее одну.

30

Но что же царство нимф — забытый сон?
 Нет, не грусти, мой юный друг, вздыхая.
 Опасный трон — в руках у смертных жен,
 И если бы, о Флоренс дорогая,
 Могла любить душа, для чувств глухая,
 Сама судьба потворствовала б нам.
 Но, враг цепей, все узы отвергая,
 Я жертв пустых не принесу в твой храм
 И боль напрасную тебе узнать не дам.

31

Гарольд считал, что взор прекрасных глаз
 В нем вызывает только восхищенье,
 И, потеряв его уже не раз,
 Любовь теперь держалась в отдаленье,
 Поняв в своем недавнем пораженье,
 Что сердце Чайльда для нее мертво,
 Что, презирая чувства ослепленье,
 Он у любви не просит ничего,
 И ей уже не быть царицей для него.

32

Зато прекрасной Флоренс было странно:
 Как тот, о ком шептали здесь и там,
 Что он готов влюбляться непрестанно,
 Так равнодушен был к ее глазам.
 Да, взор ее, к досаде многих дам,
 Сражал мужчин, целил и ранил метко,
 А он — юнец! — мальчишка по годам,
 И не просил того, за что кокетка
 Нередко хмурится, но гневается редко.

Она не знала, что и Чайльд любил,
 Что в равнодушие он искал защиты,
 Что подавлял он чувств невольный пыл,
 И гордостью порывы их убиты,
 Что не было опасней волокиты,
 И в сеть соблазна многих он завлек,
 Но все проказы ныне им забыты,
 И хоть бы страсть в нем синий взор зажег,
 С толпой вздыхателей смешаться он не мог.

Кто лишь вздыхает — это всем известно, —
 Не знает женщин, их сердечных дел.
 Ты побежден, и ей неинтересно,
 Вздыхай, моли, но соблюдай предел.
 Иначе лишь презренье твой удел.
 Из кожи лезь — у вас не будет лада!
 К чему моления? Будь остер и смел,
 Умей смешить, подчас колья, где надо,
 При случае польсти, и страсть — твоя награда!

Прием из жизни взятый, не из книг!
 Но многое теряет без возврата,
 Кто овладел им. Цели ты достиг.
 Ты насладился, но чрезмерна плата:
 Старанье сердца, лучших сил утрата,
 И страсть сыта, но юность сожжена,
 Ты мелок стал, тебе ничто не свято,
 Любовь тебе давно уж не нужна,
 И, все мечты презрев, душа твоя больна.

Но в путь! Иной торопит нас предмет.
 Немало стран пройти мы обещали,
 И не игре Воображенья вслед,
 А волею задумчивой печали.
 Мы стран таких и в сказках не встречали,
 И даже утописты наших дней
 Такой картиной нас не обольщали, —
 Те чудачки, что исправлять людей
 Хотят при помощи возвышенных идей.

Природа-мать, тебе подобных нет,
 Ты жизнь творишь, ты создаешь светила.
 Я приникал к тебе на утре лет,
 Меня, как сына, грудью ты вскормила
 И не отвергла, пусть не полюбила.
 Ты мне роднее в дикости своей,
 Где власть людей твой лик не осквернила.
 Люблю твою улыбку с детских дней,
 Люблю спокойствие — но гнев еще сильнеей.

Среди мудрейших в главы хрестоматий,
 Албания, вошел твой Искандер.
 Героя тезка — бич турецких ратей —
 Был тоже рыцарь многим не в пример.
 Прекрасна ты, страна хребтов, пещер,
 Страна людей, как скалы, непокорных,
 Где крест поник, унижен калойер
 И полумесяц на дорогах горных
 Горит над лаврами средь кипарисов черных.

Гарольд увидел скудный остров тот,
 Где Пенелопа, глядя вдаль, грустила.
 Скалу влюбленных над пучиной вод,
 Где скорбной Сафо влажная могила.
 Дочь Лесбоса! Иль строф бессмертных сила
 От смерти не могла тебя спасти?
 Не ты ль сама бессмертие дарила!
 У лиры есть к бессмертию пути,
 И неба лучшего нам, смертным, не найти.

То было тихим вечером осенним,
 Когда Левкады Чайльд узнал вдали,
 Но мимо плыл корабль, и с сожаленьем
 На мыс глядел он. Чайльда не влекли
 Места, где битвы грозные прошли,
 Ни Трафальгар, ни Аксиум кровавый.
 Рожденный в тихом уголке земли,
 Он презирал, пустой не бредя славой,
 Солдат-наемников и даже вид их бравый.

Но вот блеснул звезды вечерний свет,
 И, весь отдавшись странному волненью,
 Гарольд послал прощальный свой привет
 Скале любви с ее гигантской тенью.
 Фрегат скользил, как бы охвачен ленью,
 И Чайльд глядел задумчиво назад,
 Волны возвратной следуя движенью,
 Настроясь вновь на свой привычный лад.
 Но лоб его светлел, и прояснялся взгляд.

Над скалами Албании суровой
 Восходит день. Вот Пинд из темных туч
 В тюрбане белом, черный и лиловый,
 Возник вдали. На склоне мшистых круч
 Селенья бледный освещает луч.
 Там лютый барс в расселинах таится,
 Орел парит, свободен и могуч.
 Там люди вольны, словно зверь и птица,
 И буря, Новый год встречая, веселится.

И вот где Чайльд один! Пред ним края
 Для христианских языков чужие.
 Любуясь ими, но и страх тая,
 Иной минует скалы их крутые.
 Однако Чайльд изведал все стихии,
 Не ищет гроз, но встретить их готов,
 Желаний чужд, беспечен, и впервые
 Дыша свободой диких берегов,
 И зной он рад терпеть и холод их снегов.

Вот Красный крест, один лишь Крест всего,
 Посмешище приверженцев Ислама,
 Униженный, как те, кто чтит его.
 О Суеверье, как же ты упрямо!
 Христос, Аллах ли, Будда или Брама,
 Бездушный идол, бог — где правота?
 Но суть одна, когда посмотришь прямо:
 Церквам — доход, народу — нищета!
 Где ж веры золото, где ложь и суета?

А вот залив, где отдан был весь мир
 За женщину, где всю армаду Рима,
 Царей азийских бросил триумвир.
 Был враг силен, любовь непобедима.
 Но лишь руины смотрят нелюдимо,
 Где продолжатель Цезаря царил.
 О деспотизм, ты правишь нетерпимо!
 Но разве бог нам землю подарил,
 Чтоб мир лишь ставкою в игре тиранов был?

От этих стен, от Города Побед
 Чайльд едет в иллирийские долины.
 В истории названий этих нет,
 Там славные не встретятся руины,
 Но и роскошной Аттики картины,
 И дол Тампейский, и тебя, Парнас,
 Затмил бы многим этот край пустынный,
 Не будь вы милой классикой для нас.
 Идешь — любишься, — и все чарует глаз!

Минуя Пинд, и воды Ахерузы,
 И главный город, он туда идет,
 Где Произвол надел на Вольность узы,
 Где лютый вождь Албанию гнетет,
 Поработив запуганный народ.
 Где лишь порой, неукротимо дики,
 Отряды горцев с каменных высот
 Свергаются, грозя дворцовой клике,
 И только золото спасает честь владыки.

О Зитца! Благодатный монастырь!
 Какая тень! Как все ласкает взоры!
 Куда ни смотришь: вниз иль в эту ширь —
 Как лучезарно-радужны просторы!
 Все гармонично: небо, лес и горы,
 Нависших скал седые горбыли,
 Ручьев, по склонам вьющихся, узоры,
 Да водопада мерный шум вдали,
 И синевы потоп от неба до земли.

Когда б уступы мрачных гор кругом
 Не высились громадою надменной,
 Мохнатый холм, увенчанный леском,
 Казался бы величественной сценой.
 В обители укрывшись белостенной,
 От суеты бытийственной храним,
 Живет монах, анахорет смиренный,
 И здесь невольно медлит пилигрим,
 Внимая голосам природы, как родным.

50

Он забывает знойный пыльный путь,
 Его листва объемлет вековая,
 А ветерок живет и нежит грудь
 И в сердце льет благоуханье рая.
 Внизу осталась толчея людская,
 Не может зной проникнуть в эту сень,
 До дурноты, до злости раздражая.
 Лежишь и смотришь, услаждая лень,
 Как день за утром встал, как вечер сменит день.

51

Кругом вулканов мертвая гряда,
 За ними Альп химерских седловина,
 А там потоки, хижины, стада —
 Внизу живет и движется долина.
 Там сосны, тут стрельчатая раина,
 Чернеет легендарный Ахерон,
 Река теней — волшебная картина!
 И это входы в Тартар? Нет, Плутон,
 Пусть рай закроется, меня не манит он!

52

Не портят вида разные строенья.
 Янину скрыла ближних гор стена,
 Лишь там и здесь убогие селенья,
 Кой-где маячит хижина одна,
 А вон поляна горная видна,
 Пасутся козы, пастушок на круче.
 Простых забот вся жизнь его полна:
 Мечтает, спит, глядит, откуда тучи,
 Или в пещере ждет, чтоб минул дождь ревучий.

Додона, где твой лес, твой вещий ключ,
 Оракул твой и дол благословенный,
 Слыхавший Зевса голос из-за туч?
 Где храм его, для Греции священный?
 Их нет. Так нам ли, коль падут их стены,
 Роптать на то, что смертным Смерть грозит!
 Молчи, глупец! И мы, как боги, тленны.
 Пусть долговечней дуб или гранит,
 Все — троны, языки, народы — Рок сразит.

Эпир прошли мы. Насмотревшись гор,
 Любуешься долинами устало.
 В такой нарядный, праздничный убор
 Нигде весна земли не одевала.
 Но даже здесь красот смиренных мало.
 Вот шумно льется речка с крутизны,
 Над нею лес колеблет опахала,
 И тени пляшут в ней, раздроблены,
 Иль тихо спят в лучах торжественной луны.

За Томерит зашло светило дня,
 Лаос несется с бешеным напором,
 Ложится тьма, последний луч тесня,
 И, берегом сходя по крутогорам,
 Чайльд видит вдруг: подобно метеорам,
 Сверкают минареты за стеной.
 То Тепелена, людная, как форум,
 И говор, шум прислуги крепостной,
 И звон оружия доносит бриз ночной.

Минуя башню, где гарем священный,
 Из-под массивной арки у ворот
 Он видит дом владыки Тепелены
 И перед ним толпящийся народ.
 Тиран в безумной роскоши живет:
 Снаружи крепость, а внутри палаты.
 И во дворе — разноплеменный сброд:
 Рабы и гости, свнухи, солдаты,
 И даже, среди них, «сантоны» — те, кто святы.

Вдоль стен, по кругу, сотни три коней,
 На каждом, под седлом, чепрак узорный.
 На галереях множество людей,
 И то ли вестовой или дозорный,
 Какой-нибудь татарин в шапке черной
 Вдруг на коня — и скачет из ворот.
 Смешались турок, грек, албанец горный,
 Приезжие с неведомых широт,
 А барабан меж тем ночную зорю бьет.

Вот шкипетар, он в юбке, дикий взор,
 Его ружье с насечкою богатой,
 Чалма, на платье золотой узор.
 Вот македонец — красный шарф трикраты
 Вкруг пояса обмотан. Вот в косматой
 Папахе, с тяжелой саблею, дели,
 Грек, черный раб иль турок бородатый, —
 Он соплеменник самого Али.
 Он не ответит вам. Он — власть, он — соль земли.

Те бродят, те полулежат, как гости,
 Следя за пестрой сменой картин.
 Там спорят, курят, там играют в кости,
 Тут молится Ислама важный сын.
 Албанец горд, идет, как властелин.
 Ораторствует грек, выдавший много.
 Чу! С минарета кличет муэдзин,
 Напоминая правоверным строго:
 «Молитесь, бог один! Нет бога, кроме бога!»

Как раз подходит рамазан, их пост.
 День летний бесконечен, но терпенье!
 Чуть смеркнется, с явленьем первых звезд,
 Берет Веселье в руки управленье.
 Еда — навалом, блюда — объеденье!
 Кто с галереи в залу не уйдет?
 Теперь из комнат крики, хохот, пенье,
 Снуют рабы и слуги взад-вперед,
 И каждый что-нибудь приносит иль берет.

Но женщин нет: пиры — мужское дело.
 А ей — гарем, надзор за нею строг.
 Пусть одному принадлежит всецело,
 Для клетки создал мусульманку бог!
 Едва ступить ей можно за порог.
 Ласкает муж, да год за годом дети,
 И вот вам счастья женского залог!
 Рожать, кормить — что лучше есть на свете?
 А низменных страстей им незнакомы сети.

В обширной зале, где фонтан звенит,
 Где стены белым мрамором покрыты,
 Где все к усладам чувственным манит,
 Живет Али, разбойник именитый.
 Нет от его жестокости защиты,
 Но старчески-почтенные черты
 Так дружелюбно-мягки, так открыты,
 Полны такой сердечной доброты,
 Что черных дел за ним не заподозришь ты,

Кому, когда седая борода
 Мешала быть, как юноша, влюбленным?
 Мы любим, невзирая на года,
 Гафиз согласен в том с Анакреоном,
 Но на лице, годами заклеянным,
 Как тигра коготь, оставляет шрам
 Преступность, равнодушная к законам,
 Жестокость, равнодушная к слезам.
 Кто занял трон убийц — убийством правит сам.

Однако странник здесь найдет покой,
 Тут все ему в диковинку, все ново,
 Он отдохнет охотно день-другой.
 Но роскошь мусульманского алькова,
 Блеск, мишура — все опостылет снова,
 Все было б лучше, будь оно скромней.
 И Мир бежит от зрелища такого,
 И Наслажденье было бы полней
 Без этой роскоши, без царственных затей.

В суровых добродетелях воспитан,
 Албанец твердо свой закон блюдет.
 Он горд и храбр, от пули не бежит он,
 Без жалоб трудный выдержит поход.
 Он — как гранит его родных высот.
 Храня к отчизне преданность сыновью,
 Своих друзей в беде не предаёт
 И, движим честью, мщеньем иль любовью,
 Берется за кинжал, чтоб смыть обиду кровью.

Среди албанцев прожил Чайльд немало.
 Он видел их в триумфе бранных дней,
 Видал и в час, когда он, жертва шквала,
 Спасался от бушующих зыбей.
 Душою черствый в час беды черствею,
 Но их сердца для страждущих открыты —
 Простые люди чтут своих гостей,
 И лишь у вас, утонченные бритты,
 Так часто не найдешь ни крова, ни защиты.

Случилось так, что ветром и волной
 Корабль Гарольда к Сулии помчало,
 Чернели рифы, и ревел прибой,
 Но капитан и не искал причала.
 Была гроза, и море бушевало,
 Однако люди больше волн и скал
 Боялись тут засады и кинжала,
 Который встарь без промаха карал,
 Когда незванный гость был турок или галл.

Но все ж подплыть отважились, и что же —
 Их сулюты в бухту провели
 (Гостеприимней шаркуна-вельможи
 Рыбак иль скромный труженик земли),
 Очаг в хибарке и светец зажгли,
 Развесили одежды их сырые,
 Радушно угостили, чем могли, —
 Не так, как филантропы записные,
 Но как велят сердца бесхитростно-простые.

Когда же дале Чайльд решил идти,
 Устав от гор, от дикой их природы,
 Ему сказали, что на полпути
 Бандитской шайкой заняты проходы,
 Там села жгут, там гибнут пешеходы!
 Чтоб лесом Акарнани скорей
 Пройти туда, где Ахелоя воды
 Текут близ этолийских рубежей,
 Он взял в проводники испытанных мужей.

70

Где Утракийский круглый спит залив
 Меж темных рощ, прильнув к холмам зеленым,
 И не бушуют волны, отступив,
 Но в синий день сверкают синим лоном
 Иль зыблются под звездным небосклоном,
 Где западные ветры шелестят, —
 Гарольд казался тихо умиленным,
 Там был он принят, как любимый брат,
 И радовался дню, и ночи был он рад.

71

На берегу огни со всех сторон,
 Гостей обходят чаши круговые.
 И кажется, чудесный видит сон,
 Тому, кто видит это все впервые.
 Еще краснеют небеса ночные,
 Но игры начинать уже пора.
 И паликары, сабли сняв кривые
 И за руки берясь, вокруг костра
 Заводят хоровод и пляшут до утра.

72

Поодаль стоя, Чайльд без раздраженья
 Следил за веселящейся толпой.
 Не оскорбляли вкуса их движенья,
 И не было вульгарности тупой
 Во всем, что видел он перед собой.
 На смуглых лицах пламя грозно дело,
 Спадали космы черною волной,
 Глаза пылали сумрачно и смело,
 И все, что было здесь, кричало, выло, пело.

Тамбурджи, тамбурджи! Ты будишь страну,
Ты, радуя храбрых, пророчишь войну,
И с гор киммериец на зов твой идет,
Иллирии сын и смельчак сулиот.

Косматая шапка, рубаха как снег.
Кто может сдержать сулиота набег?
Он, волку и грифу оставив стада,
Свергается в дол, как с утеса вода.

Ужель киммериец врага пощадит?
Он даже друзьям не прощает обид.
И мечь его пуле, как честь, дорога —
Нет цели прекрасней, чем сердце врага!

А кто македонца осилит в бою?
На саблю он сменит охоту свою.
Вот жаркая кровь задымилась на ней.
И шарф его красный от крови красней.

Паргийским пиратам богатый улов:
Французам дорога на рынок рабов!
Галеры хозяев своих подождут.
Добычу в лесную пещеру ведут.

Нам золото, роскошь и блеск ни к чему —
Что трус покупает, я саблей возьму.
Ей любо красавиц чужих отнимать,
Пусть горько рыдает о дочери мать.

Мне ласка красавицы слаще вина,
Кипящую кровь успокоит она
И в песне прославит мой подвиг и бой,
Где пал ее брат иль отец предо мной.

Ты помнишь Превезу? О, сладостный миг!
Бегущих мольбы, наступающих крик!
Мы предали город огню и мечу, —
Безвинным пощада, но смерть богачу!

Кто служит визирю, тот знает свой путь.
И жалость и страх, шкипетар, забудь!
С тех пор как Пророк удалился с земли,
Вождей не бывало подобных Али.

Мухтар, его сын, — у Дуная-реки.
Там гонят гяуров его бунчуки,
Их волосы желты, а лица бледны.
Из русских второй не вернется с войны.

Так саблю вождя обнажай, селиктар!
Тамбурджи! Твой зов — это кровь и пожар.
Клянемся горам, покидая свой дом:
Погибнем в бою иль с победой придем.

73

Моя Эллада, красоты гробница!
Бессмертная и в гибели своей,
Великая в паденье! Чья десница
Сплотит твоих сынов и дочерей?

Где мощь и непокорство прошлых дней,
Когда в неравный бой за Фермопилы
Шла без надежды горсть богатырей?
И кто же вновь твои разбудит силы
И воззовет тебя, Эллада, из могилы?

74

Когда за вольность бился Фразибул,
Могли ль поверить гордые Афины,
Что покорит их некогда Стамбул
И ввергнет в скорбь цветущие долины.
И кто ж теперь Эллады властелины?
Не тридцать их — кто хочет, тот и князь.
И грек молчит, и рабы гнутся спины.
И, под плетью турецкими смирясь,
Простерлась Греция, затоптанная в грязь.

75

Лишь красоте она не изменила,
И странный блеск в глазах таит народ,
Как будто в нем еще былая сила
Неукротимой вольности живет.
Увы! Он верит, что не вечен гнет,
Но веру он питает басней вздорной,
Что помощь иноземная придет,

И раздробит ярем его позорный,
И вырвет слово «грек» из книги рабства черной.

76

Рабы, рабы! Иль вами позабыт
Закон, известный каждому народу?
Вас не спасут ни галл, ни москвит,
Не ради вас готовят их к походу,
Тиран падет, но лишь другим в угоду.
О Греция! Восстань же на борьбу!
Раб должен сам добыть себе свободу!
Ты цепи обновишь, но не судьбу.
Иль кровью смыть позор, иль быть рабом рабу!

77

Когда-то город силой ятаганов
Был у гяура отнят. Пусть опять
Гяур османа вытеснит, воспрянув,
И будет франк в серале пировать,
Иль ваххабит, чей предок, словно тать,
Разбойник усыпальницу Пророка,
Пойдет пятою Запад попирать, —
К тебе Свобода не преклонит ока,
И снова будет раб нести ярмо без срока.

78

Но как-никак перед постом их всех
К веселью тянет. Нужно торопиться!
Ведь скоро всем, за первородный грех,
Весь день не есть, потом всю ночь молиться,
И вот, поскольку ждет их власяница,
Дней пять иль шесть веселью нет преград,
Чем хочешь, можешь тайно насладиться,
Не то кидайся в карнавальнй чад,
Любое надевай — и марш на маскарад!

79

Веселью, как безудержной стихии,
Стамбул себя всецело отдает.
Хотя тюрбаны чванствуют в Софии,
Хотя без храма греческий народ
(Опять о том же стих мой слезы льет!),
Дары Свободы славя в общем хоре,
К веселью звал Афины их рапсод,

Но лишь Притворство радуется в горе,
И все же праздник бьет весельем на Босфоре.

80

Беспечной, буйной суматохе в лад
Звучит, меняясь, хор без перерыва.
А там, вдали, то весла зашумят,
То жалуются волны сиротливо.
Но вдруг промчался ветер от залива,
И кажется, покинув небосвод,
Владычица прилива и отлива,
Чтоб веселее праздновал народ,
Сама, удвоив свет, сияет в глуби вод.

81

Качает лодки чуткая волна,
Порхают в пляске дочери Востока.
Конечно, молодежи не до сна,
И то рука, то пламенное око
Зовут к любви, и страсть, не выждав срока,
Касаньем робким сердце выдает.
Любовь, Любовь! Добра ты иль жестока,
Пускай там циник что угодно врет, —
И годы мук не жаль за дни твоих щедрот!

82

Но неужели в вихре маскарада
Нет никого, кто вспомнил бы о том,
Что умерло с тобой, моя Эллада;
Кто слышит даже в рокоте морском
Ответ на боль, на слезы о былом;
Кто презирает этот блеск нахальный
И шум толпы, ликующей кругом;
Кто в этот час, для Греции печальный,
Сменил бы свой наряд на саван погребальный.

83

Нет, Греция, тот разве патриот,
Кто, болтовнею совесть успокая,
Тирану льстит, покорно шею гнет
И с видом оскорбленного героя
Витийствует и прячется от боя.
И это те, чьих дедов в оны дни
Страшился перс и трепетала Троя!

Ты все им дать сумела, но взгляни:
Не любят матери истерзанной они.

84

Когда сыны Лакедемона встанут
И возродится мужество Афин,
Когда сердца их правнуков воспрянут
И жены вновь начнут рождать мужчин,
Ты лишь тогда воскреснешь из руин.
Тысячелетья длится рост державы,
Ее низвергнуть — нужен час один,
И не вернут ей отошедшей славы
Ни дальновидный ум, ни злата звон лукавый.

85

Но и в оковах ты кумир веков,
К тебе — сердец возвышенных дороги,
Страна людьми низвергнутых богов,
Страна людей, прекрасных, точно боги.
Долины, рощи, гор твоих отроги
Хранят твой дух, твой гений, твой размах.
Разбиты храмы, рушатся чертоги,
Развеялся твоих героев прах,
Но слава дел твоих еще гремит в веках.

86

И ныне среди мраморных руин,
Пред колоннадой, временем разбитой,
Где встарь сиял воздушный храм Афин,
Венчая холм, в столетьях знаменитый,
Иль над могилой воина забытой,
Среди непотревоженной травы,
Лишь пилигрим глядит на эти плиты,
Отшельник, чуждый света и молвы,
И, сумрачно вздохнув, как я, шепнет: увы!

87

Но ты жива, священная земля,
И так же Фебом пламенным согрета.
Оливы пышны, зелены поля,
Багряны лозы, светел мед Гимета.
Как прежде, в волнах воздуха и света
Жужжит и строит влажный сот пчела.
И небо чисто, и роскошно лето.

Пусть умер гений, вольность умерла, —
Природа вечная прекрасна и светла.

88

И ты ни в чем обыденной не стала,
Страной чудес навек осталась ты.
Во всем, что детский ум наш воспитало,
Что волновало юные мечты,
Ты нам являешь верные черты
Не вымысла, но подлинной картины.
Пусть Время рушит храмы иль мосты,
Но море есть, и горы, и долины,
Не дрогнул Марафон, хоть рухнули Афины.

89

Не землю ты, не солнце в небесах,
Лишь господина, став рабой, сменила.
В бескрылом рабстве гений твой исчах,
И только Слава крылья сохранила.
Меж этих гор — персидских орд могила.
Эллады нет, но слово «Марафон»,
С которым ты навек себя сроднила,
Являет нам из глубины времен
Теснину, лязг мечей, и кровь, и павших стон,

90

Мидян бегущих сломанные луки,
И гибель перса, и позор его,
Холмы, и дол, и берегов излуки,
И победивших греков торжество.
Но где трофеи гнева твоего,
Край, где Свободой Азия разбита?
Ни росписей, ни статуй — ничего!
Все вор унес, твоя земля разрыта,
И топчут пыль коня турецкого копыта.

91

И все же ты, как в древности, чудесен,
Ты каждой гранью прошлого велик,
Заветный край героев, битв и песен,
Где родился божественный язык,
Что и в пределы Севера проник
И зазвучал, живой и юный снова,
В сердцах горячих, на страницах книг,

Искусства гордость, мудрости основа,
Богов и светлых муз возвышенное слово.

92

В разлуке мы тоскуем о родном,
О доме, где в слезах нас провожали,
Но одинокий здесь найдет свой дом,
И он вздохнет о родине едва ли.
Все в Греции сродни его печали,
Все родственней его родной земли.
И прах богов не отряхнет с сандалий,
Кто был в краю, где Дельфы встарь цвели,
Где бились перс и грек и рядом смерть нашли.

93

Он здесь для сердца обретет покой,
Один бродя в магической пустыне,
Но пусть не тронет хищною рукой
Уже полурасхищенной святыни
Народа, миром чтимого доныне,
Пускай достойно имя «бритт» несет
И, приобщась великой благостыни,
Вернется под родимый небосвод,
Где в Жизни и Любви прибежище найдет.

94

А ты, кто гнал тоску глухих ночей,
Безвестные нанизывая строки,
В шумихе современных рифмачей
Не прозвучит твой голос одинокий.
Пройдут судьбой отмеренные сроки,
Другие лавр увядший подберут,
Но что тебе хвалы или упреки
Без них, без тех, кто был твой высший суд,
Кого ты мог любить, кому вверял свой труд.

95

Их нет, как нет, красавица, тебя,
Любимая, кто всех мне заменила,
Кто все прощать умела мне, любя,
И клевете меня не уступила.
Что жизнь моя! Тебя взяла могила,
Ты страннику не кинешься на грудь,
Его удел — вздыхать о том, что было,

Чего судьбе вовеки не вернуть, —
Придет, войдет в свой дом и вновь — куда-нибудь...

96

Возлюбленная, любящая вечно,
Единственная! Скорбь не устает
К былому возвращаться бесконечно.
Твой образ даже время не сотрет.
Хоть все похитил дней круговорот —
Друзей, родных, тебя, кто мир вместила!
О, смерть! Как точен стрел ее полет!
Все, чем я жил, чудовищная сила
Внезапно унесла, навеки поглотила.

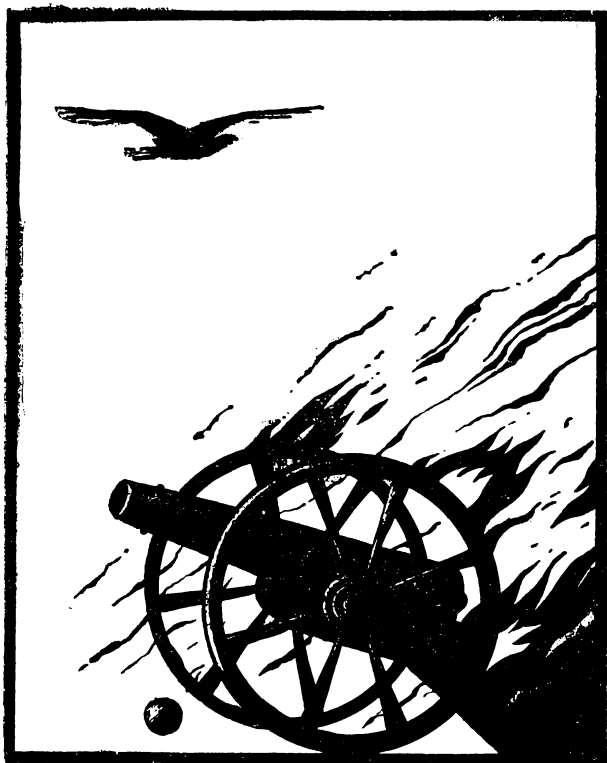
97

Так что ж, иль в омут чувственных утех,
К пирам вернуться, к светским карнавалам,
Где царствует притворный, лживый смех,
Где всюду фальшь — равно в большом и малом,
Где чувство, мысль глушат весельем шалым, —
Играть себе навязанную роль,
Чтоб дух усталый стал вдвойне усталым,
И, путь слезам готова исподволь,
С презреньем деланным в улыбке прятать боль.

98

Что в старости быстрее всяких бед
Нам сеть морщин врезает в лоб надменный?
Сознание, что близких больше нет,
Что ты, как я, один во всей вселенной.
Склоняюсь пред Карающим, смиренный, —
Дворцы Надежды сожжены дотла.
Катитесь, дни, пустой, бесплодной сменой!
Все жизнь без сожаленья отняла,
И молодость моя, как старость, тяжела.

Песнь третья

Afin que cette application vous forçât de penser à autre chose; il n'y a en vérité de remède que celui-là et le temps. *Lettre du Roi de Prusse à D'Alembert, Sept. 7, 1776*¹.

1

Дочь сердца моего, малютка Ада!
Похожа ль ты на мать? В последний раз,
Когда была мне суждена отрада
Улыбку видеть синих детских глаз,
Я отплывал — то был Надежды час.
И вновь плыву, но все переменялось.
Куда плыву я? Шторм встречает нас.
Сон обманул... И сердце не забилося,
Когда знакомых скал гряда в тумане скрылась.

2

Как славный конь, узнавший седока,
Играя, пляшут волны подо мною.
Бушуйте, вихри! Мчитесь, облака!
Я рад кипенью, грохоту и вою.
Пускай дрожат натянутой струною
И гнутся мачты в космах парусов!
Покорный волнам, ветру и прибою,
Как смытый куст по прихоти валов,
Куда угодно плыть отныне я готов.

3

В дни молодости пел я об изгое,
Бежавшем от себя же самого,
И снова принимаюсь за былое,
Ношу с собой героя своего,
Как ветер тучи носит, — для чего?
Следы минувших слез и размышлений
Отливом стерты, прошлое мертво,
И дни влекутся к той, к последней смене
Глухой пустынею, где ни цветка, ни тени.

4

С уходом милой юности моей
Каких-то струн в моей душе не стало,

¹ Пусть это занятие заставит вас думать о другом; только оно, да еще время способны вас излечить. *Письмо короля Пруссии Даламберу. 7 сент. 1776 (франц.)*.

И лиры звук фальшивей и тусклей.
Но если и не петь мне, как бывало,
Пою, чтоб лира сон мой разогнала,
Себялюбивых чувств бесплодный сон.
И я от мира требую так мало:
Чтоб автора забвенью предал он,
Хотя б его герой был всеми осужден.

5

Кто жизнь в ее деяниях постиг,
Кем долгий срок в земной юдоли прожит,
Кто ждать чудес и верить в них отвык,
Чье сердце жажда славы не тревожит,
И ни любовь, ни ненависть не гложет,
Тому остался только мир теней,
Где мысль уйти в страну забвенья может,
Где ей, гонимой, легче и вольней
Меж зыбких образов, любимых с давних дней.

6

Их удержать, облечь их в плоть живую,
Чтоб тень была живее нас самих,
Чтоб в слове жить, над смертью торжествуя, —
Таким увидеть я хочу мой стих.
Пусть я ничтожен — на крылах твоих,
О мысль, твоим рождением ослепленный,
Но, вдруг прозрев незримо для других,
Лечу я ввысь, тобой освобожденный,
От снов бесчувственных для чувства
пробужденный.

7

Безумству мысли надобна узда.
Я мрачен был, душой печаль владела.
Теперь не то! В минувшие года
Ни в чем не ставил сердцу я предела.
Фантазия виденьями кипела.
И ядом стал весны моей приход.
Теперь душа угасла, охладела.
Учусь терпеть неотвратимый гнет.
И не корить судьбу, вкушая горький плод.

8

На этом кончим! Слишком много строф
О той поре, уже невозвратимой.

Из дальних странствий под родимый кров
Гарольд вернулся, раною томимый,
Хоть не смертельной, но неисцелимой.
Лишь Временем он сильно тронут был.
Уносит бег его неумолимый
Огонь души, избыток чувств и сил,
И, смотришь, пуст бокал, который пеной бил.

9

До срока чашу осушив свою
И ощущая только вкус полыни,
Он зачерпнул чистойшую струю,
Припав к земле, которой чтит святыни.
Он думал — ключ неистошим отныне,
Но вскоре снова стал грустней, мрачней
И понял вдруг в своем глубоком сплине,
Что нет ему спасенья от цепей,
Врезающихся в грудь все глубже, все больней.

10

В скитаньях научившись хладнокровью,
Давно считая, что страстями сыт,
Что навсегда простился он с любовью,
И равнодушье, как надежный щит,
От горя и от радости хранит,
Чайльд ищет вновь среди вихря светской моды,
В толкучке зал, где суета кипит,
Для мысли пищу, как в былые годы
Под небом стран чужих, среди чудес природы.

11

Но кто ж, прекрасный увидав цветок,
К нему с улыбкой руку не протянет?
Пред красотой румяных юных щек
Кто не поймет, что сердца жар не вянет?
Желанье славы чьей души не ранит,
Чьи мысли не пленит ее звезда?
И снова Чайльд пустым круженьем занят
И носится, как в прежние года,
Лишь цель его теперь достойней, чем тогда.

12

Но видит он опять, что не рожден
Для светских зал, для чуждой их стихии,

Что подчинять свой ум не может он,
Что он не может мыслить, как другие.
И хоть сжигала сердце в дни былые
Язвительная мысль его, но ей
Он мненья не навязывал чужие.
И в гордости безрадостной своей
Он снова ищет путь — подальше от людей.

13

Среди пустынных гор его друзья,
Средь волн морских его страна родная,
Где так лазурны знойные края,
Где пенятся буруны, набегаая.
Пещеры, скалы, чаща вековая —
Вот чей язык в его душе поет.
И, свой родной для новых забывая,
Он книгам надоевшим предпочтет
Страницы влажные согретых солнцем вод.

14

Он, как халдей, на звезды глядя ночью
И населяя жизнью небосвод,
Тельца, Дракона видеть мог воочью.
Тогда, далекий от людских забот,
Он был бы счастлив за мечтой в полет
И душу устремить. Но прах телесный
Пылать бессмертной искре не дает,
Как не дает из нашей кельи тесной,
Из тяжких пут земных взлететь в простор
небесный.

15

Среди людей молчит он, скучен, вял,
Но точно сокол, сын нагорной чащи,
Отторгнутый судьбой от вольных скал,
С подрезанными крыльями сидящий
И в яростном бессилии все чаще
Пытающийся проволочный свод
Ударами груди кровоточащей
Разбить и снова ринуться в полет —
Так мечется в нем страсть, не зная, где исход.

16

И вновь берет он посох пилигрима,
Чтобы в скитаньях сердце отошло.

Пусть это рок, пусть жизнь проходит мимо,
Презренью и отчаянью назло
Он призовет улыбку на чело.
Как в миг ужасный кораблекрушенья
Матросы хлещут спирт — куда ни шло!
И с буйным смехом ждут судеб свершенья,
Так улыбался Чайльд, не зная утешенья.

17

Ты топчешь прах Империи, — смотри!
Тут Славу опозорила Беллона.
И не воздвигли статую цари?
Не встала Триумфальная колонна?
Нет! Но проснитесь, — Правда непреклонна!
Иль быть Земле и до скончанья дней
Все той же? Кровь удобрила ей лоно,
Но мир на самом страшном из полей
С победой получил лишь новых королей.

18

О Ватерлоо, Франции могила!
Гарольд стоит над кладбищем твоим.
Он бил, твой час, — и где ж Величье, Сила?
Все — Власть и Слава — обратилось в дым.
В последний раз, еще непобедим,
Взлетел орел — и пал с небес, пронзенный,
И, пустотой бесплодных дней томим,
Влачит он цепь над бездною соленой, —
Ту цепь, которой мир душил закабаленный.

19

Урок достойный! Рвется пленный галл,
Грызет узду, но где триумф Свободы?
Иль кровь лилась, чтоб он один лишь пал,
Или, уча монархов чтить народы,
Изведал мир трагические годы,
Чтоб вновь попать для рабства все права,
Забуть, что все равны мы от природы?
Как? Волку льстить, покончив с мощью Льва?
Вновь славить троны? Славь — но испытай сперва.

20

То смерть не тирании — лишь тирана,
Напрасны были слезы нежных глаз,

Над прахом тех, чей цвет увял так рано,
Чей смелый дух безвременно угас.
Напрасен был и страх, томивший нас,
Мильоны трупов у подножья трона,
Союз народов, что Свободу спас, —
Нет, в миртах меч — вот лучший страж Закона, —
Ты, меч Гармодия, меч Аристогитона!

21

В ночи огнями весь Брюссель сиял,
Красивейшие женщины столицы
И рыцари стеклись на шумный бал.
Сверкают смехом праздничные лица.
В такую ночь все жаждет веселиться,
На всем — как будто свадебный наряд,
Глаза в глазах готовы раствориться,
Смычки блаженство томное сулят.
Но что там? Станный звук! — Надгробный звон?
Набат?

22

Ты слышал? — Нет! А что? — Гремит карета,
Иль просто ветер ставнями трясет.
Танцуйте же! Сон изгнан до рассвета,
Настал любви и радости черед.
Они ускорят времени полет.
Но тот же звук! Как странно прогудело!
И словно вторит эхом небосвод.
Опять? Все ближе! А, так вот в чем дело!
К оружью! Пушки бьют! И все вдруг закипело.

23

В одной из зал стоял перед окном
Брауншвейгский герцог. Первый в шуме бала
Услышал он тот странный дальний гром,
И, хоть кругом веселье ликовало,
Он понял: Смерть беспечных вызывала,
И, вспомнив, как погиб его отец,
Вскочил, как от змеиного ужала, —
И на коня! И умер как храбрец!
Он, кровью мстя за кровь, нашел в бою конец.

24

Все из дворца на улицу спешат,
И хмель слетает с тех, кто были пьяны.

И бледны щеки те, что час назад
От нежной лести были так румяны.
Сердцам наносят тягостные раны
Слова прощанья, страх глядит из глаз.
Кто угадает жребий свой туманный,
Когда в ночи был счастьем каждый час, —
Но ужасом рассвет пирующих потряс.

25

Военные бегут со всех сторон,
Прносятся связные без оглядки,
Выходит в поле первый эскадрон,
Командой прерван сон пехоты краткий,
И боевые строятся порядки.
А барабан меж тем тревогу бьет,
Как будто гонит мужества остатки.
Толпа все гуще, в панике народ,
И губы бледные твердят: «Враг! Враг идет!»

26

Но грянул голос: «Кемроны, за мной!»
Клич Лохьела, что, кланы созывая,
Гнал гордых саксов с Элбина долой;
Подъемлет визг волынка боевая,
Тот ярый дух в шотландцах пробуждая,
Что всем врагам давать отпор умел, —
То кланов честь, их доблесть родовая,
Дух грозных предков и геройских дел,
Что славой Эвана и Дональда гремел.

27

Вот принял их Арденн зеленый кров,
От слез природы влажные дубравы.
Ей введом жребий юных смельчаков:
Как смятые телами павших травы,
К сырой земле их склонит бой кровавый.
Но май придет — и травы расцвели,
А те, кто с честью пал на поле славы,
Хоть воплощенной доблестью пришли,
Истлеют без гробов в объятиях земли.

28

День видел блеск их жизни молодой,
Их вечер видел среди гурий бала,

Их ночь видала собранными в строй,
И сильным войском утро увидало.
Но в небе туча огненная встала,
Извергла дым и смертоносный град,
И что цвело — кровавой грязью стало,
И в этом красном месиве лежат
Француз, германец, бритт — на брата вставший
брат.

29

Воспет их подвиг был и до меня,
Их новое восславит поколенье,
Но есть один среди них — он мне родня, —
Его отцу нанес я оскорбленье.
Теперь, моей ошибки в искупленье,
Почту обоих. Там он был в строю.
Он грудью встретил вражье наступленье
И отдал жизнь и молодость свою,
Мой благородный друг, мой Говард, пал в бою.

30

Все плакали о нем, лишь я не мог,
А если б мог, так что бы изменилось?
Но, стоя там, где друг мой в землю слег,
Где — вслед за ним увядшая — склонилась
Акация, а поле колосилось,
Приветствуя и солнце и тепло, —
Я был печален: сердце устремилось
От жизни, от всего, что вновь цвело,
К тем, воскресить кого ничто уж не могло.

31

Их тысячи — и тысячи пустот
Оставил сонм ушедших за собою.
Их не трубою Славы воззовет
Великий день, назначенный судьбою,
Но грозного архангела трубою.
О, если б дать забвение живым!
Но ведь и Слава не ведет к покою:
Она придет, уйдет, пленясь другим, —
А близким слезы лить о том, кто был любим.

32

Но слезы льют с улыбкою сквозь слезы:
Дуб долго сохнет, прежде чем умрет.

Он слишком был велик и слишком мал,
А ведь явись он чем-то посредине,
Его престол не дрогнул бы доныне
Иль не воздвигся б вовсе. Дерзкий пыл
Вознес его и приковал к пучине,
И вновь ему корону возвратил,
Чтоб, театральный Зевс, опять он мир смутил.

37

Державный пленник, бравший в плен державы,
Уже ничтожный, потерявший трон,
Ты мир пугаешь эхом прежней славы.
Ее капризом был ты вознесен,
И был ей люб свирепый твой закон,
Ты новым богом стал себе казаться,
И мир, охвачен страхом, потрясен,
Готов был заклеймить как святотатца
Любого, кто в тебе дерзнул бы сомневаться.

38

Сверхчеловек, то низок, то велик,
Беглец, герой, смиритель усмирённый,
Шагавший вверх по головам владык,
Шатавший императорские троны,
Хоть знал людей ты, знал толпы законы,
Не знал себя, не знал ты, где беда,
И, раб страстей, кровавый жрец Беллоны,
Забыл, что потухает и звезда
И что дразнить судьбу не надо никогда.

39

Но, презирая счастья перемены,
Врожденным хладнокровием храним,
Ты был незыблем в гордости надменной
И, мудрость это иль искусный грим,
Бесил врагов достоинством своим.
Тебя хотела видеть эта свора
Просителем, униженным, смешным,
Но, не склонив ни головы, ни взора,
Ты ждал с улыбкою спокойной приговора.

40

Мудрец в несчастье! В прежние года
Ты презирал толпы покорной мненья,

Весь род людской ты презирал тогда,
Но слишком явно выражал презренье.
Ты был в нем прав, но вызвал раздраженье
Тех, кто в борьбе возвысил жребий твой:
Твой меч нанес тебе же поражение.
А мир — не стоит он игры с судьбой!
И это понял ты, как все, кто шел с тобой.

41

Когда б стоял и пал ты одинок,
Как башня, с гор грозящая долинам,
Щитом презренье ты бы сделать мог,
Но средь миллионов стал ты властелином,
Ты меч обрел в восторге толп едином,
А Диогеном не был ты рожден,
Ты мог скорее быть Филиппа сыном,
Но, циник, узурпировавший трон,
Забыл, что мир велик и что не бочка он.

42

Спокойствие для сильных духом — ад.
Ты проклят был: ты жил дерзаньем смелым,
Огнем души, чьи крылья ввысь манят,
Ее презреньем к нормам закоснелым,
К поставленным природою пределам.
Раз возгорясь, горит всю жизнь она,
Гоня покой, живя великим делом,
Неистребимым пламенем полна,
Для смертных роковым в любые времена.

43

Им порожден безумцев род жестокий,
С ума сводящий тысячи людей,
Вожди, сектанты, барды и пророки,—
Владыки наших мнений и страстей,
Творцы систем, апостолы идей,
Счастливы? Нет! Иль счастье им не лгало?
Людей дурача, всех они глупей.
И жажды власти Зависть бы не знала,
Узнав, как жалит их душевной муки жало.

44

Их воздух — распря, пища их — борьба.
Крушит преграды жизнь их молодая,

В полете настигает их судьба,
В их фанатизме — сила роковая.
А если старость подошла седая
И скуки и бездействия позор —
Их смелый дух исчахнет, увядая:
Так догорит без хвороста костер,
Так заржавеет меч, когда угас раздор.

45

Всегда теснятся тучи вокруг вершин,
И ветры хлещут крутизну нагую.
Кто над людьми возвысится один,
Тому идти сквозь ненависть людскую.
У ног он видит землю, синь морскую
И солнце славы — над своим челом.
А вьюга свищет песню колдовскую,
И грозно тучи застыт оком:
Так яростный, как смерч, вознагражден подъем,

46

Вернемся к людям! Истина таится
В ее твореньях да еще в твоих,
Природа-мать. И там, где Рейн струится,
Тебя не может не воспеть мой стих.
Там средоточье всех красот земных.
Чайльд видит рощи, горы и долины,
Поля, холмы и виноград на них,
И замки, чьи угасли властелины,
Печали полные замшелые руины.

47

Они, как духи гордые, стоят
И сломленные, высясь над толпою.
В их залах ветры шальные свистят,
Их башни дружат только меж собою,
Да с тучами, да с твердью голубою.
А в старину бывало здесь не так:
Взвивался флаг, труба сзывала к бою.
Но спят бойцы, истлел и меч и стяг,
И в стены черные не бьет тараном враг.

48

Меж этих стен гнезвился произвол,
Он жил враждой, страстями и разбоем.

Иной барон вражду с соседом вел,
Но мнил себя не богом, так героем.
А впрочем, не хватало одного им:
Оплаченных историку похвал
Да мраморной гробницы, но, не скроем,—
Иной, хоть маломощный, феодал
Подчас величием дел и помыслов блистал.

49

В глухих трущобах, в замке одиноком
Не каждый подвиг находил певца.
Амур в своем неистовстве жестоком,
Сквозь панцири вторгнулся в их сердца,
Эмблема дамы на щите бойца
Тогда была как злобы дух ужасный.
И войнам замков не было конца,
И, вспыхнув из-за грешницы прекрасной,
Глядел не раз пожар на Рейн, от крови красный.

50

О Рейн, река обилья и цветенья,
Источник жизни для своей страны!
Ты нес бы вечно ей благословенье,
Когда б не ведал человек войны,
И, никогда никем не сметены,
Твои дары цвели, напоминая,
Что знали рай земли твоей сыны.
И я бы думал: ты посланник рая,
Когда б ты Летой был... Но ты река другая.

51

Хоть сотни раз кипела здесь война,
Но слава битв и жертвы их забыты,
По грудам тел, по крови шла она,
Но где они? Твоей волною смыты.
Твои долины зеленью повиты,
В тебе сияет синий небосклон,
И все же нет от прошлого защиты.
Его, как страшный, неотвязный сон,
Не смоет даже Рейн, хоть чист и светел он.

52

В раздумье дальше странник мой идет,
Глядит на рощи, на холмы, долины.

Уже весна свой празднует приход,
Уже от этой радостной картины
Разгладились на лбу его морщины.
Кого ж не тронет зрелище красот?
И то и дело, пусть на миг единый,
Хотя не сбросил он душевный гнет,
В глазах безрадостных улыбка вдруг мелькнет,

53

И вновь к любви мечты его летят,
Хоть страсть его в своем огне сгорела.
Но длить угрюмость, видя нежный взгляд,
Но чувство гнать — увы, — пустое дело!
В свой час и тот, чье сердце охладело,
На доброту ответит добротой.
А в нем одно воспоминанье тлело:
О той одной, единственной, о той,
Чьей тихой верности он верен был мечтой.

54

Да, он любил (хотя несовместимы
Любовь и холод), он тянулся к ней.
Что привлекло характер нелюдимый,
Рассудок, презирающий людей?
Чем хмурый дух, бегущий от страстей,
Цветенье первой юности пленило?
Не знаю. В одиночестве быстрей
Стареет сердце, чувств уходит сила,
И в нем, бесчувственном, одно лишь чувство жило,

55

Она — дитя! — тем существом была,
Которое не церковь с ним связала.
Но связь была сильнее людского зла
И маску пред людьми не надевала.
И даже сплетни многоликой жало,
И клевета, и чары женских глаз —
Ничто незримых уз не разрушало.
И Чайльд-Гарольд стихами как-то раз
С чужбины ей привет послал в вечерний час.

Над Рейном Драхенфельс вознесся,
Венчанный замком, в небосвод,
А у подножия утеса

Страна ликует и цветет.
Леса, поля, холмы и нивы
Дают вино, и хлеб, и мед,
И города глядят в извивы
Широкоструйных рейнских вод.
Ах, в этой радостной картине
Тебя лишь не хватает ныне.

Сияет солнце с высоты,
Крестьянок праздничны наряды.
С цветами, сами как цветы,
Идут, и ласковы их взгляды.
И красоте земных долин
Когда-то гордые аркады
И камни сумрачных руин
Дивятся с каменной громады.
Но нет на Рейне одного:
Тебя и взора твоего.

Тебе от Рейна в час печали
Я шлю цветы как свой привет.
Пускай они в пути увяли,
Храни безжизненный букет.
Он дорог мне, он узрит вскоре
Твой синий взор в твоём дому.
Твое он сердце через море
Приблизит к сердцу моему,
Перенесет сквозь даль морскую
Сюда, где о тебе тоскую.

А Рейн играет и шумит,
Дарит земле свои щедроты,
И всякий раз чудесный вид
Являют русла повороты.
Тут все тревоги, все заботы
Забудешь в райской тишине,
Где так милы земли красоты
Природе-матери и мне.
И мне! Но если бы при этом
Твой взор светил мне прежним светом!

Под Кобленцем есть холм, и на вершине
Простая пирамида из камней.

Она не развалилась и донныне,
И прах героя погребен под ней.
То был наш враг Марсо, но тем видней
Британцу и дела его, и слава,
Его любили — где хвала верней
Солдатских слез, пролитых не лукаво?
Он пал за Францию, за честь ее и право.

57

Был горд и смел его короткий путь.
Две армии — и друг и враг — почтили
Его слезами. Странник, не забудь
Прочешь молитву на его могиле!
Свободы воин, был он чужд насилий
Во имя справедливости святой,
Для чьей победы мир в крови топили.
Он поражал душевной чистотой.
За это и любил его солдат простой.

58

Вот Эренбрейтштейн — замка больше нет.
Его донжоны взрывом разметало.
И лишь обломки — память прежних лет,
Когда ни стен, ни каменного вала
Чугунное ядро не пробивало.
В дыму войны отсюда враг бежал,
Но мир низверг твердыню феодала:
Где град железный тщетно грохотал,
Там хлещет летний дождь в проломы хмурых зал.

59

Прощай, о Рейн! В далекий путь без цели
От милых стран пришельца гонит рок.
И те, кто вместе, жить бы здесь хотели,
И тот, кто в целом мире одинок.
И если бы оставить жертву мог
Ужасный коршун самоугрызений —
Так только здесь, где каждый уголок
И дик и чуден, мил труду и лени,
Обилен и богат, и щедр, как день осенний.

60

И все ж прости! О, тщетное «прости»!
Кто приникал к твоей струе кристальной,

Не может образ твой не унести.
И если он уйти решил, печальный,
Тебе опять он кинет взор прощальный,
Стремясь запечатлеть твои черты.
Пусть Юг роскошней в мощи изначальной,
Где в мире край, который слил, как ты,
И славу прошлых дней, и мягкость красоты?

61

Уютное величье, — отраженья
Домов, церквей и башен городских.
Средь рощ и пашен — белые селенья.
Там пропасти, там зубья скал нагих —
Предвосхищенье крепостей людских.
Монастыри с готическим фасадом,
А люди — как природа: здесь для них
Веселье стало жизненным укладом,
Хотя империи катятся в пропасть рядом.

62

Но мимо, мимо! Вот громады Альп,
Природы грандиозные соборы;
Гигантский пик — как в небе снежный скаल्प:
И, как на трон, воссев на эти горы,
Блещет Вечность, устрашая взоры.
Там край лавин, их громовой исход,
Там для души бескрайные просторы,
И там земля штурмует небосвод.
А что же человек? Чего он, жалкий, ждет?

63

Но, прежде чем подняться на высоты,
Хочу равнинный восхвалить Морат,
Где бой пришельцам дали патриоты
И где не покраснеешь за солдат,
Хотя ужасен их трофеев склад.
Враги свободы, здесь бургундцы пали.
Они непогребенные лежат,
Им памятником их же кости стали,
И внемлет черный Стикс стенам их печали.

64

Как Ватерлоо повторило Канны,
Так повторен Моратом Марафон.

Там выиграли битву не тираны,
А Вольность, и Гражданство, и Закон.
Там граждане сражались не за трон,
То не была над слабыми расправа,
И не был там народ порабощен,
Не проклинал «божественное право»,
Которым облачен тот, в чьих руках держава.

65

В безлюдном одиночестве, одна,
Грустит колонна у стены замшелой,
Величья гибель видела она.
И смотрит в Вечность взгляд бесцветно-белый,
Как человек, от слез окаменелый
И все ж не ставший чувствовать слабей,
Она дивится, что осталась целой,
Когда Авентик, слава древних дней,
Нагроможденьем стал бесформенных камней.

66

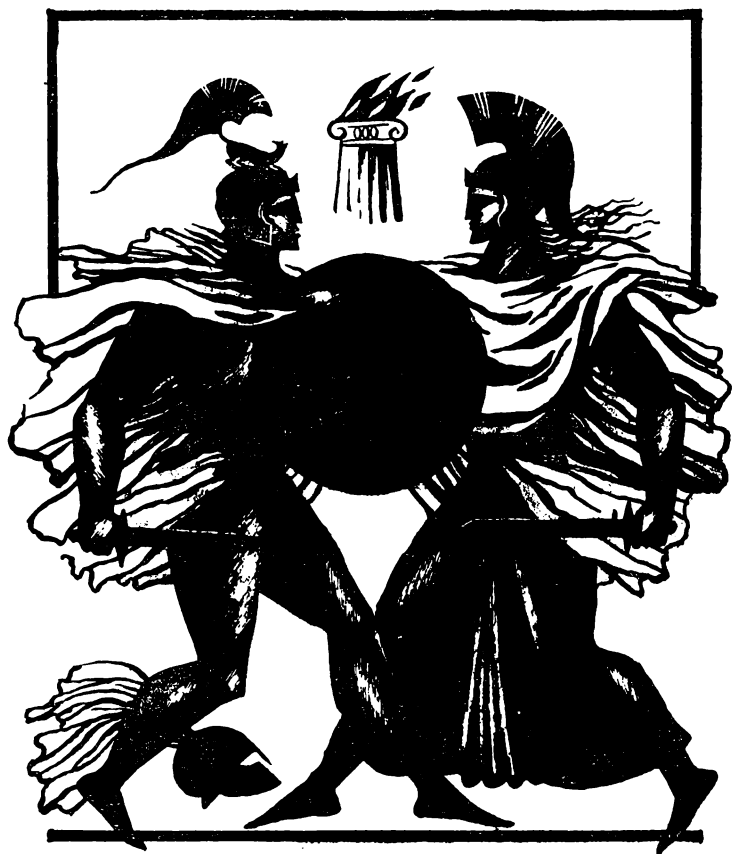
Здесь Юлия — чья память да святится! —
Служенью в храме юность отдала
И, небом не услышанная жрица,
Когда отца казнили, умерла.
Его боготворила, им жила!
Но суд закона глух к мольбе невинной,
И дочь отцовской жизни не спасла.
Без памятника холмик их пустынный,
Где сердце спит одно, и прах и дух единый.

67

Таких трагедий и таких имен
Да не забудет ни один сказитель!
Империи уйдут во тьму времен,
В неизвестность канут раб и победитель,
Но высшей добродетели ревнитель
В потомстве жить останется навек,
И взором ясным новый небожитель
Глядит на солнце, чист, как горный снег,
Забыв на высоте всего земного бег.

68

Но вот Леман раскинулся кристальный,
И горы, звезды, синий свод над ним —

Все отразилось в глубине зеркальной,
Куда глядит, любуясь, пилигрим,
Но человек тут слишком ощутим,
А чувства вянут там, где люди рядом.
Скорей же в горы, к высям ледяным,
К тем мыслям, к тем возвышенным отрадам,
Которым чужд я стал, живя с двуногим стадом.

69

Замечу кстати: бегство от людей —
Не ненависть еще и не презренье.
Нет, это бегство в глубь души своей,
Чтоб не засохли корни в небреженье
Среди толпы, где в бредовом круженье —
Заразы общей жертвы с юных лет —
Свое мы поздно видим вырожденье,
Где сеем зло, чтоб злом ответил свет,
И где царит война, но победивших нет.

70

Настанет срок — и счастье бросит нас,
Раскаянье на сердце ляжет гнетом,
Мы плачем кровью. В этот страшный час
Все черным покрывается налетом,
И жизни путь внезапным поворотом
Уводит в ночь. Моряк в порту найдет
Конец трудам опасным и заботам,
А дух — уплывший в Вечность мореход —
Не знает, где предел ее бездонных вод.

71

Так что ж, не лучше ль край избрать пустынный
И для земли — земле всю жизнь отдать
Над Роною, над синею стремниной,
Над озером, которое, как мать,
Не устает ее струи питать,—
Как мать, кормя малютку дочь иль сына,
Не устает их нежить и ласкать.
Блажен, чья жизнь с Природою едина,
Кто чужд ярму раба и трону властелина.

72

Я там в себе не замыкаюсь. Там
Я часть Природы, я — ее создание.

Мне ненавистны улиц шум и гам,
Но моря гул, но льдистых гор блистанье!
В кругу стихий мне тяжело лишь сознание,
Что я всего лишь плотское звено
Меж тварей, населивших мирозданье,
Хотя душе сливаться суждено
С горами, звездами иль тучами в одно.

73

Но жизнь лишь там. Я был в горах — я жил,
То был мой грех, когда в пустыне людной
Я бесполезно тратил юный пыл,
Сгорал в борьбе бессмысленной и трудной.
Но я воспрял. Исполнен силы чудной,
Дышу целебным воздухом высот,
Где над юдолью горестной и скудной
Уже мой дух предчувствует полет,
Где цепи сбросит он и в бурях путь пробьет.

74

Когда ж, ликуя, он освободится
От уз, теснящих крыл его размах,—
От низкого, что может возродиться
В ничтожной форме — в жабах иль жуках,
И к свету свет уйдет и к праху прах,
Тогда узнаю взором ясновидца
Печать бесплотной мысли на мирах,
Постигну Разум, что во всем таится
И только в редкий миг снисходит нам открыться.

75

Иль горы, волны, небеса — не часть
Моей души, а я — не часть вселенной?
И, к ним узнав возвышенную страсть,
Не лучше ль бросить этот мир презренный,
Чем прозябать, душой отвергнув пленной
Свою любовь для здешней суеты,
И равнодушным стать в толпе надменной,
Как те, что смотрят в землю, как скоты,
Чья мысль рождается рабою темноты.

76

Продолжим нить рассказа моего!
Ты, мыслящий над пастью гроба черной

О брешности, взгляни на прах того,
Кто был как свет, как пламень жизнетворный.
Он здесь рожден, и здесь, где ветер горный
Бальзамом веет в сердце, он созрел,
К вершинам славы шел тропой неторной
И, чтоб венчать бессмертьем свой удел,—
О глупость мудреца! — все отдал, чем владел.

77

Руссо, апостол роковой печали,
Пришел здесь в мир, злосчастный для него,
И здесь его софизмы обретали
Красноречивой скорби волшебство.
Копаясь в ранах сердца своего,
Восторг безумья он являл в покровах
Небесной красоты, и оттого
Над книгой, полной чувств и мыслей новых,
Читатель слезы лил из глаз, дотоль суровых.

78

Любовь безумье страсти в нем зажгла, —
Так дуб стрела сжигает громовая.
Он ею был испепелен дотла,
Он не умел любить, не погибая.
И что же? Не красавица живая,
Не тень усопшей, вызванная сном,
Его влекла, в отчаянье ввергая,—
Нет, чистый образ, живший только в нем,
Страницы книг его зажег таким огнем.

79

Тот пламень — чувство к Юлии прекрасной,
Кто всех была и чище и нежней,—
То поцелуев жар, увы, напрасный,
Лишь отклик дружбы находивший в ней,
Но, может быть, в унынье горьких дней
Отрадой мимолетного касанья
Даривший счастье выше и полней,
Чем то, каким — ничтожные созданья! —
Мы упиваемся в восторгах обладанья.

80

Всю жизнь он создавал себе врагов,
Он гнал друзей, любовь их отвергая.

Весь мир подозревать он был готов.
На самых близких месть его слепая
Обрушивалась, ядом обжигая,—
Так светлый разум помрачала тьма.
Но скорбь виной, болезнь ли роковая?
Не может пронизательность сама
Постичь безумие под маскою ума.

81

И, молнией безумья озаренный,
Как пифия на троне золотом,
Он стал вещать, и дрогнули короны,
И мир таким запылал огнем,
Что королевства, рушась, гибли в нем.
Не так ли было с Францией, веками
Униженной, стонавшей под ярмом,
Пока не поднял ярой мести знамя
Народ, разбуженный Руссо с его друзьями.

82

И страшен след их воли роковой.
Они сорвали с Правды покрывало,
Разрушив ложных представлений строй,
И взорам сокровенное предстало.
Они, смешав Добра и Зла начала,
Все прошлое низвергли. Для чего?
Чтоб новый трон потомство основало,
Чтоб выстроило тюрьмы для него
И мир опять узрел насилья торжество.

83

Так не должно, не может долго длиться!
Народ восстал, оковы сбросил он,
Но не сумел в свободе утвердиться.
Почуяв силу, властью ослеплен,
Забыл он все — и жалость и закон.
Кто рос в тюрьме, во мраке подземелий,
Не может быть орлу уподоблен,
Чьи очи в небо с первых дней глядели,—
Вот отчего он бьет порою мимо цели.

84

Чем глубже рана, тем упорней след.
Пускай из сердца кровь уже не льется,

Рубец остался в нем на много лет.
Но тот, кто знал, за что с судьбою бьется,
Пусть бой проигран, духом не сдается.
Страсть притаилась и безмолвно ждет,
Отчаянью нет места. Все зачтется
В час торжества. Возмездие придет,
Но Милосердые пусть проверит Мести счет.

85

Леман! Как сладок мир твой для поэта,
Изведавшего горечь бытия!
От шумных волн, от суетного света
К тебе пришел я, горная струя.
Неси ж меня, заветная ладья!
Душа отвергла сумрачное море
Для светлых вод, и, мнится, слышу я,
Сестра, твой голос в их согласном хоре:
«Вернись! Что ищешь ты в бушующем просторе?»

86

Нисходит ночь. В голубоватой мгле
Меж берегом и цепью гор окрестной
Еще все ясно видно на земле.
Лишь Юра, в тень уйдя, стеной отвесной,
Вся черная, пронзила свод небесный.
Цветов неисчислимых аромат
Восходит ввысь. Мелодией чудесной
Разносится вечерний звон цикад,
И волны шепчутся и плещут веслам в лад.

87

По вечерам цикада веселится
И жизнью детства шумного живет.
Вот залилась и вдруг умолкла птица,
Иль замечтавшись, иль уснув. А вот
Неясный шепот от холмов идет.
Нет, слух обманут! Это льют светила
(Как девушка о милом слезы льет)
Росу, чтоб грудь земную напоила
Живущей в них души сочувственная сила.

88

О звезды, буквы золотых писем
Поэзии небесной! В них таится

И всех миров, и всех судеб закон.
И тот, чей дух к величию стремится,
К ним рвется ввысь, чтоб с ними породниться.
В них тайна, ими движет Красота.
И все, чем может человек гордиться,
«Своей звездой» зовет он неспроста,—
То честь и счастье, власть и слава, и мечта.

89

Земля и небо смолкли. Но не сон —
Избыток чувств их погрузил в мечтанье.
И тишиною мир заворужен.
Земля и небо смолкли. Гор дыханье,
Движенье звезд, в Лемане — волн плесканье,—
Единой жизнью все напоено.
Все существа, в таинственном слиянье,
В едином хоре говорят одно:
«Я славлю мощь творца, я им сотворено».

90

И, влившись в бесконечность бытия,
Не одинок паломник одинокий,
Очищенный от собственного «я».
Здесь каждый звук, и близкий и далекий,
Таит всемирной музыки истоки,
Дух красоты, что в бег миров ввела
И твердь земли, и неба свод высокий,
И пояс Афродиты создала,
Которым даже Смерть побеждена была.

91

Так чувствовали персы в оны дни,
На высях гор верша богослуженье.
Лицом к лицу с природою они
В молитве принимали очищенье —
Не средь колонн, не в тесном огражденье.
Сравни тот храм, что строил грек иль гот,
С молельнею под небом, в окруженье
Лесов и гор, долин и чистых вод,
Где не стеснен души возвышенный полет.

92

Но как темнеет! Свет луны погас,
Летят по небу грозовые тучи.

95

Подобно блеску темных женских глаз,
Прекрасен блеск зарницы. Гром летучий
Наполнил все: теснины, бездны, кручи.
Горам, как небу, дан живой язык,
Разноречивый, бурный и могучий,
Ликуют Альпы в этот грозный миг,
И Юра в ночь, в туман им шлет ответный **клич**,

93

Какая ночь! Великая, святая,
Божественная ночь! Ты не для сна!
Я пью блаженство грозового рая,
Я бурей пьян, которой ты полна.
О, как фосфоресцирует волна!
Сверкая, пляшут капли дождевые.
И снова тьма, и, вновь озарена,
Гудит земля, безумствуют стихии,
И сотрясают мир раскаты громовые.

94

Здесь, между двух утесистых громад,
Проложен путь беснующейся Роной.
Утесы, как любовники, стоят,
Когда они любовью оскорбленной
И злобой, в пепле нежности рожденной,
Как бездною, разделены навек,
И май сердец, в цвету испепеленный,
Две жизни ввергнул в вечный лед и снег
И на сердечный ад изгнанников обрек.

95

Где Рона буйно об утесы бьет,
Там ярых бурь приют оледенелый.
Их сонмы там — и там передает
Одна другой пылающие стрелы.
Вот вспыхнул сноп, извилистый и белый,
И, раздвоившись, ринулся в пролет,
Он понял: там Отчаянья пределы,
Там все разрушил Времени полет,—
Так пусть же молния последнее убьет.

96

Ночь, буря, тучи, взрывы молний, гром,
Река, утесов черные громады,

Душа, в грозе обретшая свой дом,—
До сна ли здесь? Грохочут водопады,
И сердца струны откликаться рады
Родным бессонной мысли голосам.
Куда ты, буря, гонишь туч армады?
Иль бурям сердца ты сродни? Иль там,
Среди орлиных гнезд, твой облачный сезам?

97

О, если бы нашел я воплощенье
И выразил хотя б не все, хоть часть
Того, что значит чувство, увлечение,
Дух, сердце, разум, слабость, сила, страсть,
И если б это все могло совпасть
В едином слове «молния» и властно
Сказало бы, что жить дана мне власть,—
О, я б заговорил! — но ждать напрасно:
Как скрытый в ножнах меч, зачахнет мысль
безгласно.

98

Восходит утро — утро все в росе,
Душисто, ярко и, как розы, ало,
И так живет, рассеяв тучи все,
Как будто смерти на земле не стало.
Но вот и день! И снова все сначала:
Тропою жизни — дальше в путь крутой!
Лемана зыбь, деревьев опахала —
Все будит мысль и говорит с мечтой,
Вливая в путника отраду и покой.

99

Кларан, Кларан! Приют блаженства милый!
Твой воздух весь любовью напоен.
Любовь дает корням деревьев силы,
Снегов альпийских озаряет сон.
Любовью предвечерний небосклон
Окрашен, и утесы-великаны
Хранят покой влюбленного, чтоб он
Забыл и свет, и все его обманы,
Надежды сладкий зов, ее крушений раны.

100

В Кларане все — любви бессмертной след,
Она везде, как некий бог, который

Дарует тварям жизнь, добро и свет,
Здесь трон его, ступени к трону — горы,
Он радужные дал снегам уборы,
Он в блеске зорь, он в ароматах роз,
Его, ликуя, славят птичьи хоры,
И шорох трав, и блески летних рос,
И веянье его смиряет ярость гроз.

101

Все — гимн ему. И темных сосен ряд
Над черной бездной — сень его живая,—
И звонкий ключ, и рдяный виноград,
И озеро, где нежно-голубая,
К его стопам незримо припадая,
Поет волна, и тень седых лесов,
И зелень, как Веселье, молодая,
Ему и всем, кто с ним прийти готов,
В безлюдной тишине дарит радушный кров.

102

Там среди пчел и птиц уединенье,
Мир многоцветен там и многолик.
Там краткой жизни радостно кипенье
И бессловесный ярче слов язык.
Вот сквозь листву горячий луч проник,
В ручье проворном блики заблестели.
И Красота во всем, и ты постиг,
Что этот запах, краски, свист и трели —
Все создала Любовь для некой высшей цели.

103

Кто гнал любовь, здесь устремится к ней
И тайн ее волшебных причастится,
А любящий начнет любить сильней
И не захочет с пустыню проститься,
Куда людскому злу не докатиться.
Любовь растет иль вянет. Лишь застой
Несвойствен ей. Иль в пепел обратится,
Иль станет путеводною звездой,
Которой вечен свет, как вечен мира строй.

104

Недаром здесь Руссо капризный гений
Остановил мечты своей полет
И приютил для чистых наслаждений

Две избранных души. У этих вод
Психеи пояс распустил Эрот,
Благословив для счастья эти склоны.
Там тишина и нега. Там цветет
Гармония. Над ложем светлой Роны
Там Альп возносятся блистательные троны,

105

Лозанна и Ферней! Святой предел,
Где двух титанов обитают тени,
Где смертных вел тропой бессмертных дел
На штурм небес отважившийся гений.
Здесь разум на фундаменте сомнений
Дерзнул создать мятежной мысли храм,
И если гром не сжег ее творений,
Так, значит, не впервые небесам
Улыбкой отвечать на все угрозы нам.

106

Один из них Протей был — вечно новый,
Изменчивый, ни в чем не знавший уз,
Шутник, мудрец, то кроткий, то суровый,
Хронист, философ и любимец муз,
Предписывавший миру мненья, вкус,
Оружьем смеха исправлявший нравы,
Как ветер вольный, истинный француз,
Прямой, коварный, добрый, злой, лукавый,
Бичующий глупцов, колеблющий державы.

107

Другой — пытлив, медлителен, глубок,
Упорством мысли изощрял сужденья,
Оттачивал иронии клинок,
Отдав труду ночей бессонных бденья,
Насмешкой низвергал предубежденья,
И — бог сарказма! — яростью глупцов
Был ввергнут в ад на муки искупленья, —
Там, если верить рассказням попов,
Для усомнившихся ответ на все готов.

108

Мир спящим! Те, кто кары заслужили,
Уже осуждены на небесах.
Не нам судить того, кто спит в могиле!

Но тайна тайн раскроется — и страх
С надеждой вместе ляжет в тлен и прах.
А прах, пусть не распался он покуда,
Распасться должен, как и все в гробах,
Но если мертвый встанет, — верю в чудо! —
Ему простится все, не то — придется худо.

109

Но от людских созданий мне пора
К созданьям божьим снова обратиться.
Уже и так, по прихоти пера,
Исписана не первая страница.
Вон облаков несется вереница
К альпийским льдам, сияющим вдали.
Пора и мне к вершинам устремиться,
В лазурь, куда их глетчеры ушли,
Где духов неба ждут объятия земли.

110

А дальше ты, Италия! Бессменно
Векам несешь ты свет земли своей —
От войн, пресекших дерзость Карфагена,
От мудрецов, поэтов и вождей,
Чья слава стала славой наших дней.
Империй трон, гробница их живая,
Не стал твой ключ слабей или мутней.
И, жажду знанья вечную питая,
Из римских недр бежит его струя святая.

111

Я с горьким чувством эту песню пел:
Актерствовать, носить чужие лица,
Знать, что собой остаться не сумел,
И лицедейству каждый миг учиться,
На самого себя ожесточиться,
Скрывать — о боже! — чувство, мысль и страсть,
Гнев, ненависть — все, чем душа томится,
И ревности мучительную власть, —
Вот что изведаль я, что пало мне на часть.

112

Не думайте, что это все — слова,
Прием литературный, обрамленье
Летающих сцен, намеченных едва,

Картин, запечатленных мной в движенье,
Чтоб вызвать в чьем-то сердце восхищенье;
Нет, слава — это молодости бог,
А для меня — что брань, что одобренье,
Мне безразлично. Так судил мой рок:
Забыт ли, не забыт — я всюду одинок.

113

Как мир — со мной, так враждовал я с миром,
Вниманье черни светской не ловил,
Не возносил хвалу ее кумирам,
Не слушал светских бардов и сивилл,
В улыбке льстивой губы не кривил,
Не раз бывал в толпе, но не с толпою,
Всеобщих мнений эхом не служил,
И так бы жил — но, примирился с судьбою,
Мой разум одержал победу над собою.

114

Я с миром враждовал, как мир — со мной.
Но, несмотря на опыт, верю снова,
Простясь, как добрый враг, с моей страной,
Что Правда есть, Надежда держит слово,
Что Добродетель не всегда сурова,
Не уловленьем слабых занята,
Что кто-то может пожалеть другого,
Что есть нелицемерные уста,
И Доброта — не миф, и Счастье — не мечта.

115

Дочурка Ада! Именем твоим
В конце я песнь украшу, как в начале.
Мне голос твой неслышен, взор незрим,
Но ты мне утешение в печали.
И где б мои стихи ни прозвучали,—
Пускай нам вместе быть не суждено,—
Из чуждых стран, из замогильной дали
К тебе — хотя б мой прах истлел давно —
Они придут, как вихрь, ворвавшийся в окно.

116

Следить, как начинаешь ты расти,
Знакомишься с вещами в удивленье,
И первые шаги твои вести,

И видеть первых радостей рожденье,
Ласкать тебя, сажая на колени,
Целуя глазки, щечки — таково,
Быть может, и мое предназначенье?
И сердце шепчет: да! Но что с того?
Я это счастье знал — я потерял его.

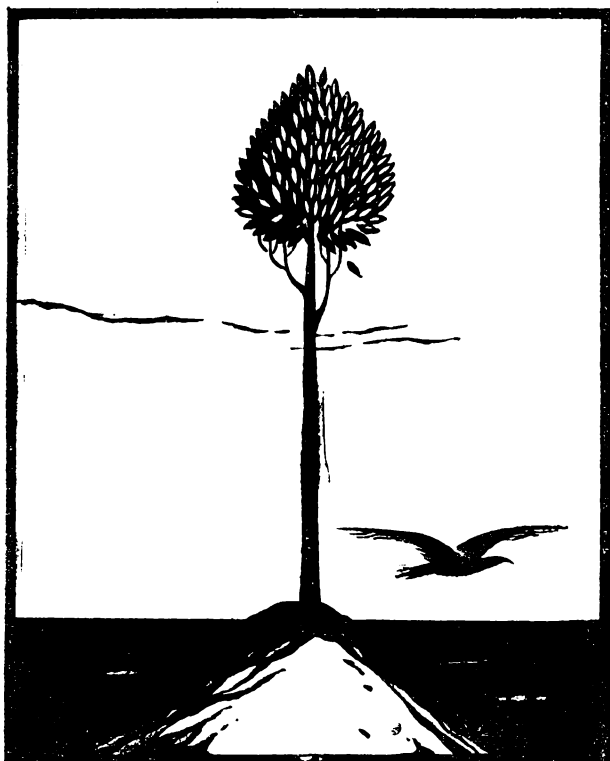
117

И все же ты со мною, ты не с ними,
Ты будешь, ты должна меня любить!
Пускай они мое бесчестят имя,
Сведут в могилу, — им не разрубить
Отца и дочь связующую нить.
В дочерних венах всей их камарилье
Кровь Байрона другой не заменить.
И как бы тень мою ни очернили,
Твоя любовь придет грустить к моей могиле.

118

Дитя любви! Ты рождена была
В раздоре, в помраченьях истерии,
И ты горишь, но не сгоришь дотла,
И не умрут надежды золотые,
Как умерли мои во дни былые.
Спи сладко! С этих царственных высот,
Где воскресаешь, где живешь впервые,
Тебя, дитя, благословляет тот,
Кто от тебя самой благословенья ждет.

Песнь четвертая

Visto ho Toscana, Lombardia, Romagna,
quel monte che divide, e quel che serra Italia,
e un mare e l'altro, che la bagna. *Ariosto,*
*Satira III*¹.

Джону Хобхаузу, эсквайру
Венеция, 2 января 1818 г.

Мой дорогой Хобхауз!

Восемь лет прошло между созданием первой и последней песни «Чайльд-Гарольда», и теперь нет ничего удивительного в том, что, расставаясь с таким старым другом, я обращаюсь к другому, еще более старому и верному, который видел рождение и смерть того, второго, и пред которым я еще больше в долгу за все, что дала мне в общественном смысле его просвещенная дружба,— хотя не мог не заслужить моей признательности и Чайльд-Гарольд, снискавший благосклонность публики, перешедшую с поэмы на ее автора,— к тому, с кем я давно знаком и много путешествовал, кто выхаживал меня в болезни и утешал в печали, радовался моим удачам и поддерживал в неудачах, был мудр в советах и верен в опасностях,— к моему другу, такому испытанному и такому нетребовательному,— к вам.

Тем самым я обращаюсь от поэзии к действительности и, посвящая вам в законченном или, по крайней мере, в законченном виде мою поэму,— самое большое, самое богатое мыслями и наиболее широкое по охвату из моих произведений,— я надеюсь повысить цену самому себе рассказом о многих годах интимной дружбы с человеком образованным и честным. Таким людям, как мы с вами, не пристало ни льстить, ни выслушивать лесть. Но искренняя похвала всегда позволена голосу дружбы. И совсем не ради вас, и даже не для других, но только для того, чтобы дать высказаться сердцу, ни прежде, ни потом не встречавшему доброжелателя, союзника в битвах с судьбой,— я подчеркиваю здесь ваши достоинства, вернее, преимущества, воздействие которых я испытал на себе. Даже дата этого письма, годовщина самого несчастного дня моей прошлой жизни,— которая,

¹ Я видел Тоскану, Ломбардию, Романью, те горы, что разрезают Италию надвое, и те, что отгораживают ее, и оба моря, которые омывают ее. *Ариосто, Сатира III (итал.)*.

впрочем, покуда меня поддерживает ваша дружба и мои собственные способности, не может отравить мое будущее,— станет отныне приятной нам обоим, ибо явится напоминанием о моей попытке выразить вам благодарность за неустанную заботу, равную которой немногим довелось повстречать, а кто встретил, тот, безусловно, начал лучше думать и обо всем человеческом роде, и о себе самом.

Нам посчастливилось проехать вместе, хотя и с перерывами, страны рыцарства, истории и легенды — Испанию, Грецию, Малую Азию и Италию; и чем были для нас несколько лет назад Афины и Константинополь, тем стали недавно Венеция и Рим. Моя поэма, или пилигрим, или оба вместе сопровождали меня с начала до конца. И, может быть, есть простительное тщеславие в том, что я с удовольствием думаю о поэме, которая в известной степени связывает меня с местами, где она возникала, и с предметами, которые охотно описывала. Если она оказалась недостойной этих чарующих, незабываемых мест, если она слабее наших воспоминаний и непосредственных впечатлений, то, как выражение тех чувств, которые вызывало во мне все это великое и прославленное, она была для меня источником наслаждений, когда писалась, и я не подозревал, что предметы, созданные воображением, могут внушить мне сожаление о том, что я с ними расстаюсь.

В последней песни пилигрим появляется реже, чем в предыдущих, и поэтому он менее отделим от автора, который говорит здесь от своего собственного лица. Объясняется это тем, что я устал последовательно проводить линию, которую все, кажется, решили не замечать. Подобно тому китайцу в «Гражданине мира» Голдсмита, которому никто не хотел верить, что он китаец, я напрасно доказывал и воображал, будто мне это удалось, что пилигрима не следует смешивать с автором. Но боязнь утратить различие между ними и постоянное недовольство тем, что мои усилия ни к чему не приводят, настолько угнетали меня, что я решил затею эту бросить — и так и сделал. Мнения, высказанные и еще высказываемые по этому поводу, теперь уже не представляют интереса: произведение должно зависеть не от автора, а от самого себя. Писатель, не находящий в себе иных побуждений, кроме стремления к успеху, минутному или даже постоянному, успеху, который зависит от его литератур-

ных достижений, заслуживает общей участи писателей.

Мне хотелось коснуться в следующей песни, либо в тексте, либо в примечаниях, современного состояния итальянской литературы, а может быть, также и нравов. Но вскоре я убедился, что текст, в поставленных мною границах, едва ли может охватить всю путаницу внешних событий и вызываемых ими размышлений. Что же касается примечаний, которыми я, за немногими исключениями, обязан вашей помощи, то их пришлось ограничить только теми, которые служат разъяснению текста.

Кроме того, это деликатная и не очень благородная задача — говорить о литературе и нравах нации, такой несхожей с собственной. Это требует внимания и беспристрастия и могло бы вынудить нас — хотя мы отнюдь не принадлежим к числу невнимательных наблюдателей и профанов в языке и обычаях народа, среди которого недавно находились, — отнестись с недоверием к собственному суждению или, во всяком случае, отложить его, чтобы проверить свои познания. Разногласия партий, как в политике, так и в литературе, достигли или достигают такого ожесточения, что для иностранца стало почти невозможным сохранить беспристрастность. Достаточно процитировать — по крайней мере, для моей цели — то, что было сказано на их собственном и прекрасном языке: «*Mi pare che in un paese tutto poetico che vanta la lingua la più dolce, tutte le vie diverse si possono tentare, e che sinche la patria di Alfieri e di Monti non ha perduto l'antico valore, in tutte essa dovrebbe essere la prima*»¹.

Италия продолжает давать великие имена — Канова, Монти, Уго Фосколо, Пиндемонте, Висконти, Морелли, Чиконьяра, Альбрицци, Медзофанти, Май, Мустоксиди, Альетти и Вакка почти во всех отраслях искусства, науки и литературы обеспечивают нынешнему поколению почетное место, а кое в чем — даже самое высокое: Европа — весь мир — имеют только одного Канову. Альфьери где-то сказал: «*La pianta uomo nasce più robusta in Italia che in qualunque altra terra e che gli stessi atro-*

¹ Мне кажется, что в стране, где все исполнено поэзии, в стране, которая гордится самым благородным и в то же время самым красивым языком, еще открыты все дороги, и, поскольку родина Альфьери и Монти не утратила прежнего величия, она во всех областях должна быть первой (итал.).

ci delitti che vi si dommettono ne sono una prova»¹. Не подписываясь под второй половиной этой фразы, поскольку она представляет собой опасную доктрину, истинность которой можно опровергнуть более сильными доказательствами, хотя бы тем, что итальянцы несколько не свирепее, чем их соседи, я скажу, что должен быть преднамеренно слепым или просто невежественным тот, кого не поражает исключительная одаренность этого народа, легкость их восприятия, быстрота понимания, пламенность духа, чувство красоты и, несмотря на неудачи многих революций, военные разрушения и потрясения Истории, — неугасимая жажда бессмертия, «бессмертия свободы». Когда мы ехали вдвоем вокруг стен Рима и слушали бесхитростную жалобу певших хором крестьян: «Рим! Рим! Рим не тот, каким он был!» — трудно было удержаться от сравнения этой грустной мелодии с вакхическим ревом торжествующих песен, которые несутся из лондонских таверн, напоминая о резне при Мон-Сен-Жан, о том, как были преданы Генуя, Италия, Франция, весь мир людьми, поведение которых вы сами описали в произведении, достойном лучших дней нашей истории. А что до меня:

Non moverò mai corda
Ove la turba di sue ciance assorda².

Тем, что выиграла Италия при недавнем перемещении наций, англичанам нет нужды интересоваться, пока они не убедятся в том, что Англия выиграла нечто гораздо большее, чем постоянная армия и отмена Habeas corpus. Пока им достаточно заниматься собственными делами. Что касается их действий за рубежами и особенно на Юге, истинно говорю вам, они получают возмездие, и притом — в недалеком будущем.

Желаю вам, дорогой Хобхауз, благополучного и приятного возвращения в страну, процветание которой никому не может быть дороже, чем вам, я посвящаю вам эту поэму в ее законченном виде и повторяю, что неизменно остаюсь

Вашим преданным

и любящим другом.

Байрон.

¹ Лоза человеческая рождается в Италии более мощной, чем где бы то ни было, и это доказывают даже те преступления, которые там совершаются (*итал.*).

² Я там не прикоснусь к струне, // Где черни вой терзает уши мне (*итал.*).

1

В Венеции на Ponte dei Sospiri ¹,
 Где супротив дворца стоит тюрьма,
 Где — зрелище единственное в мире! —
 Из волн встают и храмы и дома,
 Там бьет крылом История сама,
 И, догорая, рдеет солнце Славы
 Над красотой, сводящею с ума,
 Над Марком, чей, доньше величавый,
 Лев перестал страшить и малые державы.

2

Морей царица, в башенном венце,
 Из теплых вод, как Анадномена,
 С улыбкой превосходства на лице
 Она взошла, прекрасна и надменна.
 Ее принцессы принимали вено
 Покорных стран, и сказочный Восток
 В полу ей сыпал все, что драгоценно.
 И сильный князь, как маленький князек,
 На пир к ней позванный, гордиться честью мог.

3

Но смолк напев Торкватовых октав,
 И песня гондольера отзвучала,
 Дворцы дряхлеют, меркнет жизнь, устав,
 И не тревожит лютня сон канала.
 Лишь красота Природы не увяла.
 Искусства гибли, царства отцвели,
 Но для веков отчизна карнавала
 Осталась, как мираж в пустой дали,
 Лицом Италии и празднеством Земли.

4

И в ней для нас еще есть обаянье:
 Не только прошлый блеск, не имена
 Теней, следящих в горестном молчанье,
 Как, дождей и богатства лишена,
 К упадку быстро клонится она,—
 Иным завоевать она сумела
 Грядущие века и племена,

¹ Мост вздохов (*итал.*).

И пусть ее величье оскудело,
Но здесь возникли Пьер, и Шейлок, и Отелло,

5

Творенья Мысли — не бездушный прах,
Бессмертные, они веков светила,
И с ними жизнь отрадней, в их лучах
Все то, что ненавистно и постыло,
Что в смертном рабстве душу извратило,
Иль заглушит, иль вытеснит сполна
Ликующая творческая сила,
И, солнечна, безоблачно ясна,
Сердцам иссохшим вновь цветы дарит весна.

6

Лишь там, средь них, прибежище осталось
Для верящих надежде, молодых,
Для стариков, чей дух гнетет усталость
И пустота. Как множество других,
Из этих чувств и мой рождался стих,
Но вещи есть, действительность которых
Прекрасней лучших вымыслов людских,
Пленительней, чем всех фантазий ворох,
Чем светлых муз миры и звезды в их просторах,

7

Их видел я, иль это было сном?
Пришли — как явь, ушли — как сновиденья,
Не знаю, что сказать о них в былом,
Теперь они — игра воображенья.
Я мог бы вызвать вновь без напряженья
И сцен, и мыслей, им подобных, рой.
Но мимо! Пусть умрут без выраженья!
Для разума открылся мир иной,
Иные голоса уже владеют мной.

8

Я изучил наречия другие,
К чужим входил не чужестранцем я.
Кто независим, тот в своей стихии,
В какие ни попал бы он края,—
И меж людей, и там, где нет жилья,
Но я рожден на острове Свободы
И Разума — там родина моя,

Туда стремлюсь! И пусть окончу годы...
На берегах чужих, среди чужой Природы,

9

И мне по сердцу будет та страна,
И там я буду тлеть в земле холодной —
Моя душа! Ты в выборе вольна.
На родину направь полет свободный,
И да останусь в памяти народной,
Пока язык Британии звучит,
А если будет весь мой труд бесплодный
Забыт людьми, как ныне я забыт,
И равнодушие потомков оскорбит

10

Того, чьи песни жар в сердцах будили, —
Могу ль роптать? Пусть в гордый пантеон
Введут других, а на моей могиле
Пусть будет древний стих напечатлен:
«Среди спартанцев был не лучшим он».
Шипами мной посаженного дерева —
Так суждено! — я сам окровавлен,
И, примирясь, без горечи, без гнева
Я принимаю плод от своего посева.

11

Тоскует Адриатика-вдова:
Где дож, где свадьбы праздник ежегодный?
Как символ безутешного вдовства
Ржавеет «Буцентавр», уже негодный.
Лев Марка стал насмешкою бесплодной
Над славою, влачащейся в пыли,
Над площадью, где, папе неугодный,
Склонился император и несли
Дары Венеции земные короли.

12

Где сдался шваб — австриец твердо стал.
Тот был унижен, этот — на престоле.
Немало царств низверг столетий шквал,
Немало вольных городов — в неволе.
И не один, блиставший в главной роли,
Как с гор лавина, сброшенный судьбой,
Народ великий гаснет в жалкой доле, —

Где Дандоло, столетний и слепой,
У византийских стен летящий первым в бой!

13

Пусть кони Марка сбруей золотой
И бронзой блещут в ясную погоду,
Давно грозил им Дорна уздой —
И что же? Ныне Габсбургам в угоду
Свою тысячелетнюю свободу
Оплакивать Венеция должна;
О, пусть уйдет, как водоросли в воду,
В морскую глубь, в родную глубь она,
Коль рабство для нее — спокойствия цена.

14

Ей был, как Тиру, дан великий взлет,
И даже в кличке выражена сила:
«Рассадник львов» прозвал ее народ, —
За то, что флаг по всем морям носила,
Что от Европы турок отразила.
О древний Крит, великой Трои брат!
В твоих волнах — ее врагов могила.
Лепанто, помнишь схватку двух армاد?
Ни время, ни тиран тех битв не умалят.

15

Но статуи стеклянные разбиты,
Блистательные дожди спят в гробах,
Лишь говорит дворец их знаменитый
О празднествах, собраньях и пирах.
Чужим покорен меч, внушавший страх,
И каждый дом — как прошлого гробница.
На площадях, на улицах, мостах
Напоминают чужеземцев лица,
Что в тягостном плену Венеция томится.

16

Когда Афины шли на Сиракузы
И дрогнули, быть может, в первый раз,
От рабых пут лишь гимн афинской музы,
Стих Еврипида, сотни граждан спас.
Их победитель, слыша скорбный глас
Из уст сынов афинского народа,
От колесницы их отпряг тотчас

И вместе с ними восхвалил рапсода,
Чьей лирою была прославлена Свобода.

17

Венеция! Не в память старины,
Не за дела, свершенные когда-то,
Нет, цепи рабства снять с тебя должны
Уже за то, что и доньше свято
Ты чтешь, ты помнишь своего Торквато.
Стыд нациям! Но Англии — двойной!
Морей царица! Как сестру иль брата,
Дитя морей своим щитом укрой.
Ее закат настал, но далеко ли твой?

18

Венецию любил я с детских дней,
Она была моей души кумиром,
И в чудный град, рожденный из зыбей,
Воспетый Радклиф, Шиллером, Шекспиром,
Всецело веря их высоким лирам,
Стремился я, хотя не знал его.
Но в бедствиях, почти забытый миром,
Он сердцу стал еще родней того,
Который был как свет, как жизнь, как
волшебство.

19

Я вызываю тени прошлых лет,
Я узнаю, Венеция, твой гений,
Я нахожу во всем живой предмет
Для новых чувств и новых размышлений,
И словно жил в твоей поре весенней,
И эти дни вошли в тот светлый ряд
Ничем не истребимых впечатлений,
Чей каждый звук, и цвет, и аромат
Поддерживают жизнь в душе, прошедшей ад.

20

Но где растут стройней и выше ели?
На высях гор, где камень да гранит,
И где земля от стужи, и метели,
И от альпийских бурь не оградит,
И древние утесы им не щит.
Стволы их крепнут, корни в твердь пуская,
И гор достоин их могучий вид.

Им нет соперниц. И как ель такая,
И зреет и растет в борьбе душа людская.

21

Возникла жизнь — ей бремя не стряхнуть.
Корнями вглубь вонзается страданье
В бесплодную, иссушенную грудь.
Но что ж — верблюд несет свой груз в молчанье,
А волк и при последнем издыханье
Не стонет, — но ведь низменна их статья.
Так если мы — высокие созданья,
Не стыдно ли стонать или кричать?
Наложим на уста молчания печать.

22

Страданье иль убьет, иль умирает,
И вновь, невольник призрачных забот,
Свой горький путь страдалец повторяет
И жизни ткань из той же нити ткет.
Другой, устав, узнав душевный гнет
И обессилев, падает, в паденье
Измяв тростник, неверный свой оплот.
А третий мнит найти успокоенье —
Чтоб вознестись иль пасть — в добре иль
преступленьи.

23

Но память прошлых горестей и бед
Болезненна, как скорпиона жало.
Он мал, он еле видим, жгучий след,
Но он горит — и надобно так мало,
Чтоб вспомнить то, что душу истерзало.
Шум ветра — запах — звук — случайный взгляд
Мелькнули — и душа затрепетала,
Как будто электрический разряд
Ее включает в цепь крушений, слез, утрат.

24

Как? Почему? Но кто проникнуть мог
Во тьму, где Духа молния родится?
Мы чувствуем удар, потом ожог,
И от него душа не исцелится.
Пустяк, случайность — и всплывают лица,
И сколько их, то близких, то чужих,
Забытых иль успевших измениться,

Любимых, безразличных, дорогих...
Их мало, может быть, и всё ж как много их!

25

Но в сторону увел я мысль мою.
Вернись, мой стих, чтоб созерцать былое,
Где меж руин руиной я стою,
Где мертвое прекрасно, как живое,
Где обрело величие земное
В высоких добродетелях оплот,
Где обитали боги и герои,
Свободные — цари земли и вод,—
И дух минувших дней вовеки не умрет.

26

Республика царей — иль граждан Рима!
Италия, осталась прежней ты,
Искусством и Природою любима,
Земной эдем, обитель красоты,
Где сорняки прекрасны, как цветы,
Где благодатны, как сады, пустыни,
В самом паденье — дивный край мечты,
Где безупречность форм в любой руине
Бессмертной прелестью пленяет мир донне.

27

Взошла луна, но то не ночь — закат
Теснит ее, полнебом обладая.
Как в нимбах славы, Альп верхи горят.
Фриулы скрыла дымка голубая.
На Западе, как радуга, играя,
Перемешал все краски небосвод,
И день уходит в Вечность, догорая,
И, отраженный в глуби синих вод,
Как остров чистых душ, Селены диск плывет,

28

А рядом с ней звезда — как две царицы
На полусфере неба. Но меж гор,
На солнце рдея, марево клубится —
Там ночи день еще дает отпор,
И лишь природа разрешит их спор,
А Бренты шум — как плач над скорбной урной,
Как сдержанный, но горестный укор,

И льнет ее поток темно-лазурный
К пурпурным розам, и закат пурпурный

29

Багрянцем брызжет в синий блеск воды,
И, многоцветность неба отражая,—
От пламени заката до звезды,—
Вся в блестках вьется лента золотая.
Но вскоре тень от края и до края
Объемлет мир, и гаснет волшебство.
День — как дельфин, который, умирая,
Меняется в цветах — лишь для того,
Чтоб стать в последний миг прекраснее всего.

30

Есть в Аркуа гробница на столбах,
Где спит в простом гробу без украшений
Певца Лауры одинокий прах.
И здесь его паломник славит гений
Защитника страны от унижений —
Того, кто спас Язык в годину зла,
Но ту одну избрал для восхвалений,
Кто лавра соименницей была
И лавр бессмертия поэту принесла.

31

Здесь, в Аркуа, он жил, и здесь сошел он
В долину лет под кровлею своей.
Зато крестьянин, гордым чувством полон,—
А есть ли гордость выше и честней? —
К могиле скромной позовет гостей
И в скромный домик будет верным гидом.
Поэт был сам и ближе и родней
Селу в горах с широким, вольным видом,
Чем пышным статуям и грозным пирамидам.

32

И тот, кто смертность ощутил свою,
Приволье гор, укромное селенье
Иль пинию, склоненную к ручью,
Как дар воспримет, как благословенье.
Там от надежд обманутых спасенье,—
Пускай жужжат в долинах города,
Он не вернется в их столпотворенье,

Он не уйдет отсюда никогда.
Тут солнце празднично — в его лучах вода,

33

Земля и горы, тысячи растений,
Источник светлый,— все твои друзья,
Здесь мудрость — и в бездеятельной лени,
Когда часы у светлого ручья
Текут кристальны, как его струя.
Жить учимся мы во дворце убогом,
Но умирать — на лоне бытия,
Где спесь и лесть остались за порогом,
И человек — один и борется лишь с богом

34

Иль с демонами Духа, что хотят
Ослабить мысль и в сердце угнездиться,
Изведавшем печаль и боль утрат,—
В том сердце, что, как пойманная птица,
Дрожит во тьме, тоскует и томится,
И кажется, что ты для мук зачат,
Для страшных мук, которым вечно длиться,
Что солнце — кровь, земля — и тлен, и смрад,
Могила — ад, но ад — страшней, чем Дантов ад.

35

Феррара! Одиночеству не место
В широкой симметричности твоей.
Но кто же здесь не вспомнит подлых Эсте,
Тиранов, мелкотравчатых князей,
Из коих не один был лицедей —
То друг искусства, просветитель новый,
То, через час, отъявленный злодей,
Присвоивший себе венок лавровый,
Который до него лишь Дант носил суровый.

36

Их стыд и слава — Тассо! Перечти
Его стихи, пройди к ужасной клетки,
Где он погиб, чтобы в века войти,—
Его Альфонсо кинул в стены эти,
Чтоб, ослеплен, безумью брошен в сети,
Больничным адом нравственно убит,
Он не остался в памяти столетий.

Но, деспот жалкий, ты стыдом покрыт,
А славу Тассо мир еще и ныне чтит,

37

Произнося с восторгом это имя,
Твое же, сгнив, забылось бы давно,
Когда бы злодеяньями своими,
Как мерзкое, но прочное звено,
В судьбу поэта не вплелось оно.
И, облаченный княжеским нарядом,
Альфонсо, ты презренен все равно —
Раб, недостойный стать с поэтом рядом,
Посмевший дар его душить тюремным смрадом.

38

Как бык, ты ел, — зачем? — чтоб умереть,
Вся разница лишь в корме да в жилище.
Его же нимб сиял и будет впредь
Сиять все ярче, радостней и чище,
Хоть гневу Круски дал он много пищи,
Хоть Буало не видел в нем добра
(Апологет стряпни французов нищей —
Докучных, как зуденье комара,
Трескучих вымыслов бессильного пера).

39

Ты среди нас живешь священной тенью!
Ты был, Торквато, обойден судьбой,
Ты стал для стрел отравленных мишенью,
Неуязвим и мертвый, как живой.
И есть ли бард, сравнившийся с тобой?
За триста лет поэтов много было,
Но ты царишь один над их толпой.
Так солнце есть, и никакая сила,
Собрав его лучи, не повторит светила.

40

Да! Только средь его же земляков
Предшественники были, мой читатель,
Не менее великие. Таков
«Божественной Комедии» создатель
Иль чудных небылиц изобретатель,
Тот южный Скотт, чей гений столь же смел,
Кто, как романов рыцарских слагатель —

Наш Ариосто северный, воспел
Любовь, и женщину, и славу бранных дел.

41

Был молнией на бюсте Ариосто
Венец расплавлен и на землю сбит.
Стихия дело разрешила просто:
Железу лавром быть не надлежит.
Кто лавров Славы гром не сокрушит,
Так сходство с лавром лишь глупца обманет.
Но суеверье попусту дрожит:
Рассудок трезвый по-другому взглянет —
Гром освящает то, во что стрелою грянет.

42

Зачем печать высокой красоты,
Италия! твоим проклятьем стала?
Когда б была не столь прекрасна ты,
От хищных орд ты меньше бы страдала.
Ужель еще стыда и горя мало?
Ты молча терпишь гнет чужих держав!
Тебе ль не знать могущество кинжала!
Восстань, восстань — и, кровопийц прогнав,
Яви нам гордый свой, вольнолюбивый нрав!

43

Тогда бы ты, могуществом пугая,
Ничьих желаний гнусных не влекла,
И красота, доныне роковая,
Твоим самоубийством не была.
Войска бы не катились без числа
В долины Альп глумиться над тобою,
И ты б чужих на помощь не звала,
Сама не в силах дать отпор разбою,—
Твоих заступников не стала бы рабою.

44

Я плавал в тех краях, где плавал друг
Предсмертной образованности Рима,
Друг Цицерона. Было все вокруг,
Как в оны дни. Прошла Мегара мимо,
Пирей маячил справа нелюдимо,
Эгина сзади. Слева вознесен,
Белел Коринф. А море еле зримо

Качало лодку, и на всем был сон.
Я видел ряд руин — все то, что видел он.

45

Руины! Сколько варварских халуп
Поставили столетья рядом с ними!
И оттого, хотя он слаб и скуп,
Останний луч зари, сиявшей в Риме,
Он тем для нас прекрасней, тем любимей.
Уже и Сервий лишь оплакать мог
Все, от чего осталось только имя,
Бег времени письмо его сберег,
И в нем для нас большой и горестный урок.

46

И вслед за ним я в путевой тетрадке
Погибшим странам вздох мой посвятил.
Он с грустью видел родину в упадке,
Я над ее обломками грустил.
В столетьях вырос длинный счет могил,
На Рим великий буря налетела,
И рухнул Рим, и жар давно остыл
В останках титанического тела.
Но дух могучий зрим, и только плоть истлела.

47

Италия! Должны народы встать
За честь твою, раздоры отменяя,
Ты мать оружия, ты искусства мать,
Ты веры нашей родина святая.
К тебе стремятся — взять ключи от рая —
Паломники со всех земных широт.
И верь, бесчестье матери карая,
Европа вся на варваров пойдет
И пред тобой в слезах раскаянья падет.

48

Но вот нас манит мраморами Арно.
В Этрурии наследницу Афин
Приветствовать мы рады благодарно,
Среди холмов зеленых, и долин,
Зерна, и винограда, и маслин,
Среди природы щедрой и здоровой,
Где жизнь обильна, где неведом сплин,

И к роскоши привел расцвет торговый,
Зарю наук воззвав из тьмы средневековой.

49

Любви богиня силой красоты
Здесь каждый камень дивно оживила,
И сам бессмертью причастишься ты,
Когда тебя радушно примет вилла,
Где мощь искусства небо нам открыла
Языческой гармонией резца,
Которой и природа уступила,
Признав победу древнего творца,
Что создал идеал и тела и лица.

50

Ты смотришь: ты не в силах с ней проститься,
Ты к ней пришел — и нет пути назад!
В цепях за триумфальной колесницей
Искусства следуй, ибо в плен ты взят.
Но этот плен, о, как ему ты рад!
На что здесь толки, споры, словопренья,
Педантства и бессмыслицы парад!
Нам голос мысли, чувства, крови, зренья
Твердит, что прав Парис и лишни заверенья.

51

Такой ли шла ты к принцу-пастуху,
Такая ли к Анхизу приходила?
Такая ли, покорствуя греху,
Ты богу битв лукаво кровь мутила,
Когда он видел глаз твоих светила,
К твоей груди приникнув головой,
А ты любви молила, ты любила,
И поцелуев буре огневой
Он отдавал уста, как раб смиренный твой.

52

Но бог, любя, не пел любовных песен,
Он в красках чувство выразить не мог.
Он был, как мы, влюбленный, бессловесен,
И смертному уподоблялся бог.
Часов любви не длит упрямый рок,
Но смертный помнит краски, ароматы,
Сердечный трепет — вечности залог,

И памятью и опытом богатый,
Ужели он не бог, творец подобных статуй!

53

Пусть, мудростью красуясь наживной,
Художнической братии обезьяна,
Его эстетство — критик записной
Толкует нам изгиб ноги и стана,
Рассказывая то, что несказанно,
Но пусть зеркал не помрачает он,
Где должен без малейшего изъяна
Прекрасный образ, вечно отражен,
Примером царственным сиять для смертных жён,

54

В священном Санта-Кроче есть гробницы,
Чьей славой Рим тысячекратно свят.
И пусть ничто в веках не сохранится
От мощи, обреченной на распад,
Они его бессмертье отстоят.
Там звездный Галилей в одном приделе,
В другом же, рядом с Альфиери, спят
Буонаротти и Макиавелли,
Отдав свой прах земле, им давшей колыбели,

55

Они бы, как стихии, вчетвером
Весь мир создать могли. Промчатся годы,
И может рухнуть царственный твой дом,
Италия! Но волею Природы
Гигантов равных не дали народы,
Царящие огнем своих армад.
И, как твои ни обветшали своды,
Их зори Возрождения золотят,
И дал Канову твой божественный закат.

56

Но где ж, Тоскана, где три брата кровных?
Где Дант, Петрарка? Горек твой ответ!
Где тот рассказчик ста новелл любовных,
Что в прозе был пленительный поэт?
Иль потому он так пропал, их след,
Что Смерть, как Жизнь, от нас их отделила?
На родине им даже бюстов нет!

Иль мрамора в Тоскане не хватило,
Чтобы Флоренция сынов своих почитала?

57

Неблагодарный город! Где твой стыд?
Как Сципион, храним чужою сенью,
Изгнанник твой, вдали твой Данте спит,
Хоть внуки всех причастных преступленью
Прощенья молят пред великой тенью.
И лавр носил Петрарка не родной —
Он, обучивший сладостному пенью
Всех европейских бардов, — он не твой,
Хотя ограблен был, как и рожден, тобой.

58

Тебе Боккаччо завещал свой прах,
Но в Пантеоне ль мастер несравненный?
Напомнит ли хоть реквием в церквах,
Что он возвел язык обыкновенный
В Поэзию — мелодию сирены?
Он мавзолея славы заслужил,
Но и надгробье снял ханжа презренный,
И гению нет места средь могил,
Чтобы и вздохом тень прохожий не почтил.

59

Да, в Санта-Кроче величайших нет.
Но что с того? Не так ли в Древнем Риме,
Когда на имя Брута лег запрет,
Лишь слава Брута стала ощутимей.
И Данте сон валами крепостными
Равенна благодарная хранит.
И в Аркуа кустами роз живыми
Певца Лауры смертный холм увит.
Лишь мать-Флоренция об изгнанных скорбит.

60

Так пусть вельможам, герцогам-купцам
Воздвиглись пирамиды из агата,
Порфира, яшмы, — это льстит глупцам!
Когда роса ложится в час заката
Иль веет ночь дыханьем аромата
На дерн могильный — вот он, мавзолей
Титанам, уходящим без возврата.

Насколько он прекрасней и теплей
Роскошных мраморов над прахом королей!

61

Скульптура вместе с радужной сестрой
Собор над Арно в чудо превратила.
Я свято чту искусств высокий строй,
Но сердцу все ж иное чудо мило:
Природа — море, облака, светила;
Я рад воспеть шедевры галерей,
Но даже то, что взор мой поразило,
Не рвется песней из души моей.
Есть мир совсем иной, где мой клинок верней,

62

Где зыблется в теснине Тразимена,
Где для мечты — ее желанный дом.
Здесь победила хитрость Карфагена,
И, слишком рано гордый торжеством,
Увидел Рим орлов своих разгром,
Не угадав засаду Ганнибала,
И, как поток, в ущелье роковым
Кровь римская лилась и клокотала,
И, рухнув, точно лес от буревала,

63

Горой лежали мертвые тела,—
Храбрейшим, лучшим не было спасенья,
И жажда крови так сильна была,
Что, видя смерть, в безумстве иступленья
Никто не замечал землетрясенья,
Хотя бы вдруг разверзшийся провал,
Усугубляя ужас истребленья,
Коней, слонов и воинов глотал.
Так ненависть слепа, и целый мир ей мал.

64

Земля была под ними как челнок,
Их уносивший в вечность, без кормила,
И руль держать никто из них не мог,
Затем что в них бушующая сила
Самой Природы голос подавила —
Тот страх, который гонит вдаль стада,
Взметает птиц, когда гроза завывала,

И сковывает бледные уста,—
Так, словно человек умолкнул навсегда.

65

Как Тразимена изменилась ныне!
Лежит, как щит серебряный, светла.
Кругом покой. Лишь мирный плуг в долине
Земле наносит раны без числа.
Там, где лежали густо их тела,
Разросся лес. И лишь одна примета
Того, что кровь когда-то здесь текла,
Осталась для забывчивого света:
Ручей, журчащий здесь, зовется Сангвинетто.

66

А ты, Клитумн, о светлая волна,
Кристалл текучий, где порой, нагая,
Купается, в струях отражена,
Собой любуясь, нимфа молодая;
Прозрачной влагой берега питаю,
О, зеркало девичьей красоты,
О, благосклонный бог родного края,
Забыв войну, растишь и холишь ты
Молочно-белый скот, и травы, и цветы.

67

Лишь небольшой, но стильный, стройный храм,
Как память лет, что в битвах оттремели,
Глядит с холма, ближайшего к волнам,
И видно, как в прозрачной их купели
Гоняются и прыгают форели,
А там, где безмятежна глубина,
Нимфеи спят, колышась еле-еле,
И, свежести пленительной полна,
Пришельца сказками баюкает волна.

68

Благословен долины этой гений!
Когда, устав за долгий переход,
Пьешь полной грудью аромат растений,
И вдруг в лицо прохладой дохнет,
И, наконец, ты, смыв и пыль и пот,
Сядишься в тень, на склон реки отлогий,
Сама душа Природе гимн поет,

Дарующей такой приют в дороге,
Где далеко и жизнь, и все ее тревоги.

69

Но как шумит вода! С горы в долину
Гигантской белопенною стеной —
Стеной воды! — свергается Велино,
Все обдавая бурей водяной.
Пучина Орка! Флегетон шальной!
Кипит, ревет, бурлит, казнимый адом,
И смертным потом — пеной ледяной —
Бьет, хлещет по утесистым громадам,
Как бы глумящимся над злобным водопадом,

70

Чьи брызги рвутся к солнцу и с небес,
Как туча громоносная в апреле,
Дождем струятся на поля, на лес,
Чтобы они смарагдом зеленели,
Не увядая. В тьму бездонной щели
Стихия низвергается, и вот
Из бездны к небу глыбы полетели,
Низринутые вглубь с родных высот
И вновь летящие, как ядра, в небосвод,

71

Наперекор столбу воды, который
Так буйно крутит и швыряет их,
Как будто море, прорывая горы,
Стремится к свету из глубин земных
И хаос бьется в муках родовых —
Не скажешь: рек источник жизнедарный!
Нет, он, как Вечность, страшен для живых,
Зеленый, белый, голубой, янтарный,
Обворожающий, но лютый и коварный.

72

О, Красоты и Ужаса игра!
По кромке волн, от края и до края,
Надеждой подле смертного одра
Ирида светит, радугой играя,
Как в адской бездне луч зари, живая,
Нарядна, лучезарна и нежна,
Над этим мутным бешенством сияя,

В миллионах шумных брызг отражена,
Как на Безумие — Любовь, глядит она.

73

И вновь я на лесистых Апеннинах —
Подобьях Альп. Когда б до этих пор
Я не бывал на ледяных вершинах,
Не слышал, как шумит под фирном бор.
И с грохотом летят лавины с гор,
Я здесь бы восхищался непрестанно,
Но Юнгфрау мой чаровала взор,
Я видел выси мрачного Монблана,
Громовершинную, в одежде из тумана,

74

Химари — и Парнас, и лёт орлов,
Над ним как бы соперничавших славой,
Взмывавших выше гор и облаков;
Я любовался Этной величавой,
Я, как троянец, озираю дубравы
Лесистой Иды, я видал Афон,
Олимп, Соракт, уже не белоглавый,
Лишь тем попавший в ряд таких имен,
Что был Горацием в стихах прославлен он,

75

Девятым валом вставший средь равнины,
Застывший на изломе водопад,—
Кто любит дух классической рутины,
Пусть эхо будит музыкой цитат.
Я ненавидел этот школьный ад,
Где мы латынь зубрили слово в слово,
И то, что слышал столько лет назад,
Я не хочу теперь услышать снова,
Чтоб восхищаться тем, что в детстве так сурово

76

Вколачивалось в память. С той поры
Я, правда, понял важность просвещенья,
Я стал ценить познания дары,
Но, вспоминая школьные мученья,
Я не могу внимать без отвращенья
Иным стихам. Когда бы педагог
Позволил мне читать без принужденья,—

Как знать,— я сам бы полюбить их мог,
Но от зубрежки мне постыл их важный слог.

77

Прощай, Гораций, ты мне ненавистен,
И горе мне! Твоя ль вина, старик,
Что красотой твоих высоких истин
Я не пленен, хоть знаю твой язык.
Как моралист, ты глубже всех постиг
Суть жизни нашей. Ты сатирой жгучей
Не оскорблял, хоть резал напрямик.
Ты знал, как бог, искусства строй певучий,
И все ж простимся — здесь, на Апеннинской круче.

78

Рим! Родина! Земля моей мечты!
Кто сердцем сир, чьи дни обузой стали,
Взгляни на мать погибших царств — и ты
Поймешь, как жалки все твои печали.
Молчи о них! Пройди на Тибр и дале,
Меж кипарисов, где сова кричит,
Где цирки, храмы, троны отблестали,
И однодневных не считай обид:
Здесь мир, огромный мир в пыли веков лежит.

79

О Древний Рим! Лишенный древних прав,
Как Ниобея — без детей, без трона,
Стоишь ты молча, свой же кенотаф.
Останков нет в гробнице Сципиона,
Как нет могил, где спал во время оно
Прах сыновей твоих и дочерей.
Лишь мутный Тибр струится неуклонно
Вдоль мраморов безлюдных пустырей.
Встань, желтая волна, и скорбь веков залей!

80

Пожары, войны, бунты, гуны и гот,—
О, смерч над семихолмною столицей!
И Рим слабел, и грянул страшный год:
Где шли в цепях, бывало, вереницей
Цари за триумфальной колесницей,
Там варвар стал надменною пятой
На Капитолий. Мрачною гробницей

Простерся Рим, пустынный и немой.
Кто скажет: «Он был здесь»,— когда двойною
тьмой,

81

Двойною тьмой — незнания и столетий
Закрыт его гигантский силуэт,
И мы идем на ощупь в бледном свете;
Есть карты мира, карты звезд, планет,
Познание идет путем побед,
Но Рим лежит неведомой пустыней,
Где только память пролагает след.
Мы «Эврика!» кричим подчас и ныне,
Но то пустой мираж, подсказка стертых линий.

82

О Рим! Не ты ль изведаль торжество
Трехсот триумфов! В некий день священный
Не твой ли Брут вонзил кинжал в того,
Кто стать мечтал диктатором вселенной!
Тит Ливий, да Вергилий вдохновенный,
Да Цицерон — в них воскресает Рим.
Все остальное — прах и пепел бренный,
И Рим свободный — он неповторим!
Его блестящих глаз мы больше не узрим.

83

Те, кто орлов над Азией простер
И рвался дальше в бранном увлеченье,
Ты, Сулла, чей победоносный взор
Не разглядел, что Рим готовит мщенье:
Народ — за кровь, сенат — за униженье
(Один твой взгляд — и подчинялся он),—
Ты все впитал: порок и преступленье,
Но, Рима сын, храня небрежный тон,
С улыбкой отдал то, что более, чем трон,

84

Давало власть — диктаторское право.
Ты мог ли знать, что Рим, его оплот,
Возвысившая цезарей держава —
Всесильный Рим, — когда-нибудь падет,
Что в Рим царить не римлянин придет,
Он — «Вечный град» в сознание поколений,

Он, крыльями обнявший небосвод,
Не знающий проигранных сражений,
Он будет варваром поставлен на колени!

85

Как Сулла — первый корифей войны,
Так первый узурпатор, от природы,
Наш Кромвель. Для величия страны,
Для вечной славы и за миг свободы
Он отдал мрачным преступлениям годы,
Прогнал сенат и сделал плахой трон.
Священный бунт! Но вам мораль, народы:
В день двух побед был смертью награжден
Некоронованный наследник двух корои.

86

В тот самый месяц, третьего числа,
Отвергнув трон, но больше, чем на троне,
Он опочил, и смерть к нему пришла,
Чтобы в могильном упокоить лоне.
Не в высшем ли начертано законе,
Что слава, власть — предмет вражды людской —
Не стоят нашей яростной погони,
Что там, за гробом, счастье и покой.
Усвой мы эту мысль — и станет жизнь другой.

87

А ты, ужасный монумент Помпея,
Пред кем, обрызгав кровью пьедестал,
Под крик убийц пал Цезарь и, слабея,
Чтобы сыграть достойно свой финал,
Закрывшись тогой, молча умирал, —
В нагом величье, правда ль, в этом зале
Ты алтарем богини мщенья стал?
Мертвы ль вы оба? Что за роль играли?
Быть может, кукол роль, хоть в плен царей вы
брали?

88

А ты, в кого ударил дважды гром,
Доныне, о священная волчица,
Млоко побед, которым вскормлен Рим,
Из бронзовых сосцов твоих сочится.
Навек — музея древностей жилища,
От жгучих стрел Юпитера черна,

Чтоб вечно Рим тобою мог гордиться,
Мать смелых! Вечно ты стоять должна
И город свой хранить, как в оны времена.

89

Храни его! Но тех людей железных
Давно уж нет. Мир города воздвиг
На их могилах. В войнах бесполезных
Им подражало множество владык,
Но их пугало то, что Рим велик
И нет меж ними равного судьбою,
Иль есть один, и он всего достиг,
Но, честолюбец, вставший над толпою,
Он — раб своих рабов — низвергнут сам собою.

90

Лжевластью ослепленный, он шагал,
Поддельный Цезарь, вслед за неподдельным,
Но римлянин прошел другой закал:
Страсть и рассудок — все в нем было цельным.
Он был могуч инстинктом нераздельным,
Который все в гармонии хранит,
Гость Клеопатры — подвигам смертельным
За прялкой изменяющий Алкид, —
Который вновь пойдет, увидит, победит,

91

И вот он Цезарь вновь! А тот, хотящий,
Чтоб стал послушным соколом орел,
Перед французской армией летящий,
Которую путем побед он вел, —
Тому был нужен Славы ореол,
И это все. Он раболепство встретил,
Но сердцем был он глух. Куда он шел?
И в Цезари — с какою целью метил?
Чем, кроме славы, жил? Он сам бы не ответил.

92

Ничто иль все! Таков Наполеон.
А не накличь он свой конец печальный,
Он был бы, словно Цезарь, погребен,
Чей прах топтать готов турист нахальный.
И вот мечта об арке Триумфальной,
Вот кровь и слезы страждущей Земли,

Потоп, бурлящий с силой изначальной! .
Мир тонет в нем, и нет плота вдали...
О боже, не ковчег, хоть радугу пошли!

93

Жизнь коротка, стеснен ее полет,
В суждениях не терпим мы различий.
А Истина — как жемчуг в глуби вод.
Фальшив отяготивший нас обычай.
Средь наших норм, условностей, приличий
Добро случайно, злу преграды нет,
Рабы успеха, денег и отличий,
На мысль и чувство наложив запрет,
Предпочитают тьму, их раздражает свет.

94

И так живут в тупой, тяжелой скуке,
Гордясь собой, и так во гроб сойдут.
Так будут жить и сыновья и внуки,
И дальше рабский дух передадут,
И в битвах за ярмо свое падут,
Как падал гладиатор на арене.
Не за свободу, не за вольный труд,—
Так братья гибли: сотни поколений,
Сметенных войнами, как вихрем — лист осенний.

95

О вере я молчу — тут каждый сам
Решает с богом,— я про то земное,
Что так понятно, ясно, близко нам,—
Я разумею то ярмо двойное,
Что нас гнетет при деспотичном строе,
Хоть нам и лгут, что следуют тому,
Кто усмирял надменное и злое,
С земных престолов гнал и сон и тьму,
За что одно была б вовек хвала ему.

96

Ужель тирану страшны лишь тираны?
Где он, Свободы грозной паладин,
Каким, Минерва девственной саванны,
Колумбия, был воин твой и сын?
Иль, может быть, такой в веках один,
Как Вашингтон, чье сердце воспиталось

В глухих лесах, близ гибельных стремнин?
Иль тех семян уж в мире не осталось
И с жаждой вольности Европа расквиталась?

97

Пьяна от крови, Франция в те дни
Блевала преступленьем. Все народы
Смутила сатурналия резни,
Террор, тщеславье, роскошь новой моды,—
Так мерзок был обратный лик Свободы,
Что в страхе рабству мир себя обрек,
Надежде вновь сказав «прости» на годы.
Вторым грехопаденьем в этот век
От Древа Жизни был отторгнут человек.

98

И все-таки твой дух, Свобода, жив,
Твой стяг под ветром плещет непокорно,
И даже бури грохот заглушив,
Пускай, хрипя, гремит твоя валторна.
Ты мощный дуб, дающий лист упорно,—
Он топором надрублен, но цветет.
И Вольностью посеянные зерна
Лелеет Север, и настанет год,
Когда они дадут уже не горький плод.

99

Вот почернелый мрачный бастион.
Часть крепости, обрушиться готовой,
Врагам отпор давал он испокон,
Фронтон его, изогнутый подковой,
Плюща гирляндой двадцативековой,
Как Вечности венком, полузакрыт.
Чем был, что прятал он в тот век суровый?
Не клад ли в подземелье был зарыт?
Нет, тело женщины,— так быть нам говорит.

100

Зачем твой склеп — дворцовый бастион?
И кто ты? Как жила? Кого любила?
Царь или больше — римлянин был он?
Красавиц дочек ты ему дарила,
Иль вождь, герой, чья необорна сила,
Тобой рожден был? Как ты умерла?

Боготворимой? Да! Твоя могила
Покоить низших саном не могла,
И в ней ты, мертвая, бессмертье обрела.

101

А муж твой — не любила ль ты чужого?
Такие страсти знал и Древний Рим.
Была ль ты, как Корнелия, сурова,
Служа супругу, детям и родным
И нет! сказав желаньям иным,
Иль, как Египта дерзкая царица,
Жила лишь наслаждением одним?
Была грустна? Любила веселиться?
Но грусть любви всегда готова в радость

влиться.

102

Иль, сокращая век твой, как скала,
Тебя давило горе непрестанно?
Иль ты богов любимицей была
И оттого сошла в могилу рано?
И туча, близясь грозно и туманно,
Обрушила на жизнь твою запрет,
А темный взор, порой блестевший странно,
Был признаком чахотки с детских лет,
И цветом юных щек был роц осенних цвет?

103

Иль старой умерла ты, пережившей
Свой женский век, и мужа, и детей,
Но даже снег, твой волос убеливший,
Не обеднил густой косы твоей —
Твоей короны в пору лучших дней,
Когда Метеллой Рим любил хвалиться.
Но что гадать! Меж римских богачей
Был и твой муж, и знала вся столица,
Что гордостью его была твоя гробница.

104

Но почему, когда я так стою
В раздумье пред гробницей знаменитой,
Как будто древний мир я узнаю,
Входящий в сердце музыкой забытой,
Но не такой ликующей, открытой,

А смутной, скорбной, как над гробом речь,
И, сев на камень, хмелем перевитый,
Я силюсь в звуки, в образы облечь
Все, что могла душа в крушении сберечь,

105

Чтобы из досок, бурей разметенных,
Ладью Надежды зыбкой сколотив,
Изведать снова злобу волн соленых,
Грызущих берег в час, когда прилив
Идет, их силы удесятерив.
Но сам не знаю — в ясный день, в ненастье,—
Хотя давно я стал неприхотлив,
Куда направляюсь, в ком найду участие,
Когда лишь здесь мой дом, а может быть, и
счастье.

106

И все же в путь! Пусть голоса ветров,
Ночную песней наполняя дали,
Вбирают моря шум и крики сов,
Которые здесь только что стонали
В душистой тьме, на смолкшем Квиринале,
И, медленны — глаза как две свечи,—
За Палатин бесшумно проплывали.
Что стоят в этой сказочной почве
Все наши жалобы! Любуйся — и молчи.

107

Плющ, кипарис, крапива да пырей,
Колонн куски на черном пепелище.
На месте храмов — камни пустырей,
В подземной крипте — плящущий глазищи,
Неспящий филин. Здесь его жилище.
Ему здесь ночь. А это — баня, храм?
Пусть объяснит знаток. Но этот нищий
Твердит: то стен остатки. Знаю сам!
А здесь был римский трон,— мощь обратилась
в хлам.

108

Так вот каков истории урок:
Меняется не сущность, только дата.
За Вольностью и Славой — дайте срок! —
Черед богатства, роскоши, разврата

И варварства. Но Римом все объято,
Он все познал, молился всем богам,
Изведал все, что проклято иль свято,
Что сердцу льстит, уму, глазам, ушам...
Да что слова! Взгляни — и ты увидишь сам.

109

Плачь, смейся, негодуй, хвали, брани.
Для чувств любых тут хватит матерьяла.
Века и царства — видишь, вот они!
На том холме, где все руиной стало,
Как солнце, мощь империи блистала.
О, маятник — от смеха и до слез,—
О, человек! Все рухнет с пьедестала.
Где золотые кровли? Кто их снес?
Где все, чьей волею Рим богател и рос?

110

Обломок фриза, брошенный во рву,
Увы! красноречивей Цицерона.
Где лавр, венчавший Цезаря главу?
Остался плющ — надгробная корона.
Венчайте им меня! А та колонна?
Траян увековечен в ней иль Тит?
Нет, Время, ибо Время непреклонно
Меняет все. И там святой стоит,
Где император был умерший не зарыт,

111

А поднят в воздух. Глядя в небо Рима,
В соседстве звезд обрел он вечный свет,
Последний, кто владел неколебимо
Всем римским миром. Тем, кто шел вослед,
Пришлось терять плоды былых побед.
А он, как Македонец, невозбранно
Свои владенья множил столько лет,
Но без убийств, без пьяного дурмана,
И мир доныне чтит величие Траяна.

112

Где холм героев, их триумфов сцена,
Иль та скала, где в предрешенный срок
Заканчивала путь земной измена,
Где честь свою вернуть изменник мог,

Свершив бесстрашно гибельный прыжок.
Здесь Рим слагал трофеи на вершине,
Здесь партий гнев и камни стен прожег,
И, пламенная, в мраморной пустыне
Речь Цицеронова звучит еще доньше.

113

Все Рим изведаль: партий долгий спор,
Свободу, славу, иго тиранни —
С тех пор, как робко крылья распростер,
До той поры, когда цари земные
Пред ним склонили раболепно выи.
И вот померк Свободы ореол,
И Рим узнал анархию впервые —
Любой пройдоха, захватив престол,
Топтал сенаторов и с чернью дружбу вел,

114

Но где последний Рима гражданин,
Где ты, Риенци, ты, второй Помпилий,
Ты, искупитель тягостных годин
Италии, ее позорных былей,
Петрарки друг! В тебе трибуна чтили.
Так пусть от древа Вольности листы
Не увядают на твоей могиле!
С тобой народ связал свои мечты.
О рыцарь Форума, как мало правил ты!

115

Энергия! Творенье ли того,
Кто, для души прибежища не зная,
Ей, как подругу, создал божество?
Сама Аврора, нимфа ль ты лесная,
Или была ты женщина земная?
Не все ль равно! Вовек тому венец,
Кем рождена ты в мраморе живая!
Прекрасной мыслью вдохновив резец,
Ей совершенную и форму дал творец.

116

И в элизийских брызгах родника
Цветут и зреют тысячи растений.
Его кристалл не тронули века,
В нем отражен долины этой гений,

Его зеленых, диких обрамлений
Не давит мрамор статуй. Для ключа,
Как в древности, нет никаких стеснений.
Его струя, пузырьась и журча,
Бьет меж цветов и трав, среди гирлянд плюща.

117

Все фантастично! В яхонтах, в алмазах
Вокруг ручья — холмов зеленых ряд,
И ящериц проворных, быстроглазых,
И пестрых птиц причудливый наряд.
Они проходим словно говорят:
Куда спешить? Остайся, путник, с нами,
Не торопись в твой город, в шум и чад!
Манят фиалки синими глазами,
Окрашенными в синь самими небесами.

118

Эгерия! Таков волшебный грот,
Где смертного, богиня, ты встречала,
Где ты ждала, придет иль не придет,
И, звездное раскинув покрывало,
Вас только ночь пурпурная венчала.
Не здесь ли, в этом царстве волшебства,
Впервые в мире дольном прозвучало,
Как первого оракула слова,
Моленье о любви, признание божества.

119

И ты склонялась к смертному на грудь,
В земной восторг пролив восторг небесный,
Чтобы в любовь мгновенную вдохнуть
Бессмертный пламень страсти бестелесной.
Но кто, какую силою чудесной
Не затупит стрелу, отраву смыв —
Пресыщенность и скуку жизни пресной, —
И плевелы, смертельные для нив,
Кто вырвет, луг земной в небесный обратив?

120

Наш юный жар кипит, увы! в пустыне,
Где бури чувства лишь сорняк плодят,
Красивый сверху, горький в сердцевине,
Где вреден трав душистых аромат,

Где из деревьев брызжет трупный яд
И все живое губит зной гнетущий.
Там не воскреснет сердца юный сад,
Сверкающий, ликующий, поющий,
И не созреет плод, достойный райских кущей.

121

Любовь! Не для земли ты рождена,
Но верим мы в земного серафима,
И мучеников веры имена —
Сердец разбитых рать неисчислима.
Ты не была, и ты не будешь зрима,
Но, к опыту скептическому глух,
Какие формы той, кто им любима,
Какую власть, закрыв и взор и слух,
Дает измученный, усталый, скорбный дух!

122

Он собственной отравлен красотой,
Он пленник лжи. В природе нет того,
Что создается творческой мечтой,
Являя всех достоинств торжество.
Но юность вымышляет божество,
И, веруя в эдем недостижимый,
Взыскует зрелость и зовет его,
И гонится за истиною мнимой,
Ни кисти, ни перу — увы! — непостижимой.

123

Любовь — безумье, и она горька.
Но исцеленье горше. Чар не стало,
И, боже! как бесцветна и мелка,
Как далека во всем от идеала
Та, чей портрет нам страсть нарисовала.
Но сеять ветер сердце нас манит
И бурю жнет, как уж не раз бывало,
И наслажденья гибельный магнит
Алхимией любви безумца вновь пьянит.

124

Мы так больны, так тяжело нам дышать,
Мы с юных лет от жажды изнываем.
Уже на сердце — старости печать,
Но призрак, юность обольстивший раем,

Опять манит — мы ищем, мы взываем,
Но поздно — честь иль слава, — что они!
Что власть, любовь, колы счастья мы не знаем!
Как метеор, промчатся ночи, дни,
И смерти черныи дым потушит все огни.

125

Немногим — никому не удастся
В любви свою мечту осуществить.
И если нам удача улыбнется
Или потребность верить и любить
Заставит все принять и все простить,
Конец один: судьба, колдунья злая,
Счастливых дней запутывает нить,
И, демонов из мрака вызывая,
В наш сон вторгается реальность роковая.

126

О наша жизнь! Ты во всемирном хоре
Фальшивый звук. Ты нам из рода в род
Завещанное праотцами горе,
Анчар гигантский, чей отравлен плод.
Земля твой корень, крона — небосвод,
Струящий ливни бед неисчислимыи:
Смерть, голод, рабство, тысячи невзгод,
И зримых слез, и хуже — слез незримых,
Кипящих в глубине сердец неисцелимых.

127

Так будем смело мыслить! Отстоим
Последний форт среди общего паденья.
Пускай хоть ты останешься моим,
Святое право мысли и сужденья,
Ты, божий дар! Хоть с нашего рожденья
Тебя в оковах держат палачи,
Чтоб воспарить не мог из заточенья
Ты к солнцу правды, — но блеснут лучи,
И все поймет слепец, томящийся в ночи.

128

Повсюду арки, арки видит взор,
Ты скажешь: Рим не мог сойти со сцены.
Пока не создал Колизей — собор
Своих триумфов. Яркий свет Селены

На камни льется, на ступени, стены,
И мнится, лишь светильнику богов
Светить пристало на рудник священный,
Питавший столько будущих веков
Сокровищами недр. И синей мглы покров

129

В благоуханье ночи итальянской,
Где запах, звук — все говорит с тобой,
Простерт над этой пустошью гигантской.
То сам Сатурн всесильною рукой
Благословил ее руин покой
И сообщил останкам Рима бранным
Какой-то скорбный и высокий строй,
Столь чуждый нашим зданьям современным.
Иль душу время даст их безразличным стенам?

130

О Время! Исцелитель всех сердец,
Страстей непримиримых примиритель,
Философ меж софистов и мудрец,
Суждений ложных верный исправитель.
Ты украшаешь смертную обитель.
Ты проверяешь Истину, Любовь,
Ты знаешь все! О Время, грозный мститель,
К тебе я руки простираю вновь
И об одном молю, одно мне уготовь:

131

Среди руин, где твой пустынный храм,
Среди богов, вдали мирского шквала,
Средь жертв, где в жертву приношу я сам
Руины жизни — пусть я прожил мало:
Когда хоть раз во мне ты спесь видало,
Отринь меня, мои страданья множь,
Но если в бедах сердце гордым стало,
А был я добр, нося в нем острый нож,
Заставь их каяться за клевету и ложь.

132

Зову тебя, святая Немезида!
О ты, кем взвешен каждый шаг людской,
Кем ни одна не прощена обида,
Ты, вызвавшая фурий, злобный рой,

141

Чтобы Ореста, яростной рукой
Свершившего неслыханное дело,
Погнал к возмездью вопль их, свист и вой,
Восстань, восстань из темного предела,
Восстань и отомсти, как древле мстить умела.

133

Когда б за грех моих отцов иль мой
Меня судьба всезрящая карала,
Когда б ответил оскорбленный мной
Ударом справедливого кинжала!
Но в прах безвинно кровь моя бежала,—
Возьми ее и мщеньем освяти!
Я сам бы мстил, но мщение не пристало
Тому, кто хочет на другом пути...
Нет, нет, молчу, но ты — проснись и отомсти!

134

Не страх, не мука пресекла мой голос!..
Пред кем, когда испытывал я страх?
Кто видел, как душа моя боролась
И судорожно корчилась в тисках?
Но месть моя теперь в моих стихах.
Когда я буду тлеть, еще живые,
Они, звуча пророчески в веках,
Преодолев пространства и стихии,
Падут проклятием на головы людские.

135

Но как проклятье — Небо и Земля! —
Мое прощенье я швырну в лицо им.
Да разве я, пощады не моля,
С моей судьбой не бился смертным боем?
Я клеветы и сплетни стал героем,
Но я простил, хоть очернен, гоним,
Да, я простил, простясь навек с покоем.
Я от безумья спасся тем одним,
Что был вооружен моим презрением к ним.

136

Я все узнал: предательство льстеца,
Вражду с приятною дружеской на лице,
Фигляра смех и козни подлеца,
Невежды свист бессмысленный и дикий,

И все, что Янус изобрел двуликий,
Чтоб видимостью правды ложь облечь,
Немую ложь обученной им клики:
Улыбки, вздохи, пожиманья плеч,
Без слов понятную всеядной сплетне речь.

137

Зато я жил, и жил я не напрасно!
Хоть, может быть, под бурю невзгод,
Борьбою сломлен, рано я угасну,
Но нечто есть во мне, что не умрет,
Чего ни смерть, ни времени полет,
Ни клевета врагов не уничтожит,
Что в эхе многократном оживет
И поздним сожалением, быть может,
Самое бездушие холодное встревожит.

138

Да будет так! Явись же предо мной,
Могучий дух, блуждающий ночами
Средь мертвых стен, объятых тишиной,
Скользкий молча в опустелом храме,
Иль в цирке, под неверными лучами,
Где меж камней, перевитых плющом,
Вдруг целый мир встает перед очами
Так ярко, что в презрении своем
Мы отшумевших бурь дыханье узнаем.

139

Здесь на потеху буйных толп когда-то,
По знаку повелителя царей,
Друг выходил на друга, брат на брата,—
Стяжать венок иль смерть в крови своей,
Затем, что крови жаждал Колизей.
Ужели так? Увы, не все равно ли,
Где стать добычей тленья и червей,
Где гибнуть: в цирке иль на бранном поле,
И там и здесь — театр, где смерть в коронной

роли.

140

Сраженный гладиатор предо мной.
Он оперся на локоть: Мутным оком
Глядит он вдаль, еще борясь с судьбой,
Сжимая меч в бессилии жестоком.

143

Слабея, каплет вязким черным соком,
Подобно первым каплям грозовым,
Из раны кровь. Уж он в краю далеком.
Уж он не раб. В тумане цирк пред ним,
Он слышит, как вопит и рукоплещет Рим,—

141

Не все ль равно! И смерть, и эти крики —
Все так ничтожно. Он в родном краю.
Вот отчий дом в объятых повилики,
Шумит Дунай. Он видит всю семью,
Играющих детей, жену свою.
А он, отец их, пал под свист презренья,
Приконченный в бессмысленном бою!
Уходит кровь, уходят в ночь виденья...
О, скоро ль он придет, ваш, готы, праздник
мщенья!

142

Здесь, где прибой народов бушевал,
Где крови пар носился над толпою,
Где цирк ревел, как в океане шквал,
Рукоплеща минутному герою,
Где жизнь иль смерть хулой иль похвалою
Дарила чернь,— здесь ныне мертвый сон.
Лишь гулко над ареною пустою
Звучит мой голос, эхом отражен,
Да звук шагов моих в руинах будит стон.

143

В руинах — но каких! Из этих глыб
Воздвиглось не одно сооруженье.
Но издали сказать вы не могли б,
Особенно при лунном освещенье,
Где тут прошли Грабеж и Разрушенье.
Лишь днем, вблизи, становится ясней,
Расчистка то была иль расхищенье,
И чем испорчен больше Колизей:
Воздействием веков иль варварством людей.

144

Но в звездный час, когда ложатся тени,
Когда в пространстве темно-голубом
Плывет луна, на древние ступени
Бросая свет сквозь арку иль пролом,

И ветер зыблет медленным крылом
Кудрявый плющ над сумрачной стеною,
Как лавр над лысым Цезаря челом,
Тогда встают мужи передо мною,
Чей гордый прах дерзнул я попирать нятюю.

145

«Покуда Колизей неколебим,
Великий Рим стоит неколебимо,
Но рухни Колизей — и рухнет Рим,
И рухнет мир, когда не станет Рима».
Я повторяю слово пилигрима,
Что древле из Шотландии моей
Пришел сюда. Столетия мчатся мимо,
Но существуют Рим и Колизей
И Мир — притон воров, клоака жизни сей.

146

Храм всех богов — языческий, Христов,
Простой и мудрый, величаво-строгий,
Не раз я видел, как из тьмы веков,
Взыскуя света, ищет мир дороги,
Как все течет: народы, царства, боги.
А он стоит, для веры сохранен,
И дом искусств, и мир в его чертоге,
Не тронутым дыханием времен.
О, гордость зодчества и Рима — Пантеон.

147

Ты памятник искусства лучших дней,
Ограбленный и все же совершенный.
Кто древность любит и пришел за ней,
Того овеет стариной священной
Из каждой ниши. Кто идет, смиренный,
Молиться, для того здесь алтари.
Кто славы чтитель — прошлой, современной,—
Броди хоть от зари и до зари
И на бесчисленные статуи смотри.

148

Но что в темнице кажется бледный свет?
Не разглядеть! И все ж заглянем снова.
Вот видно что-то... Чей-то силуэт...
Что? Призраки? Иль бред ума больного?

145

Нет, ясно вижу старика седого
И юную красавицу... Она,
Как мать, пришла кормить отца родного.
Развились косы, грудь обнажена.
Кровь этой женщины нектаром быть должна.

149

То Юность кормит Старость молоком,
Отцу свой долг природный отдавая.
Он не умрет забытым стариком,
Пока, здоровье в плоть его вливая,
В дочерних жилах кровь течет живая —
Любви, Природы жизнетворный Нил,
Чей ток щедрей, чем та река святая.
Пей, пей, старик! Таких целебных сил
В небесном царствии твой дух бы не вкусил.

150

У сердца и от сердца тот родник,
Где сладость жизни пьет дитя с пеленок.
И кто счастливей матери в тот миг,
Когда сосет и тянет грудь ребенок,
Весь теплый, свежий, пахнувший спросонок,
(Все это не для нас, не для мужчин!)
И вот росток растет, и слаб, и тонок,
А чем он станет — знает бог один.
Ведь что ни говори, но Каин — Евы сын.

151

И меркнет сказка Млечного Пути
Пред этой былью чистой, как светила,
Которых даже в небе не найти.
Природа верх могущества явила
В том, что сама закон свой преступила.
И, в сердце божье влиться вновь спеша,
Кипит струи живительная сила,
И ключ не сякнет, свежестью дыша,—
Так возвращается в надзвездный мир душа.

152

Вот башня Адриана, — обозрим!
Царей гробницы увидав на Ниле,
Он наградил чужим уродством Рим,
Решив себе на будущей могиле

Установить надгробье в том же стиле,
И мастеров пригнал со всех сторон,
Чтоб монумент они соорудили.
О, мудрецы! — и замысел смешон,
И цель была низка, — и все ж колосс рожден.

153

Но вот собор — что чудеса Египта,
Что храм Дианы, — здесь он был бы мал!
Алтарь Христа, под ним святого крипта.
Святылище Эфеса я видал —
Бурьяном зарастающий портал,
Где рыщут вокруг шакалы и гиены.
Софии храм передо мной блистая,
Чаруя всей громадой драгоценной,
Которой завладел Ислама сын надменный.

154

Но где, меж тысяч храмов и церквей,
Тебя достойней божия обитель?
С тех пор как в дикой ярости своей
В святой Сион ворвался осквернитель
И не сразил врага небесный мститель,
Где был еще такой собор? — Нигде!
Недаром так дивится посетитель
И куполу в лазурной высоте,
И этой стройности, величию, красоте.

155

Войдем же внутрь — он здесь не подавляет,
И здесь огромно все, но в этот миг
Твой дух, безмерно ширясь, воспаряет,
Он рубежей бессмертия достиг
И вровень с окружающим велик.
Так он в свой час на божий лик воззрится,
И видевшего святости родник
Не покарает божия десница,
Как не карает тех, кто в этот храм стремится,

156

И ты идешь, и все растет кругом.
Так — что ни шаг, то выше Альп вершины.
В чудовищном изяществе своем
Он высится столикий, но единый,

147

Как все убранство, статуи, картины,
Под грандиозным куполом, чей взлет
Не повторит строитель ни единый,
Затем, что в небесах его оплот,
А зодчеству других земля его дает.

157

Взор не охватит все, но по частям
Он целое охватывает вскоре.
Так тысячами бухт своим гостям
Себя сначала раскрывает море.
От части к части шел ты и в соборе,
И вдруг — о, чудо! — сердцем ты постиг
Язык пропорций в их согласном хоре —
Магической огромности язык,
В котором лишь сумбур ты видел в первый миг.

158

Вина твоя! Но смысл великих дел
Мы только шаг за шагом постигаем,
Кто словом слабым выразить умел
То сильное, чем дух обуреваем?
И, жалкие, бессильно мы взираем
На эту мощь взметенных к небу масс,
Покуда вширь и ввысь не простираем
И мысль и чувство, дремлющие в нас,—
И лишь тогда весь храм охватывает глаз.

159

Так не спеши — да приобщишься к свету!
Сей храм, он мысли может больше дать,
Чем сто чудес пресыщенному свету,
Чем верующим — веры благодать,
Чем все, что в прошлом гений мог создать.
И то познаешь, то поймешь впервые,
Что ни придумать, ни предугадать,
То россыпи увидишь золотые,
Всего высокого источники святые.

160

И дальше — в Ватикан! Перед тобой
Лаокоон — вершина вдохновенья.
Неколебимость бога пред судьбой,
Любовь отца и смертного мученья —

148

Все здесь! А змеи — как стальные звенья
Тройной цепи, — не вырвется старик,
Хоть каждый мускул полон напряженья,
Дракон обвил, зажал его, приник,
И все страшнее боль, и все слабее крик.

161

Но вот он сам, поэтов покровитель,
Бог солнца, стреловержец Аполлон.
Он смотрит, лучезарный победитель,
Как издыхает раненый дракон.
Прекрасный лик победой озарен,
Откинут стан стремительным движеньем.
Бессмертный, принял смертный облик он,
Трепещут ноздри гневом и презреньем, —
Так смотрит только бог, когда пылает мщеньем.

162

О, совершенство форм! — То нимфы сон,
Любовный сон, — любовь такими снами
В безумие ввергает дев и жен.
Но в этих формах явлен небесами
Весь идеал прекрасного пред нами,
Сияющий нам только в редкий час,
Когда витает дух в надмирном храме,
И мыслей вихрь — как сонмы звезд вокруг нас,
И бога видим мы, и слышим божий глас.

163

И если впрямь похитил Прометей
Небесный пламень — в этом изваянье
Богам оплачен долг за всех людей.
Но в мраморе — не смертного дыханье,
Хоть этот мрамор — смертных рук созданье —
Поэзией сведен с Олимпа к нам,
Он целым, в первозданном обаянье,
Дошел до нас наперекор векам
И греет нас огнем, которым создан сам.

164

Но где мой путешественник? Где тот,
По чьим дорогам песнь моя блуждала?
Он что-то запропал и не идет.
Иль сгинул он и стих мой ждет финала?

Путь завершен, и путника не стало,
И дум его, а если все ж он был,
И это сердце билось и страдало,—
Так пусть исчезнет, будто и не жил,
Пускай уйдет в ничто, в забвенье, в мрак

МОГИЛ,

165

Где жизнь и плоть — все переходит в тени,
Все, что природа смертному дала,
Где нет ни чувств, ни мыслей, ни стремлений,
Где призрачны становятся тела,
На всем непроницаемая мгла,
И даже слава меркнет, отступая
Над краем тьмы, где тайна залегла,
Где луч ее темней, чем ночь иная,
И все же нас влечет, желанье пробуждая

166

Проникнуть в бездну, чтоб узнать, каким
Ты будешь среди тлена гробового,
Ничтожней став, чем был когда живым.
Мечтай о славе, для пустого слова
Сдувай пылинки с имени пустого,—
Авось в гробу ты сможешь им блеснуть.
И радуйся, что не придется снова
Пройти тяжелый этот, страшный путь,—
Что сам господь тебе не в силах жизнь вернуть.

167

Но чу! Из бездны точно гул идет,
Глухой и низкий, непостижно странный,
Как будто плачет гибнущий народ
От тягостной, неисцелимой раны,
Иль стонет в бездне духов рой туманный.
А мать-принцесса мертвенно-бледна.
В ее руках младенец бездыханный,
И, горя материнского полна,
Грудь к его губам не поднесет она.

168

Дочь королей, куда же ты спешила?
Надежда наций, что же ты ушла?
Иль не могла другую взять могилу,
Иль менее любимой не нашла?

150

Лишь два часа ты матерью была,
Сама над мертвым сыном неживая.
И смерть твое страданье пресекла,
С тобой надежду, счастье убивая —
Все, чем империя гордилась островная.

169

Зачем крестьянок роды так легки,
А ты, кого миллионы обожали,
Кого любых властителей враги,
Не пряча слез, к могиле провожали,
Ты, утешенье Вольности в печали,
Едва надев из радуги венец,
Ты умерла. И плачет в тронном зале
Супруг твой, сына мертвого отец.
Какой печальный брак! Год счастья — и конец!

170

И стал наряд венчальный власницей.
И пеплом — брачный плод. Она ушла.
Почти боготворимая столицей,
Та, кто стране наследника дала,
И нас укроет гробовая мгла,
Но верилось, что выйдет он на форум
Пред нашими детьми и, чуждый зла;
Укажет путь их благодарным взорам,
Как пастухам — звезда. Но был он метеором.

171

И горе нам, не ей! Ей сладок сон,—
Изменчивость толпы, ее влеченья,
Придворной лестии похоронный звон,
Звучащий над монархами с рожденья
До той поры, пока в восторге мщенья
Не кинется к оружию народ,
Пока не взвесит рок его мученья
И, тяжесть их признав, не возведет
Позорящих свой трон владык на эшафот.

172

Грозило ль это ей? О, никогда!
Сама вражда пред нею отступила.
Была добра, прекрасна, молода,
Супруга, мать — и все взяла могила!

Как много уз в тот день судьба разбила
От трона и до нищенских лачуг!
Как будто здесь землетрясенье было,
И цепью электрическою вдруг
Отчаянье и скорбь связали все вокруг.

173

Но вот и Неми! Меж цветов и трав
Покоится овал его блестящий,
И ураган, дубы переломав,
Подняв валы в пучине моря спящей,
Ослабевае здесь, в холмистой чаше,
И даже рябь воды не замутит,
Как ненависть созревшая, хранящей
Спокойствие, бесчувственной на вид,—
Так кобра — вся в себе,— свернувшись в кольца,
спит.

174

Вон там, в долине, плещется Альбано,
Там Тибр блестит, как желтый самоцвет,
Вон Лациум близ моря-океана,
Где «Меч и муж» Вергилием воспет,
Чтоб славил Рим звезду тех грозных лет.
Там, справа, Туллий отдыхал от Рима,
А там, где горный высится хребет,
Та мыза, что Горацием любима,
Где бард растил цветы, а время мчалось мимо.

175

Но к цели мой подходит пилигрим,
И время кончить строфы путевые.
Простимся же с приятелем моим!
Последний взгляд возлюбленной стихии,
На чьи валы туманно-голубые
Мы в этот час глядим с Альбанских гор.
О море Средиземное! Впервые
В проливе Кальп ты наш пленило взор,
И на Эвксинский Понт нас вывел твой простор

176

У синих Симплегад. Прошло немного,
Зато каких тяжелых, долгих лет!
Какая нами пройдена дорога,

И скольких слез храним мы горький след!
Но без добра недаром худа нет.
Мы также не остались без награды:
По-прежнему мы любим солнца свет,
Лес, море, небо, горы, водопады,
Как будто нет людей, что все испортить рады,

177

О, если б кончить в пúстыни свой путь
С одной — прекрасной сердцем и любимой, —
Замкнув навек от ненависти грудь,
Живя одной любовью неделимой.
О море, мой союзник нелюдимый,
Ужели это праздная мечта?
И нет подруги для души гонимой?
Нет, есть! И есть заветные места!
Но их найти — увы — задача не проста.

178

Есть наслажденье в бездорожных чашах,
Отрада есть на горной крутизне,
Мелодия в прибое волн кипящих
И голоса в пустынной тишине.
Людей люблю, природа ближе мне.
И то, чем был, и то, к чему иду я,
Я забываю с ней наедине.
В себе одном весь мир огромный чуя,
Ни выразить, ни скрыть то чувство не могу я.

179

Стремите, волны, свой могучий бег!
В простор лазурный тщетно шлет армады
Земли опустошитель, человек.
На суше он не ведает преграды,
Но встанут ваши темные громады,
И там, в пустыне, след его живой
Исчезнет с ним, когда, моля пощады,
Ко дну пойдет он каплей дождевой
Без слов напутственных, без урны гробовой.

180

Нет, не ему поработить, о море,
Простор твоих бушующих валов!
Твое презренье тот узнает вскоре,

Кто землю в цепи заковать готов.
Сорвав с груди, ты выше облаков
Швырнешь его, дрожащего от страха,
Молящего о пристани богов,
И, точно камень, пущенный с размаха,
О скалы раздробишь и кинешь горстью праха.

181

Чудовища, что крепости громят,
Ниспровергают стены вековые —
Левиафаны боевых армад,
Которыми хотят цари земные
Свой навязать закон твоей стихии,—
Что все они! Лишь буря заревет,
Растаяв, точно хлопья снеговые,
Они бесследно гибнут в бездне вод,
Как мощь Испании, как трафальгарский флот.

182

Ты Карфаген, Афины, Рим видало,
Цветущие свободой города.
Мир изменился — ты другим не стало.
Тиран поработил их, шли года,
Грозой промчалась варваров орда,
И сделались пустынями державы.
Твоя ж лазурь прозрачна, как всегда,
Лишь диких волн меняются забавы,
Но, точно в первый день, царишь ты в блеске
славы.

183

Без меры, без начала, без конца,
Великолепно в гневе и в покое,
Ты в урагане — зеркало Творца,
В полярных льдах и в синем южном зное
Всегда неповторимое, живое,
Твоим созданьям имя — легион,
С тобой возникло бытие земное.
Лик Вечности, Невидимого трон,
Над всем ты царствуешь, само себе закон.

184

Тебя любил я, море! В час покоя
Уплыть в простор, где дышит грудь вольней,
Рассечь руками шумный вал прибора —

Моей отрадой было с юных дней.
И страх веселый пел в душе моей,
Когда гроза внезапно налетала,
Твое дитя, я радовался ей,
И, как теперь, в дыханье буйном шквала
По гриве пенистой рука тебя трепала.

185

Мой кончен труд, дописан мой рассказ,
И гаснет, как звезда перед зарею,
Тот факел, о который я не раз
Лампаду поздней зажигал порою.
Что написал, то написал,— не скрою,
Хотел бы лучше, но уж я не тот,
Уж, верно, старость кружит надо мною,
Скудеет чувств и образов полет,
И скоро холодом зима мне в грудь дохнет.

186

Прости! Подходит срок неумолимо.
И здесь должны расстаться мы с тобой.
Прости, читатель, спутник пилигрима!
Когда его признаний смутный рой
В тебе хоть отзвук находил порой,
Когда хоть раз им чувства отвечали,
Я рад, что посох взял избранник мой.
Итак, прощай! Отдав ему печали,—
Их, может быть, и нет,— ищи зерно морали.

1809—1818

КОРСАР

ПОВЕСТЬ

I suoi pensieri in lui dormir non ponno,
*Tasso, Gerusalemme Liberata, canto X*¹.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

...nessun maggior dolore,
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria... *Dante*².

1

«Над бурной далью темно-синих вод
Царит наш вольный, беспокойный род;
Везде, где ветер, где волна кругом,—
Держава наша, наш свободный дом!
Владеньям нашим нет нигде границ,
Пред нашим флагом все склонились ниц.
Вся наша жизнь — кипение борьбы
И радость переменчивой судьбы.
Кто знает?.. нет, не похотливый раб,
Изнежен роскошью и духом слаб,
Не честолюбец, жаждущий утех,
Чей сон не крепок, чей не весел смех.
Кто знает, как не тот, кто ликовал,

¹ Его тревоги в нем уснуть не могут. *Тассо, Освобожденный Иерусалим, песнь X (итал.)*.

² ...тот страдает высшей мукой, // Кто радостные помнит времена в несчастьи. *Данте (итал.)*.

Встречая грудью разъяренный вал,
Волненье чувств, горячей крови ток,
Знакомый всем скитальцам без дорог?
То чувство делает прекрасным бой,
Опасность — упоительной игрой.
Где трусу — страх, ему — высокий взлет,
Где слабый гибнет, там оно живет,
Живет, в груди взволнованной родив
Надежд и вдохновения прилив.
Коль недруг гибнет — гибель не страшна,
Хоть и скучнее отдыха она.
Мы взяли жизнь — иди же, смерть, сюда!
Что кончится — болезнь или вражда?
Пусть тот, кто, немощью пленен, живет,
Лелея хворь свою из года в год,
Трясаясь в жару, считая каждый вздох.
Ему — постель, а нам — зеленый мох.
Он выпускает дух за часом час,
Наш дух мгновенно покидает нас.
Пусть ждет его богатый саркофаг
И льстит его костям исконный враг.
У нас скупые слезы — не обман,
Когда хоронит наших океан.
На пиршествах о нас идет рассказ,
И красный кубок ходит в память нас.
Герои над добычей в час побед
Припомнят тех, кого уж больше нет,
Сказав — и омрачится блеск их глаз:
«Как тот, кто пал, смеялся бы сейчас!»

2

Такая речь звучала до утра
На острове Пиратов вокруг костра.
От слов таких шел трепет между скал,
Их звук, как песня, для бойцов звучал!
На золотом песке они сидят,
Кинжалы точат, мечут банк, едят
И смотрят, взяв оружие свое,
На тусклое от крови лезвие.
Кто чинит лодку — руль или весло,
Кто бродит в думах, опустив чело;
Кто поусердней, ловит птиц в силки
Иль сушит сеть и правит поплавки;
Впиваясь взором в сумрак голубой,

Ждут дальних парусов, несущих бой;
Ведут делам давно минувшим счет,
Гадают, где-то их удача ждет.
У них есть вождь. Добычу делит он,
Никто из них не будет обделен.
Но кто же этот вождь? Известно им,
Что он прославлен и неустрашим.
Повелевает он, и сух приказ,
Но безошибочны рука и глаз.
Не делит с ними он веселый смех —
Ему прощают мрачность за успех.
Его не радует стаканов звон,
Ни разу кубка не пригубил он,
Но и простой воды его зато
Не захотел отведать бы никто.
Коренья, черный хлеб, глоток воды,
А летом овощи или плоды.
Такой неслыханно суровый стол
Отшельнику скорей бы подошел.
Так он лишает плоть свою забот,
Но в воздержанье дух его растет.
«Держи на берег!» Держат. «Стой!» Стоят.
«Теперь за мной!» За ним тотчас спешат.
Он их ведет, спокойный средь побед,
И все послушны, и отказа нет,
А тем, что, сомневаясь, возразят,
Ответ — два слова и надменный взгляд.

3

«Вон — парус! парус! Наконец борьба!
Что говорит подозрная труба?»
Знакомый парус, хоть, увы! не враг,
Высоко вьется ярко-красный флаг.
Да, это наш домой спешащий бриг.
Сильней дуй, ветер! Пусть домчится вмиг!
Он огибает мыс, в родной залив
Влетает, брызгами себя покрыв,
Стремительный и легкий, как стрела!
Широко вскинув белые крыла,
Он по воде несется, как живой,
Готовый к бою с небом и водой.
Кто не поспорит с бурей и огнем,
Чтоб первым стать на корабле своем!

Со скрипом якорный ползет канат,
 И спущенные паруса лежат,
 И видно с берега стоящим там,
 Как шлюпки замелькали по волнам.
 Взмах весел быстр, размерен и широк,
 И вот уж киль царапает песок.
 О, крик привета! И слова — рекой,
 Когда рука встречается с рукой,
 Вопрос, стремительный ответ и смех,
 И праздник, ожидающий их всех!

Толпа растет, и новости текут,
 Гул разговоров, хохот там и тут.
 И женщин речь тревогою полна,
 Звучат мужей и братьев имена.
 «О, живы ль наши? с кликами побед
 Вернутся ль снова? иль уж многих нет?
 Где бой грохочет, где бушует вал,
 Как львы, дрались они,— скажи, кто пал?
 Пусть поскорей обрадуют нас, пусть
 Лобзанием рассеют нашу грусть!»

«Где вождь? Есть новости издалека.
 Свиданья радость будет коротка:
 Чудесный миг уж скоро позади.
 Скорей, Хуан, к вождю нас проводи!
 Устроим пир, когда назад придем,
 И все тогда узнают обо всем».
 К высокой башне сумрачной во мгле,
 Тропинкой, высеченною в скале,
 Где вьется плющ, где дикие цветы
 И где ключи, спадая с высоты,
 Текут и плещут, как потоки слез,
 И пить зовут, с утеса на утес
 Они взбираются. Кто, одинок,
 Стоит меж скал и смотрит на восток,
 На меч опершись сильною рукой,
 Отринувшей утечи и покой?
 «То он, Конрад, задумчив, как всегда.
 Хуан, скажи, что мы пришли сюда!
 Он видит бриг,— дай знать ему тотчас.

Что спешные известия у нас!
Как быть? Ты знаешь сам, что ждет того,
Кто оборвет задумчивость его».

7

Хуан пошел, и ждут они вдали.
Вождь молча сделал знак, чтоб подошли.
Хуан зовет, — идут; на их поклон
Кивнул, но слова не промолвил он.
«Вот письма, вождь, от грека-старика:
Опасность, кажется ему, близка,
И новости, что он собрал вокруг,
Мы все...» — «Довольно!» — загремело вдруг.
Они в смущенье отошли гурьбой
И тихо шепчутся между собой,
Украдкой взирая на чтеца,
Чтоб уловить игру его лица.
Но он в волненье, словно им назло,
Гордыни полный, отвернул чело.
Читал письмо. «Таблички мне, Хуан!
Гонзальво где?» —

«На бригае, капитан!» —

«Так, хорошо, снеси приказ ему.
В походе сам участие я приму,
Готовы ж будьте к делу моему!» —
«Сегодня в ночь?» —

«Да, ночь мы подождем!

Свежее ветер вечером, чем днем.
Мой плащ и латы! Через час уйдем!
Возьми свой рог, а также посмотри,
Не заржавел ли карабин внутри,
И надо меч мой наточить опять,
Да пусть исправит мастер рукоять.
Последний раз, когда был бой суров,
Меч утомлял меня, а не врагов,
И помни, чтоб с закатом прозвучал
К отплытью в море пушечный сигнал».

8

Они спешат послушно — снова в путь,
Хотя и не успели отдохнуть.
И все ж они не ропщут, а молчат.
Кто будет спорить, раз сказал Конрад?
Таинственный и мрачный человек,

Не улыбнется, не вздохнет вовек.
При имени его любой храбрец
Бледнеет под загаром, как мертвец.
Он правит, изумляя без конца,
И властным словом леденит сердца.
Но что за власть, чей незаконный ход
Понятен всем, так всех к себе влечет?
Что отдает их воле одного?
Власть Разума и Мысли торжество!
Удачи блеск, умение в борьбе
Чужую слабость подчинить себе.
Он их руками правит; одному
Их подвиги присвоены ему.
Так было, будет впредь: как крот слепа,
На одного работает толпа.
Но пусть не судит тот, чья доля — труд,
Того, к кому добычи все текут:
Когда б он знал, как этот крест тяжел,
Он горести свои бы предпочел.

9

Поступками на демона похож,
Герой преданий был лицом хорош;
Мы красоты в Конраде не найдем —
Лишь темный взор его горит огнем.
Он крепок, хоть не Геркулес, и стан
Его высок, хоть он не великан,
Но посмотревший на него смущен
Сознанием, что от всех отличен он.
И видят все они, что это так,
Но отчего — им не понять никак.
Лицо обветрено, на белый лоб
Густых кудрей спадает черный сноп,
Надменные мечтанья гордый рот,
Обуздывая, все же выдает.
Хоть ровен голос и спокоен вид,
Но что-то есть, что он в себе таит;
Изменчивость подвижного лица
Порой влечет, смущает без конца,
И кажется, что прячется под ней
Игра глухих, но яростных страстей.
Кто может знать?.. А кто спросить готов?
Угрюмый взгляд не допускает слов.
Не многие способны смельчаки

Открыто посмотреть ему в зрачки.
Когда ему в упор встречать пришлось
Взгляд острый и пронзающий насквозь,
Противника игру он понял вмиг
И взором в душу сам ему проник;
Тот скрытых мыслей утаить не смог,
Но тайны у Конрада не извлек.
Усмешка дьявольская на устах
Внушает бешенство и тайный страх,
А если гневно изогнется бровь,
Беги, надежда, и прости, любви!

10

Нет на челе преступных дум следов,—
В груди ж его мятежный дух суров.
Любовь ярка, но гордость, гнев, обман
Улыбки горькой заволок туман.
Лишь складка губ иль бледность щек и лба
Покажут вдруг, что в нем идет борьба
Глубоких чувств; увидит больше тот,
Кто невидимкой тайно подойдет.
Тогда, сжав руки и подняв глаза,
Он слушает, как в нем растет гроза,
И вздрагивает, если близкий шаг
Непрошенный крадется, словно враг;
Тогда нет маски на лице его,
И чувств свободных крепнет торжество,
Они растут, и жгут, и леденят,
Румянят щеки, зажигают взгляд.
Тогда, прохожий, если сможешь ты
Глядеть, не вздрогнув,— вот его мечты! —
Смотри,— на грудь его, как глыбы льда,
Язвящей памятью легли года!
Смотри,— но нет на свете мудреца,
Что тайну душ постиг бы до конца.

11

И все ж его природа не звала
Вести преступных, быть орудьем зла.
Он был совсем другим, пока на бой
Людей и небо не позвал с собой.
Разочарован в жизни без конца,
С большим умом, с поступками глупца,
И слишком стоек и самолюбив,

Обману обречен и несчастлив,
Он добродетель счел виной всему —
Не тех, кто изменял и лгал ему;
Когда б на лучших расточал дары,
Ту радость знал бы и до той поры;
Обманут, избегаем все сильнее,
Он с юных лет уж презирал людей
И, гнев избрав венцом своих утех,
Зло нескольких стал вымещать на всех.
Сам зная о себе, что он злодей,
Других считал преступнее и злей.
Про честного он думал: лицемер!
И ставил дерзкого ему в пример.
Он знал, что ненавидим, нелюбим,
Но знал, что враг трепещет перед ним.
Он непонятен был, и дик, и нем,
Не связан чувством никогда ни с кем.
Он удивлял, он был в поступках смел,
Но презирать его никто не смел.
Ты червяка раздавишь, но с тоской
Помедлишь над уснувшею змеей.
Червь погибает, смерть не отомстив,
Змея умрет, но враг не будет жив:
Его петлей опутает она,
Раздавлена, но не побеждена.

12

Но возле сердца, смутно и темно,
Ютилось чувство нежное одно:
Казалась страсть ему в других жалка —
Игра ребенка или чудака,
И все же страсть его мучила кровь,
И даже в нем она звалась — любовью!
Непобедимый, неизменный зной,
Пылающий для женщины одной.
Он часто видел пленниц молодых,
Их не искал и не бежал от них.
Томились многие в тюрьме его
И не дождались взгляда одного.
Любовь — глубокой нежности полна,
В соблазнах, в горестях закалена,
Крепка в разлуке, вдалеке горда,
Все та же — чудо! — долгие года!
Разбитые надежды, злые сны

Ее улыбкою отражены.
Болезнь, тоску иль ярости прилив
Он перед ней скрывает, терпелив,
Спокойно перенести готовый все,
Лишь только бы не огорчить ее;
Бежать не мысля, к бегству не вольна,
Коль есть любовь на свете — вот она!
Он был злодей, — и горестный поток
Упреков мрачных заслужить он мог,
Но добродетель в нем была одна
Сильней злодейства — вечна и нежна.

13

Остановился он, пока отряд
Тропинкою на берег шел назад.
«Как странно! Я не раз бывал в огне,
Но этот бой последним мнится мне,
Так чует сердце! Все ж в нем страха нет,
И в битву я пойду, как для побед.
Навстречу смерти незачем бежать,
Но здесь остаться — значит смерти ждать;
Коль замысел хорош — удача в нем,
И плачущих для тризны мы найдем.
Пусть спят они, и сон их будет тих,
В таких лучах не грело солнце их,
Как эта ночь (но, ветер, дуй сильнее!)
Согреет сонных мстителей морей.
Теперь к Медоре! Сердце сжалось... пусть
Ей будет незаметна эта грусть.
Я смелым был, но и толпа смела!
Ведь, защищаясь, жалит и пчела.
Простая храбрость с зверем нас роднит,
Ее усилия страх десятирит —
Цена ей грош: других я ждал утех,
Уча моих сражаться против всех.
Лить кровь напрасно не давал я им,
Теперь же мы умрем иль победим!
Да будет так — и пусть угаснет свет.
Но я веду и знаю — бегства нет!
Себя я проклинаяю и виню,
Что в эту я попался западню.
Поставить все на карту? в страшный час
И власть и жизнь — все потерять за раз?
О рок!.. Вини безумье, а не рок...
Но подождем — еще не вышел срок».

Так говорил с собой он; в этот миг
 Своей высокой башни он достиг
 И замер на пороге — из окна
 Струилась песня, бурна и нежна.
 Любимый голос сладостно звенел,
 И вот слова, что этот голос пел:

«На сердце тайна у меня живет,
 Ее я не открою никому.
 Когда мы вместе, то она цветет
 И снова молча падает во тьму.

Ночной лампы золотая нить,—
 Горит в душе моей незримый свет,
 И черный мрак не в силах погасить
 Его лучей, хоть их почти что нет.

О, не забудь меня! Скажи «прости»,
 Но на могиле вспомни иногда.
 Лишь одного нет сил произнести —
 Тобою быть забытой навсегда.

Пролей, прошу тебя в предсмертный час —
 И просьб моих уж не услышишь вновь,—
 Единственный, последний, первый раз
 Одну слезу за всю мою любовь».

Он преступил порог, прошел портал,
 С последним звуком он вошел к ней в зал:
 «Моя Медора! Песнь твоя грустна!»
 «Конрада нет — невесела она!
 Хоть ты не слышишь эту песнь мою,
 Все ж душу в ней свою передаю,
 Все ж мысль моя в ней царствует, чиста.
 Немолчно сердце, хоть молчат уста.
 Как часто ночью сны, как злой дурман,
 Вдруг окрыляют ветер в ураган,
 И легкий бриз, надувший парус твой,
 Мне мнится настигающей грозой.
 Напев могильный слышит в нем мой страх
 Тебе, погибшему в седых волнах;
 И я бегу, чтоб посмотреть маяк —
 Не погасил ли свет коварный враг.

И долго блещут звезды с высоты,
И будет утро — но далеко ты!
О, как мне сердце ветер леденил,
Как день для мокрых глаз вставал немил!
Все снова я искала вдаль
Твой парус, посланный моей тоске.
И наконец — был зноим день томим —
Вдруг парус, но он скоро стал незрим,
Потом другой — и этот был твоим!
Пройдут ли эти дни? Когда-нибудь
Захочешь ли, Конрад, ты отдохнуть?
Ты так богат, и множество домов
Прекраснейших нам предлагают кров.
Ты знаешь, я страшусь не за себя,
Но я дрожу, когда здесь нет тебя,
За эту жизнь, что так мне дорога,
Но от любви бежит на зов врага;
И это сердце, нежное ко мне,
Проводит жизнь и в брани и в огне».

«Да, сердцем изменился я, пойми,
Как червь раздавленный — я мстил, как змий.
Вся радость на земле — в твоих устах
Да слабый луч прощенья в небесах,
Но злоба, что клянешь ты, не тая,
Есть то же чувство, что любовь моя.
Они так связаны, что если я
Мир люблю, то разлюблю тебя.
Но нет, не бойся! Прошлые года —
Залог любви безмерной навсегда.
Но... пусть слеза не смочит милых глаз,—
Мы расстаемся снова и... сейчас!»
«Ах, сердце чуяло... уедешь ты...
Так вечно тают сладкие мечты.
Сейчас? возможно ль? — в этот самый миг?
Но в бухту только что вошел твой бриг;
Другой в отсутствии, а экипаж
Уверен, что ему ты отдых дашь.
Друг! шутишь ты иль хочешь уж сейчас
Разлуки дальней подготовить час?
Ты забавляешься моей тоской,
Но шутики слышать не хочу такой!
Молчи, Конрад! Пойдем со мной! Нас ждут
За трапезой покойный ряд минут.

Тебе готовить яства — легкий труд!
Плоды тебе собирая для стола
И не умея выбрать, я брала
Прекраснейший; я долго вдоль гряды
Искала самой ледяной воды.
О, как шербет сегодня сладок твой,
Как он сверкает в вазе снеговой!
Вино тебе не навевает снов:
К нему, как мусульманин, ты суров.
Я не браню тебя, нет! я хвалю
Прекрасную воздержанность твою.
Уж стол накрыт, и лампа зажжена
Серебряная; ночь нам не страшна.
Я девушек своих здесь соберу,
И мы затеем песни иль игру.
Моя гитара сладкие мечты
Тебе навеет, или хочешь ты,
Чтоб повесть Ариосто я прочла,
Как брошена Олимпия была?
И знай, ты был бы хуже во сто раз,
Чем тот злодей, когда б ушел сейчас.
Тот вождь... Но, помнишь, улыбнулся ты,
Когда, увидев с этой высоты
Скал Ариадны дальние черты,
Сказала я шутя, хоть жег мне грудь
Страх, что случится так когда-нибудь:
«И от меня навек уйдет Конрад!»
И вот он обманул... придя назад».

«Назад — назад, всегда назад к тебе,
Пока он жив, пока не пал в борьбе,
Вернется он — теперь же близок час,
Разлука птицей настигает нас.
Не спрашивай: зачем? куда идти?
Ведь все равно нас оборвет «прости».
Будь время, все б тебе открыл я сам...
Не бойся: этот враг не страшен нам,
Здесь оставляю крепкий гарнизон,
Готов к защите и к осаде он;
Я уезжаю, но не будь скучна:
Средь жен и дев ты будешь не одна.
Когда ж мы снова встретимся, мой друг,
Спокойствие украсит наш досуг.

Но слышу рог! Играй, Хуан, играй!
Дай поцелуй! Еще! еще! Прощай!»

Она вскочила, бросилась к нему,
И сердцем погрузился он во тьму,
Не смея прочитать в ее глазах
Тоску, не растворенную в слезах.
Волос упавших светлая волна
Была прелестной дикости полна.
Едва дышала грудь, где он один
Навек всех чувств был полный господин.
Чу! гулкий выстрел возвестил закат!
И проклял солнце в этот миг Конрад.
Он прижимал к себе — опять, опять —
Ту, что его пыталась удержать.
На ложе снес ее, свою любовь,
Взглянул, как будто не увидит вновь.
Здесь было все, что в жизни он нашел.
Поцеловал, шагнул — как? он ушел?

15

«Ушел? — Не в первый раз уж этот крик
Ей в сердце одинокое проник. —
Ведь он был здесь тому назад лишь миг —
И вдруг...» Она рванулась на порог,
И хлынул слез отверзшийся поток,
Они ей чужды, тяжело их снести,
И все же губ не разомкнет «прости!»
Ведь в этом слове — хоть мы верим, ждем,
Надеемся — отчаяние в нем.
На строгий мрамор бледного чела
Печаль неизгладимая легла.
А взгляд больших влюбленных синих глаз
Застыл недвижно и почти угас.
Вдруг этот взгляд на милого упал.
Как оживился он, как заблестал,
Хоть мрак ресниц, пушистый и густой,
Еще был влажен горькою росой!
«Ушел!» — и руку поднесла к глазам,
И медленно воздела к небесам,
Потом взглянула: океан бурлил,
Был поднят парус. Ей не стало сил!
Пошла от двери, словно с похорон.
«Покинута... И это явь, не сон!»

С утеса на утес спешит Конрад,
Он головы не повернет назад.
Он содрогнется, если поворот
Откроет то, что так его влечет:
Пустынный замок там, над крутизной,
Что видит с моря он, спеша домой;
Ее, звезду печали, чьи лучи
Его находят в море и в ночи.
Не должен думать он, что здесь любим,—
Хоть здесь покой, но гибель вместе с ним.
Но раз помедлил, он желанья полн
Отдать все воле случая и волн;
Нет, он разлуку с болью перенес,
Но вождь не знает власти женских слез.
Он видит бриг, он слышит ветра шум,
С усилием отрывается от дум
И снова поспешает дальше; вдруг
Его ушей достиг неясный звук
Тревоги шумной делового дня:
Сигналы, крики, всплески, суетня;
На мачту лезет юнга, якорь стал,
Уж паруса надул попутный шквал,
И с берега приветствуют платки
Всех тех, что скоро будут далеки.
Он видит: алый вымпел вознесен,
И мягкости своей дивится он.
Огонь — в глазах, в груди — безумный зной,
Теперь он тверд и стал самим собой.
Он мчится, он летит — и вскоре бег
Его приводит на песчаный брег.
Он бег сдержал не с тем, чтобы вздохнуть,
Наполнив океанским ветром грудь,
Но чтобы шаг размерен стал опять,
Чтоб пред людьми бегущим не предстать.
Конрад знал тайну, как владеть толпой,
Под маскою скрывая облик свой.
Его сухой, высокомерный вид
Внушает уваженье и страшит,
Спокойна поступь и надменен взор —
В них вежливый, но ледяной отпор:
Все к послушанью призывает в нем...
Но он привлечь умеет и добром.
Тому, с кем ласков он, а не суров,

Его слова ценнее всех даров,
И, кажется, из глубины идет
Приветливый и низкий голос тот.
Но ласковым бывает редко он —
Поработать и властвовать рожден,
Считать привыкший в людях с юных дней
Повиновение всего ценней.

17

Охрана здесь на берегу ждала.
Стоял Хуан. «Ну, каковы дела?» —
«На бриге все, и шлюпка у камней
Ждет только вас!..» —
«Мой меч и плащ! скорей!»
Уж к поясу пристегнут крепко меч,
И темный плащ спадает с ловких плеч.
«Позвать мне Педро!» Вот он. И Конрад
Его приветствует, как друг и брат:
«Таблички ты прочтешь! Они важны,
В них указанья ценные даны.
Удвоишь стражу и отдашь приказ
Ансельмо, как вернется он, тотчас.
Пройдут три дня, и полдень золотой
Возврат наш озарит!.. Друг, мир с тобой!»
Пирату верному он руку жмет,
Надменный, как всегда, садится в бот,
И весла, погружаясь в глубину,
Свеченьем ярким бороздят волну.
Вот и корабль, на палубе — Конрад;
Свисток свистит: все к парусам спешат.
Как точно слушается бриг руля!
Команду ободряет вождь, хваля.
К Гонзальво взоры обращает он.
Но вдруг он вздрогнул: чем он омрачен?
Высокий замок перед ним возник,
И вновь он пережил разлуки миг.
Медора! смотрит ли на бриг она?
Любовью к ней его душа полна.
Но до восхода слишком много дел —
Он, стиснув зубы, больше не глядел.
В каюте, сев с Гонзальво у стола,
Он обсуждает с ним свои дела
И развивает план свой, горделив,
При свете лампы карту разложив;

До поздней ночи разговор течет,
И времени они забыли счет.
Меж тем попутный ветер свеж и прям;
Как сокол, бриг несется по волнам,
Минует острова, ему пора
Скорее в порт — задолго до утра.
Но вот увидели в ночной тиши
Средь бухты множество галер паши.
Считают их и видят, что заснул
Беспечный мусульманский караул.
Бриг незамеченный их миновал
И лег в засаду меж высоких скал.
Его скрывал гранитный черный мыс,
Чей странный выступ над водой навис.
Конрад призвал команду: не от сна,
Всегда готова к подвигам она,—
И был, над плещущей волной царя,
Спокоен он, о крови говоря.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

...conoscete i dubiosi desiri? *Dante*¹.

1

Залив Корони от галер пестрит,
Из окон города свет ламп разлит.
Затеял нынче пир паша Сеид,
Тем пиром торжествуя наперед,
Как он пиратов пленных приведет;
А в этом поклялся Аллахом он;
Фирману верный, был он принужден
Стянуть сюда весь флот могучий свой;
Матросы бродят шумною толпой
И спорят о призах один с другим,
Забыв, что враг еще недостижим.
Сомнений нет, что солнечный восход
Пиратов побежденными найдет.
Пока же часовые могут спать,

¹ ...Тайный зов страстей? *Данте (итал.)*.

Когда хотят, и в грезах убивать.
А у кого велик избыток сил,
На греках тот свой изливает пыл.
К лицу герою с чалмоносным лбом
Кичиться храбростью перед рабом!
Он грабит дом, но жизнь щадит пока...
Сегодня милосердия рука
Не бьет затем, что сила велика,
Хотя иной уже разить готов,
Воображая завтрашних врагов.
Гуляет, буйствует паши оплот.
Кто хочет жить, смеется с ними тот
И подает им лучшие блюда.
Когда уйдут,— их будут клясть тогда.

2

Высоко в зале возлежит Сеид.
Сонм бородатых шейхов вокруг сидит.
Пилав доеден, шумный пир затих.
Паша пьет вина, хоть запрет на них,
А остальным плодов и ягод сок
Рабы подносят, как велел пророк.
Дым чубуков струится все сильней,
И вьется в танце легкий рой альмей.
Заря увидит шейхов на волнах,
Ночное море им внушает страх;
Гуляке слаще спать среди перин,
Чем над ревущей бездною пучин.
Пируй; а надо драться, так в борьбе
Корану доверяй, а не себе;
И все ж так многочисленны войска,
Что их победа кажется легка.

8

С поклонами приходит от ворот
Раб, караулящий наружный вход;
Сперва коснулся он рукой земли,
Потом его уста произнесли:
«Бежавший из пиратского гнезда
Здесь дервиш; может он войти сюда?»
Короткий взгляд Сеида он поймал
И ввел святого человека в зал.
Ладони дервиш на груди скрестил,
И слаб был шаг его и взор уныл.

Его состарил пост, а не года.
Бескровным сделала его нужда,
И небесам была посвящена
Под капюшоном черная копна.
Скрывали складки рясы стан его
И грудь, что пела бога одного.
Выдерживал спокойно взгляды он,
Его сверлящие со всех сторон
И жаждущие знать, какую весть
Паша сейчас позволит произнести.

4

«Откуда ты?» — «Меня держал пират,
Но спасся я...» — «Где и когда ты взят?»
«Из порта Скаланова на Хиос
Шел наш корабль, но счастья не принес
Нам тот поход: товаром овладел
Пират с командой; плен был наш удел.
Других богатств я потерять не мог,
Как лишь свободу выбора дорог.
Однажды ночью, в душевной тишине,
Рыбачий бот надежду подал мне,
И я бежал, и здесь укрылся я.
И кто ж, паша, страшится близ тебя?»
«Ну, что пираты, как у них дела?
Готова ли к защите их скала?
Не чувствуют ли, что пламя навсегда
Сотрет следы змеиного гнезда?» —
«Паша! У пленного печален взгляд,
И быть шпионом может он навряд.
Я только слышал; как шумит волна,
Спасти меня из плена не вольна,
И видел блеск сияющего дня,
И был он слишком ярким для меня.
Я знал — чтоб радостным опять мне быть,
Свои оковы должен я разбить.
Но сам судить ты можешь, раз я тут,—
Они опасности совсем не ждут;
Бежать бы рвался ночи я и дни
Напрасно, если б стерегли они;
Но тот, кто не видал, как я бегу,
Беспечно даст приблизиться врагу.
Паша! я слаб и морем утомлен,
Нужна мне пища, нужен крепкий сон.

Позволь уйти мне! Мир тебе! Прости,
Мир всем вокруг! Дай отдых, отпусти!» —

«Стой, дервиш! Я не все еще спросил
Ты слышишь? Сядь, коль не хватает сил.
Накормит раб тебя и напоит.
Пируем мы, ты тоже будешь сыт.
Поевши, дашь ответ, о чем спрошу,
Полно и ясно — тайн не выношу».
В смущенье все на дервиша глядя,
Он бросил на Диван недобрый взгляд,
И пиршество не нравится ему,
И нет в нем уваженья ни к кому.
Как в лихорадке, в нем вскипела кровь,
Но лишь на миг,— он стал спокоен вновь;
Он сел в молчании, и строгий взор
Был полон мира, как и до сих пор.
Пир длился: дервиш отвергал блюда,
Как будто яд подмешан был туда.
Но после дней жестокого поста
Таким бесстрастным был он неспроста!
«Ты болен, дервиш? Ешь... Иль этот дом —
Дом христиан? или враги кругом?
Ты отвергаешь соль — священный знак!
С тобою соль деливший уж не враг:
Враждебные связуют племена,
Братает ненавидящих она!» —

«Соль приправляет лакомства; еда
Моя — коренья, а питье — вода;
И мой обет и мой закон таков:
Не ем ни среди друзей, ни среди врагов.
Пусть будет странным то, что я скажу,
Но головой своей не дорожу:
За власть твою — нет! за султанов трон
Не стану есть, не преступлю закон.
Когда б его нарушил, то пророк
Не дал бы в Мекку мне найти дорог.» —

«Что ж, хорошо! Пути ты ищешь в рай..
Ответь мне только, а затем ступай.
Их сколько?.. Как, уж день?.. Иль свет звезды?
Что там за солнце встало из воды?
Туда! Туда! На зарево беды!..

Предательство! Где стража? О пророк!
Пылает весь мой флот, а я далек!
Проклятый дервиш! Взять его в тюрьму!..
Так ты шпион! Держите! Смерть ему!»
Поднялся дервиш заодно с огнем.
Была ужасна перемена в нем;
Поднялся дервиш — больше не святой,
А воин вдруг, бросающийся в бой:
Снял капюшон, хламиду сбросил с плеч,
Блеснули латы, ярко вспыхнул меч,
Взвилось над шлемом черное перо,
И взгляд зажегся мрачно и остро.
Он адским духом показался им,
Который бьет, но сам неуязвим.
Смятенье дикое и темный жар,
Внизу свет факелов, вверху пожар,
Крик ужаса и смешанный с ним стон,
Проклятья громкие и ятаганов звон!
И самый воздух адом насыщен!
Рабы, спасаясь, видят, как во сне,
В крови весь берег, океан в огне.
И камнем крик паши идет ко дну:
«Взять дервиша! Держите сатану!»
Их видя ужас, с сердца сбросил тот
Отчаяния неподвижный гнет:
Ведь слишком рано; раньше, чем он ждал,
Пожар зажжен, хоть не был дан сигнал.
Их видя ужас, он свой рог схватил
И коротко, но резко протрубил.
Ему ответили... «Ответ мне мил!
И вашей быстроте не верил я!
И думал — бросили меня друзья».
В его руке мелькает лезвие,
Он мстит за промедление свое;
Их сводит бешенство его с ума,
Хоть он, как перст, один, а их — их тьма.
И множество тюрбанов тут и там
Лежат раскрытые пополам.
Сеид, измучен, разъярен, тесним,
Сражаясь, отступает перед ним.
Хоть он и смел, но все ж его страшит
Противника великолепный вид!
И, видя флот, пожаром залитой,
Он, вырвав бороду, бросает бой.

Уже пираты ворвались в гарем,
Несутся, смертью угрожая всем.
Рабы бросают меч, моля с тоской
Пощады,— тщетно: кровь течет рекой!
Корсары ломятся туда скорей,
Куда звал рог Конрада, где сильней
Стон жертв, где озверевшие мольбы
Свидетельствуют им исход борьбы.
Он перед ними, одинок и смел,
Как тигр насыщенный средь груды тел!
На их привет он кратко отвечал:
«Паше готовлю смерть, но он бежал!
Еще не все доделаны дела:
За флотом — город должно сжечь дотла!»

5

Они хватают факелы в ответ —
Пылает все: дворец и минарет.
В глазах вождя жестокий блеск возник,
Но вдруг погас — внезапный женский крик
Был для него как похоронный звон;
В боях бестрепетный — тут вздрогнул он.
«Они в гареме! Не прошу вину
Тому из вас, кто тронет хоть одну:
Мечь рока упадет на ваших жен.
Мужчина — враг, пусть будет он сражен,
А нежный пол быть должен пощажен.
Да! я забыл! Но небеса и ад
Смерть беззащитного нам не простят.
Еще не поздно! Я зову вас всех
Снять с наших душ хотя бы этот грех».
Взлетел по лестнице и в дверь вошел,
Хоть жег ступни ему горящий пол,
Хоть черный дым душил, стесняя грудь.
Из зала в зал он пролагал свой путь.
Нашли! Спасли! Несут сквозь гарь и жар
Добычу, полную волшебных чар;
Заботлив каждый; пестует, как друг,
Беспомощной красавицы испуг.
Так вождь умеет усмирить их нрав,
Кровавые их руки удержав.
Но кто же та, что он спасать готов
Среди развалин тлеющих столбов?

Любовь приговоренной им души —
Краса гарема и раба паши!

6

Гюльнару он приветствовал едва
И не был щедр на теплые слова.
Покуда доблесть поступала так,
Объятый страхом, отступивший враг,
Погони не увидя за собой,
Замедлил бег и вновь рванулся в бой.
Сеид смотрел, и вдруг он увидал,
Что был отряд корсаров очень мал.
И вспыхнул он: вот что наделал страх
И неожиданность в его рядах!
Аллах! Аллах! Отмщенье возопит!
В слепую ярость вырастает стыд.
Зуб за зуб! Кровь за кровь! Пусть подтвердят,
Что миг удачи повернул назад.
Бежавший — в бой бросается теперь,
Разивший — защищается, как зверь.
Конрад опасность видит, видит он —
Его отряд врагами окружен.
«Сломаем цепь, прорвемся сквозь нее!»
Сомкнулись, бросились — напрасно все.
Без страха, без надежд кончают бой.
Сильней теснимы дикою ордой.
Уж беспорядка их ряды полны:
Они разбиты, смяты, сражены,
Но каждый борется еще, как лев,
И падает на землю, ослабев,
Удары расточая до конца,
И меч блестит в руке у мертвеца!

7

Но прежде чем вернулся враг назад
И с ним сражаться бросился Конрад,
Гарем с Гюльнаррой, солнечным цветком,
Доставлен был в магометанский дом.
И безопасностью там окружен,
И слезы высохли у дев и жен.
Прелестная Гюльнара смущена;
Припоминая, думает она
О том, каким учтивым был пират,
Как был приветлив голос, мягок взгляд.

Как! Тот корсар, запачканный в крови,
Добрее, чем Сеид в часы любви?
Паша, лаская, ждал, чтобы она
Была той ласкою восхищена;
Корсар спасал и говорил тепло,
Как будто быть иначе не могло.
«Мне суетная мысль волнует кровь:
Того вождя хочу увидеть вновь.
Свершил он подвиг, смелый и большой,
Спасая жизнь, забытую пашой».

8

Его увидела она: стеснен,
Завидуя убитым, дрался он.
Своих он потерял, но страшно враг
Платил за каждый выигранный шаг.
Упал в крови, но смерти не найдя,
И взяли в плен сраженного вождя
Затем, чтоб искупал вину и жил,
Чтоб знал Сеид, жесток, нетерпелив,
Что, вечно умирая, все ж он жив.
Победоносный вождь! Как, это он,
Чей взмах руки был только что закон?
Да, он! Обезоруженный стоит,
Но огорчен лишь тем, что не убит.
Ничтожны раны, кровью не истечь,
Он целовать готов разящий меч.
И неужели раны не хотят
Его отправить в небо... или в ад?..
Из всех один неужто не умрет
Он, потерявший им, сраженным, счет?
И он познал все то, что знает тот,
Кого низверг фортуны поворот.
Гнев победителя сулил ему
Ужасных пыток медленную тьму,
И он страдал; но гордость, что вела
Его ко злу, снимала грусть с чела.
Торжественной суровостью хорош,
Конрад на победителя похож.
Ослаб от битвы, от засохших ран,
Но взор уверен и не согнут стан,
Хоть громко издали его клянет
Забывший страхи прежние народ.
Бойцы к нему почтения полны

И мужеством его удивлены.
А мрачный страж, ведя его в тюрьму,
Присматривался с ужасом к нему.

9

Явился лекарь, чтобы посмотреть,
Что может он еще перетерпеть;
Нашел, что цепь ему не тяжела,
И обещал, что пытка будет зла:
Назавтра солнце, опускаясь в дол,
Увидит казнь сажания на кол,
А утром, начиная новый бег, —
Как эту казнь выносит человек.
Страшней и длительнее пытки нет.
Сверх страшных мук — томящей жажды бред.
Смерть не придет, не сжалится судьба,
Лишь коршуны кружатся вдоль столба.
«Воды! воды!» Но не омочит рот
И капля влаги: выпив, он умрет.
Вот приговор Конраду! Все ушли,
И он один в оковах и в пыли.

10

Хоть много чувств кипело в нем глухих,
Но он и сам не разбирался в них,
Бывает хаос в сердце и в уме,
Когда все спутано и все во тьме.
Сил потревоженных разорван круг,
И угрызение проснулось вдруг,
Как демон злой, молчавший много лет,
Когда все кончено, — дает совет.
Напрасный голос! Разум не смущен,
Тот чужд раскаяния, кто силен!
И даже в час, когда душа полна
И для себя раскрыта вся до дна,
Нет страсти, нету мысли ни одной,
Что остальных затмила бы собой,
Лишь, как на смотр, летит со всех сторон
Живых воспоминаний миллион.
Тщеславие мертво, любовь нема,
И под угрозой честь и жизнь сама:
Восторг иссяк, лишь ненависть жива
К тому, кто не скрывает торжества;
Уныло прошлое, а впереди

Ни злого, ни хорошего не жди!
Дела, слова и мысли, что года
Не вспоминались, выплыли тогда!
То, что казалось просто и светло,
Вдруг преступленьем на сердце легло;
Ужасен смысл зла, скрытого от глаз,
И тайный грех губителен подчас.
Здесь все, что возмущает, взор страша,—
Как гроб разверстый: голая душа
Во всей печали,— гордость все ж сильна
И разбивает зеркало она.
Да, гордость скроет, смелость даст отпор.
Все поправимо — только не позор.
Страх знает каждый! Скрыть его от всех —
Хоть ложь, но все-таки похвальный грех.
Не тот, кто чванством потрясает твердь, —
Храбр тот, кто молча принимает смерть
И так привык к «последнему прости»,
Что сам встречает смерть на полпути!

11

В высокой башне, в крепостных стенах,
Конрад сидит, закованный в цепях.
Погиб дворец паши в пожаре. — Тут
И пленник и весь двор нашли приют.
Не кажется Конраду жребий строг:
Казнил Сеида так же, если б мог.
Он в одиночестве — и погружен
В свое былое; но не грустен он.
Одну лишь мысль не смог он перенести:
«О, как Медора примет эту весть?»
Тогда — тогда лишь! — был на все готов
И рвался в исступленье из оков.
Потом нашел забвенье и покой
И рассмеялся над своей тоской.
«Пусть завтра пытка истерзает грудь, —
Чтоб твердым быть, мне нужно отдохнуть!»
Подполз к матрацу, слабостью томим,
И сны мгновенно овладели им.
Начался бой лишь час тому назад,
И времени не тратил зря Конрад.
Секундам цену знает и злодей,
Свершая преступленье поскорей.
За час один с ним столько перемен:

Был дервишем, разил, был схвачен в плен,
Смотрел на пламя, слушал ветра гул,
Губил, спасал, попал в тюрьму, уснул.

12

Он спит спокойно, даже иногда
Дыханья нет, — о, если б навсегда!
Он спит. Но кто над этим сном склонен?
Враги ушли, друзей не знает он.
Иль он утешен ангельским гонцом?
То женщина с божественным лицом!
В руке лампада, свет ее прикрыт,
Чтоб вдруг не осветить того, кто спит,
Незримой скорбью истомленных век,
Что, раз открыв, закроет он навек.
Прекрасна, темноглаза и строга,
В кудрях ее сверкают жемчуга,
Легка, как тень, ступни обнажены,
Как снег, слепительны, как снег, нежны.
Но как сквозь стражу пробралась сюда?
О, женщины бесстрашны иногда,
Когда влечет их жалость и беда!
Гюльнаре не спалось: пока Сеид
Во сне с пиратом пленным говорит,
Она вскочила, взяв кольцо-печатъ,
Что ей привычно было надевать,
И с ним пошла сквозь непроглядный мрак,
Показывая сонной страже знак.
Они устали, давит тяжесть грудь,
Им, как пирату, хочется уснуть.
Зевая и от холода дрожа,
Не сторожат уж больше сторожа:
Подымутся, посмотрят на печать
И, не спросив: «Зачем?» — уснут опять.

13

Она дивилась: «Спит спокойным сном!
Другие плачут и скорбят о нем,
И мой покой его судьбой смущен.
Зачем внезапно стал мне дорог он?
Да, правда, жизнь мою и честь он спас
И от позора оградил всех нас...
Но думать поздно! Сон его смущен!
Он дышит тяжело... вот проснулся он!»

Он поднял голову и, ослеплен,
Своим глазам сперва не верил он;
Пошевельнул рукой, и звон оков
Вернул его в тюрьму из царства снов.
«Что за виденье вижу пред собой?
Неужто так красив тюремщик мой?»
«Меня не знаешь ты! Суров и смел,
Не много совершил ты добрых дел.
Взгляни и не забудь! Ты спас меня
От ужасов позора и огня!
Зачем к тебе пришла, хоть ночь темна?
Хочу помочь — мне смерть твоя страшна!» —
«Красавица, ты будешь здесь одна,
Кому конец мой не зажжет очей.
Победа их! Пусть пользуются ей!
Но все же их любезность высока:
Прекрасней не встречал духовника!»
Как странно, что в союзе иногда
С веселостью смертельная беда!
Так хочет обмануть себя тоска
Улыбкой, но улыбка та горька.
Мудрейший и прекраснейший идет
С забавной шуткою на эшафот!
Так обмануть не стоит ничего
Сердца людей, — все, кроме одного.
Что б ни было с Конрадом, в этот миг
Смех дико развязал ему язык
И сеть морщин разгладил на челе, —
В последний раз, быть может, на земле.
Смех не к лицу тому, кто жизнь свою
В унынии провел или в бою.

14

«Корсар! Ты на смерть осужден! Но я
Перед пашой защитница твоя.
Тебя жалею я, хочу, чтоб жил.
Сейчас для бегства у тебя нет сил,
Но что могу, то сделаю, чтоб скор
Не был бы так твой страшный приговор.
Ты видишь, большего нельзя сейчас,
А неудача гибельна для нас». —
«Готов на все! Мне чужды боль и страсть!
Я низко пал, мне ниже не упасть...
Не соблазняй, свободою маня,

То недостойно было бы меня.
Ужель бегу, врага не победив,
Из всех моих один останусь жив?
Есть женщина — о ней скорблю душой,
И взор мой увлажняется слезой.
Мне озаряли мрак земных дорог
Мой брат, мой меч, моя любовь, мой бог.
Покинув бога, я покинут им
И волею его теперь казним.
Не оскорблю молитвой горний трон,
Как трус, что молит, страхом удручен.
Я все снесу, и не раздастся стон.
Пусть выбит меч из недостойных рук —
Он был мне верный и надежный друг!
Пусть бриг на дне — лишь о моей любви
Готов молитвы расточать мои.
О! к жизни лишь она меня зовет.
Но смерть моя ей сердце разобьет,
Увянет цвет... Гюльнара, до тебя
Я равных ей не замечал, любя». —
«Другую любишь? Что мне до того?
Что? Ничего!.. навеки ничего...
И все ж... ты любишь! Как счастлива та,
Что верным сердцем верно понята,
Не зная пустоты, грез не тая,
Не мучаясь о вымыслах, как я». —
«Как, ты того ласкаешь, как я». —
«Кому я из огня вернул тебя?» —
«Любить пашу? Любить его! О нет!
Старалась прежде я найти ответ
На страсть его, но лед в моей крови.
Я знаю: без свободы нет любви.
А я раба, хоть избрана пашой,
Хоть кажется, что счастлива душой!
Я сердце спрашиваю иногда:
«Ты любишь ли?» — но не ответит: «Да!»
Как выносить ту нежность тяжело мне,
Сражаясь с отвращеньем в глубине,
И, ужас в сердце затаив своем,
От одного скрывать другого в нем!
Берет он руку — ах! мне все равно,
И кровь течет спокойно, холодно;
Отпустит — падает, как не жива.
И ненависти нет, и страсть мертва.

Лобзание не греет мне уста,
Я ледяною дрожью облита.
Когда б я знала чувств горячих пыл,
Быть может, гнев мне б сердце обновил.
Но встреч не жду и расстаюсь легко.
Он здесь, я в мыслях — где-то далеко.
Приходят думы — я боюсь и жду,
Когда до омерзенья я дойду.
Чем быть его женою, — что за честь! —
Я рабство предпочла бы дальше несть.
Когда б ту страсть развеяли ветра,
Когда б ласкал другую до утра,
Счастливой стала б я — еще вчера!
Коль любящей я буду в эту ночь,
Знай, пленник, — это чтоб тебе помочь.
Я жизнь за жизнь тебе надеюсь дать.
И будешь ты с любимою опять
Делить любовь, которой мне не знать.
Прощай! уж утро! Пусть мне будет ложь
И тяжела — но завтра не умрешь».

15

Прижала к сердцу пленника персты,
И были грустны нежные черты;
Потом исчезла, как чудесный сон.
Была ли здесь? Один ли снова он?
Но на цепях его горит алмаз —
Слеза, пролитая из ясных глаз
Святой и сострадательной тоской,
Граненная нездешнею рукой.

Волнующа, опасна, как гроза,
Пленительная женская слеза!
Оружье слабой женщины, она,
Как щит и меч, спасительно сильна.
Что Добродетель перед ней сама,
Раз Мудрость сходит от нее с ума?
Пал целый гордый мир, бежал герой
За робкой Клеопатриной слезой.
И многие — не только триумвир —
Земной теряли и небесный мир
И принимали ужас вечной мзды,
Чтоб выручить кокетку из беды!

Уж утро. На чертах его немых
 Играет луч, но нет надежды в них.
 Что взгляд его? Быть может, на чело
 Опустит ворон черное крыло,
 Его сомкнувшимся глазам незрим,
 И сядет солнце, и роса, как дым,
 Прохладой тумана своего
 Все оживит, но только не его!

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

...come vedi, ancor non m'abandonna. *Dante* 1

1

Холмы Морей превратив в пожар,
 Садится медленно багровый шар;
 Нет, здесь не Север, где обвит он мглой, —
 Здесь блеск неомраченный и живой!
 И желтый луч, пронзая глубину,
 Сверкает сквозь зеленую волну.
 Эгинских скал позолотив хребет,
 Бог радости последний шлет привет;
 В родной стране он длит конец зари,
 Хоть здесь его разбиты алтари.
 На твой залив, суровый Саламин!
 Из арок голубых далекий ряд
 Багрянцем зажигает жаркий взгляд,
 И краской нежной, видною чуть-чуть,
 Бог отмечает свой последний путь,
 Покуда, мрак раскинув в ширину,
 За скат Дельфийский не сойдет ко сну.

В такой же вечер так же цвел закат,
 Когда — Афины! — умирал Сократ.
 О, как была страшна ночная тень,
 Кончавшая его последний день!
 О нет! о нет еще!.. и день не гас,

¹ ...этот плен ты видишь нерушимым. *Данте (итал.)*.

И долго длился драгоценный час.
Но что лучи тому, чей меркнет взор?
Ему безрадостно сверканье гор.
Заря казалась скудна и тускла,
А прежде Феб не хмурил здесь чела.
Еще он не зашел за Киферон,
А кубок с ядом был уж осушен, —
Бесстрашно тот покинул мир земной,
Кто жил и умер, как никто иной.
Чу! над Гиметом, высока, светла,
Царица ночи медленно взошла.
Предвестник бурь — туманное кольцо —
Не закрывал ей дивное лицо;
Колонна возносила в лунный хмель
Свою сверкающую капитель,
И, словно разлитой дрожащий свет,
Серп воссиял, венчая минарет.
Густые рощи трепетных олив,
Там, где Кефис струится, говорлив,
Печальный черный кипарис, мечеть
И над киоском блещущая медь,
И пальма, чей таинственный шатер
На храм Тезея тени распростер, —
Все чар полно и взоры все влечет,
И лишь бесчувственный здесь не вздохнет.

Опять беззвучно море, присмирив,
Баюкая в груди уснувший гнев,
И волны нежной радугой горят,
То золотой, то изумрудный ряд
Сливая с тенью дальних островов,
Где океан и ласков и суров.

2

Не о тебе пою, но мысль с тобой!
Увидев моря твоего прибой,
Как имя я твое не назову?
Как не отдамся снова волшебству?
Афины! Солнца твоего заход
Кто раз видал — уж не забудет тот.
И сердцем сквозь пространство и года
К Цикладам я прикован навсегда.
Но не чужда героям ты моим:
Конрадов остров прежде был твоим,

Тебе его свободным возвратим!

3

Закат потух. Последние лучи
Истаяли, и мечется в ночи
Медоры сердце, — третий день минул,
И нет его! ее он обманул!
А ветер слаб, и ласков моря гул.
Вернулся брат Ансельмо; ничего
Они не знали о судьбе его.
Когда б Конрад — о, если бы он знал! —
Один вот этот парус подождал!
Поднялся сильный бриз. Весь день вдали
Ей мачты чудились и корабли.
Гонима нетерпением, она
К ночному берегу сошла одна
И там бродила; яростный прибой
Мочил ее одежды, гнал домой.
Покинуть берег не хватало сил,
Ей холод только сердце леденил.
Уверенность росла, страшней всех мук, —
Она б сошла с ума, явись он вдруг.

И наконец... потрепанный баркас!
Гребцы увидели ее тотчас.
Измучены и скупы на слова,
Они сказали, что спаслись едва,
И замолчали, слов не находя,
Чтобы гадать об участи вождя.
И что могли сказать? Ведь неспроста
Им вид Медоры связывал уста.
Все было ясно! Не склонив чела,
Она всю тяжесть горя приняла.
Величье чувств, готовое к борьбе,
Ее плоть нежная несла в себе.
Была надежда — плакала она;
Погибло все — и вот она сильна.
И это Сила говорила ей:
«Уж ничего не может быть страшней!»
Такой же темной мощностью согрет
Жестокой лихорадки жаркий бред.

«Безмолвны вы, но в вашем сердце тьма.
Не говорите!.. Знаю все сама!

Хочу спросить... а губы не хотят...
Скорей скажите, где лежит Конрад?» —
«Не знаем, госпожа! Но говорит
Товарищ мой, что не был он убит...
Он был пленен, в крови... но он был жив!»

Она не внемлет: волю сокрушив,
Прорвались чувства, хлынув, как волна,
Ее душа была побеждена:
Она шатается и падает; прибой
Готов ей быть могильной пленой.
Здесь много грубых рук и мокрых глаз;
И помощь ей оказана тотчас:
Кропят водой, стараются поднять,
И жизнь к ней возвращается опять...
Позвав к ней жен и девушек скорей,
Которые расплакались над ней,
Идут к Ансельмо: будет нелегко
Сказать о том, что было, коротко.

4

Они совет держали меж собой;
Их речь дышала мезтью и борьбой.
Ни отдыха, ни страха! Как везде,
Был дух Конрада с ними и в беде.
Чтоб ни было, те, чей был вождь Конрад,
Коль жив — спасут его, коль мертв — отмстят,
Враг, берегись! Еще не сражены
Все, кто храбры и чьи сердца честны.

5

В своем гареме сумрачный сидит
И думает о пленнике Сеид.
И мысль его то в неге, то во тьме:
То близ Гюльнары, то опять в тюрьме.
У ног его рабыня без конца
Готова тень сгонять с его лица.
На взгляд огромных пристальных зрачков
Не отвечает взглядом он, суров,
И кажется, что к четкам он склонен,
Но мысленно терзает жертву он.
«Паша! настал твой час... какой удар
Тобою нанесен!.. В плену корсар.
И он умрет... Он заслужил того.

Но что та смерть для гнева твоего?
Ценой сокровищ эта голова
Могла бы выкуплена быть сперва:
Пиратский клад богат, неоценим.
О, если б, мой паша, владел ты им!
Пиратапустишь, но возьмешь опять.
И трудно ли затравленного взять?
Остатки шайки, коль умрет Конрад,
В другие страны увезут тот клад». —

«Когда б за каплю крови он мне дал
За каждую алмаз или опал,
Когда б за каждый волос вместо мзды
Сияли горы золотой руды
И сказочные клады всех времен
Лежали б здесь, — не откупился б он!
И час бы я не медлил ни один,
Когда б над ним я не был господин.
Я страстно выбираю месть мою
И, долго муча, долго не убью». —

«Сеид, твой гнев смягчить я не хочу,
Он слишком справедлив, и я молчу.
Хотелось мне добыть тот ценный клад
Тебе, — отпущен, не уйдет пират,
Бессильный, потерявший мощь и рать:
Прикажешь ты — он будет взят опять». —

«Он будет взят опять... и должен я
Его пустить?.. когда в руках змея?
Простить врага? Чья просьба? Ах, твоя!..
Ходатай мой прекрасный! хочешь ты
Так отплатить за проблеск доброты,
С какой гяур спасал одну лишь ту,
Чью, верно, не заметил красоту?
Его превозношу за это сам.
Но дай ушко, совет тебе я дам:
Тебе не верю, женщина! От слов
Твоих сомненьям доверять готов.
В его объятьях, бросив свой сераль,
Скажи, мечтала ль ты бежать с ним вдаль?
Ответ не нужен, — вижу, как зажег
Преступный пламень бледность этих щек.
Смотри, прекрасная, поберегись,

И не о нем одном теперь молись!
Лишь слово... Нет... молчи на этот раз...
Будь проклят миг, когда тебя он спас
Из пламени, уж лучше б ты... Но нет, —
Был без тебя бы горек этот свет.
Обманщица! Ты слишком уж смела,
Тебе подрежу быстрые крыла.
Напрасных слов я тратить не люблю,
Но знай, измены я не потерплю!»

Он встал и медленно к дверям пошел,
С угрозой на устах, угрюм и зол.
Ты плохо знаешь женщину, Сеид!
Проклятие ее не утратит.
Тебе ль себе представить, как она
Бесстрашна в гневе и в любви нежна.
Она обижена; ей невдомек,
Что корень состраданья так глубок.
Сама рабыня, знает всю печаль
Она неволи, пленника ей жаль.
И вот, не думая себя беречь,
Опять о нем она заводит речь.
И вновь свирепствует паша... пока
Не закрадется в сердце к ней тоска.

6

Меж тем страшны, без радостей, без дел,
Тянулись дни и ночи. Он был смел.
Но ужас и сомненья этих дней!
Ведь каждый час мог смерти быть страшной,
Ведь каждый раб, что за стеной прошел,
Мог быть за ним, вести его на кол.
Ведь каждый звук, раздавшийся во мгле,
Мог быть уже последним на земле.
Но дух его, надменен и суров,
Был смерти чужд и к смерти не готов.
Он был измучен, но безмолвно нес
Сомнения ужаснее угроз.
Тревога бури, битвы жаркий шум
Не оставляют времени для дум.
Но, ослабев от непривычных пут,
Стать жертвой настроений и минут,
Припоминать и каяться себе
В своих ошибках и в своей судьбе,

Хоть ничего уж не вернешь назад;
Считать мгновенья, что к концу спешат,
Без друга, кто потом сказать бы мог,
Что перед смертью ты не изнемог,
А черной клеветою вражья рать
Последний час твой рада запятнать;
Ждать мук, которых не страшится честь,
Но телу, может быть, не перенести;
Глубоко знать, что за единый стон
Ты будешь доблести своей лишен;
Жизнь оставляя здесь, взамен не ждешь
Небесную скупую благодать,
Эдем неверный, — но земной свой рай
Терять, возлюбленной сказав: «Прощай!»
Вот мысли, что переносил Конрад, —
Тоску смертельней, чем телесный ад.
И он терпел ее! Хватало ль сил?
Не все ль равно — раз он переносил!

7

Проходит день — Гюльнара не идет,
Второй и третий — он напрасно ждет.
Но все же в том, что он живет еще,
Угадывает силу чар ее.
Прошел четвертый день, и ночь пришла.
Был мрак жесток, была погода зла.
Как шумом моря наслаждался он!
Впервые этот шум был так силен.
И дикий дух, желаний диких полн,
В ответ на грохот разъяренных волн
Как часто взнуздывал крылатость ту,
Как буйную любил он быстроту!
И каждый всплеск в ушах звучал родным...
Так близок... но, увы, недостижим.
Протяжно выла буря; и кругом
Все сотрясая, с силой падал гром;
Но за решеткой молний борозды
Ему милей полуночной звезды.
К окошку цепь свою он приволок:
О, если б смерть сейчас найти он мог!
К сполохам поднял руку в кандалах,
Моля, чтоб тело обратили в прах;
Их призывали и мольбы и сталь, —
Но, не сразив, гроза умчалась вдаль.

Все тише гул... Как будто страшный стон
Неверным другом был пренебрежен!

8

Пробило полночь. Легкий шаг к дверям
Приблизился... затих... помедлил там.
Ключ повернулся, загремел засов:
Она! К ее приходу он готов.
Как ни погряз в грехах он, в эту тьму
Прекрасный ангел послан был ему.
Но изменилась в эти дни она,
Так стала трепетна и так бледна.
Был взгляд ее тревожен и несмел,
Он говорил без слов: «Смерть — твой удел»...
«Смерть — твой удел, и близок страшный час,
Но все же пытка хуже во сто раз». —
«Что мне спасенье! Так три дня назад
Я говорил, но стал другим Конрад!
Зачем пирата хочешь ты спасти?
Свой приговор он заслужил нести.
За все дела, которых и не счесть,
Наградой будет мне Сеида мечь». —
«Зачем хочу спасти тебя?.. Тот раз
Меня от страшной участи ты спас.
Зачем? Ты, как слепой, не видишь ничего,
Коль не узнал волнения моего.
Скажу ль тебе о том, чем вся полна?
О чувствах женщина молчать должна.
Преступный, душу ты смутил мою,
Тебя боюсь... жалею... и люблю.
Но о другой не говори мне вновь,
Напрасной не зови мою любовь.
Пусть хороша другая и нежна,
Того, что я, не сделала б она.
И разве, сердцем преданным любя,
Покинула б я одного тебя?
Жена корсара... Что же господин
Ее скитается всегда один?
Не возражай... теперь не к месту речь:
На волоске висит над нами меч!
Коль не боишься рваться напролом —
То вот тебе кинжал! Встань и пойдем». —
«Да, в кандалах! Пожалуй, слишком тих
Меж спящих сторожей пройду я в них.

Ты не подумала про цепь мою?
И это ли оружие в бою?» —
«Неверный... Стражу подкупила я,
Готовя к бунту, золотом маня.
Скажу лишь слово — цепи упадут.
Была б я разве без подмоги тут?
Я говорила с ними день и ночь,
Была коварна, чтоб тебе помочь.
...Нет! Наказать тирана не грешно.
Конрад! Паша умрет... так быть должно!
Ты содрогаешься? Но как простить?
Я им оскорблена, я жажду мстить.
Он обвинил в неверности меня,—
Не изменяла я, обет храня.
Да! Смейся!.. только в чем моя вина?
Тебя не знала и была верна.
Но так сказал он, ревностью томим,
И над тираном злобным мы свершим
Судьбу, предсказанную им самим.
Меня купив, был щедр он, может быть,
Но сердца моего не смог купить.
Была безропотной — он смел сказать,
Что я с тобой хотела убежать.
Но пусть авгур познает торжество:
Исполнится пророчество его...
Ты жив еще не по моей мольбе:
Готовит он мучение тебе
И мрак отчаянья — своей рабе.
Да, мне грозит он, но пока влюблен,
Для прихоти меня оставил он;
Когда же чар рассеется туман,
Мешок готов и близок океан!
Что ж? Так и быть игрушкой для глупца,
Покуда краски не сойдут с лица?
Тебя увидела, тебя люблю
И благодарность докажу мою.
Когда бы не грозила мне беда
(Угрозы выполняет он всегда!),
Тебя б спасла, не трогая пашу.
Вот, я твоя! тобой одним дышу!
Меня не любишь и не знаешь ты,
Ты — первый гнев мой... первые мечты...
Ты б не боялся, испытал меня,
Души Востока страстного огня.

Он твой маяк спасения, он тот,
Что в гавани нас к шлюпке приведет,
Но в комнате, там, где наш путь лежит,
Спит — не проснется больше он — Сеид!» —
«Гюльнара! До сих пор я сам не знал,
Что так бессилён и так низко пал;
Сеид, мой враг, готовил гибель мне
В открытой, хоть безжалостной войне;
И я пришел на корабле своем,
Чтобы разить разящего мечом;
Мое оружие меч, а не кинжал,
Я спящих никогда не убивал.
И не для этого тебя я спас,
Не дай о том мне пожалеть сейчас.
Теперь прощай! Найди себе покой.
Коротким будет сон последний мой!» —
«Сон! сон! а завтра хлынет пот со лба
И будешь корчиться вокруг столба.
Но взор мой не увидит муки той,
И, если ты погибнешь, я с тобой!
Жизнь, ненависть, любовь мою, корсар,—
Все на земле решает твой удар!
Как без того бежим мы? Ведь Сеид
Догонит нас... И не отмщу обид...
Всю молодость... ужасные года!
Один удар сотрет их навсегда.
И завтра солнце, в нашем встав краю,
Увидит саван мой и казнь твою».

9

Исчезла прежде, чем ответил он,
Но он следил за ней, воспламенен;
И, цепи подобрав свои как мог,
Чтобы, звеня, не путались у ног,
Взволнован видом отпертых дверей,
Он бросился в проход, спеша за ней.
Мрак, повороты, и в ночной тиши
Нигде ни лампы, ни живой души.
Вдруг сумеречный свет мелькнул сквозь тьму.
Что обещает этот луч ему?
Он наугад идет... вот холодок
Предутренный ему лицо обжег.
Он — в галерее... перед ним встает,
Уже бледнея, звездный небосвод,

Но он не смотрит даже — огонек
В покое дальнем взор его привлек.
Туда спешит: из двери на него
Струится свет, и больше ничего.
Скользнула тень, во мраке неясна,
Остановилась... дрогнула... Она!
Но нет следов содеянного зла.
«Она убить Сеида не смогла!..»
Но взор ее, исполненный огня,
Внезапно испугался света дня,
Поток волос отбросила она,
Лицо скрывавший, словно пелена,
Как будто наклонялась перед тем
Над кем-то, кто ужасен был и нем.
Он видит — чуть заметно и бледно,
Ее рукой оставлено пятно
На лбу, где черная змеится бровь,
Знак преступления — чужая кровь!

10

Он видел битвы... он в тюрьме скорбел,
Угадывая страшный свой удел,
Терпел соблазн и кару, был суров
Под беспросветным бременем оков
И, зная бой, плененье и позор,
Ни перед чем на свете до сих пор
Так не бледнел в ознобе ледяном,
Как перед этим пурпурным пятном.
Неясный знак, почти что ничего —
Но вся краса исчезла для него!
Он часто видел кровь, не дрогнув,— та
Была мужской рукою пролита.

11

«Все кончено! Он лишь вздохнул во сне...
Он мертв... и дорого ты стоил мне.
Теперь слова напрасны все... Прочь!.. прочь!..
Нас ждет баркас... уж миновала ночь...
И пусть примкнет, кто предан мне и смел,
К тем из твоих бойцов, кто уцелел.
А мой поступок объясню потом,
Когда от берега мы отойдем».

Ударила в ладоши — и скорей
 Бегут и мавр и грек, покорны ей.
 Она спешит с него оковы снять.
 Как ветер гор, свободен он опять,
 Но на душе смертельно тяжело,
 Как будто бремя уз туда легло.
 В молчании Гюльнаррой подан знак,
 Открылась дверь, ведущая во мрак.
 Она спешит, и вот уж у их ног
 Волна ласкает золотой песок.
 Конрад — за ними. Равнодушен он
 К тому, обманут он или спасен.
 Он ко всему готов и терпелив,
 Как если бы паша еще был жив.

Играет ветер, паруса шуршат,
 И погрузился в прошлое Конрад.
 Внезапно вырос черной грудой скал
 Мыс, где недавно якорь он бросал.
 С той ночи минули — так коротки! —
 Века злодейства, ужаса, тоски.
 Когда ж над мачтою утес навис,
 Закрыв лицо, его склонил он вниз
 И вспомнил все: Гонзальво, час борьбы,
 Свою победу, поворот судьбы.
 Но, грустью по возлюбленной томим,
 Он поднял взор — убийца перед ним!

Гюльнара изнывает оттого,
 Что видит отвращение его,
 И гаснет жаркий гнев в ее глазах
 И в поздних проливается слезах.
 Ему сжимает трепетно персты:
 «Пусть не простит меня Аллах, но ты...
 Что было бы с тобой, когда б не я?
 И хоть сейчас не упрекай меня!
 О, ночь ужасная! Себя сама
 Не узнаю... почти схожу с ума.
 Любви не зная, зла не совершив,
 Была б чиста, но ты бы не был жив!»

Она ошиблась: он ее ни в чем
 Не обвинял, вина себя во всем,
 В его груди незримы, глубоки,
 Изнемогали мысли от тоски.
 А между тем бриз гонит их домой,
 Лазурный вал играет за кормой.
 Вдруг точкой... бликом... парусом возник
 Из дальней мглы вооруженный бриг.
 На нем давно заметили баркас
 И парусов прибавили тотчас:
 И приближается к ним с быстротой
 Высокий нос и пушек грозный строй.
 Вдруг вспышка! За баркасом, взрыв волну,
 Шипящее ядро пошло ко дну.
 Тогда от дум очнулся вдруг Конрад,
 И радостью его зажегся взгляд:
 «Мой бриг... мой алый флаг... Кто б думать мог?..
 Я на море еще не одинок...»
 На бриге узнают сигнал и крик
 И шлюпку на воду спускают вмиг.
 Уж с палубы приветствуют его,
 На лицах всех восторг и торжество.
 Взволнован каждый и безмерно горд,
 Следя, как снова всходит он на борт;
 Улыбка раздвигает им уста,
 И радость искренняя их проста.
 Он, вдруг забыв беду и неуспех,
 Как старый вождь приветствует их всех,
 Ансельмо руку жмет и уж опять
 Готов приказывать и побеждать!

Но не один пират был огорчен
 Тем, что без боя вождь их возвращен.
 Неужто правда женщина могла
 Свершить такие смелые дела?
 Ее царицей сделают тогда.
 Разборчивость Конрада им чужда.
 К Гюльнаре взоры их обращены,
 Улыбки изумления полны.

И смущена их любопытством та,
Кем кровь была бесстрашно пролита.
Чтоб скрыть лица тревожную игру,
Она спускает легкую чадру
И, руки на груди сложив крестом,
Покорно ждет, что будет с ней потом.
Безумным бешенством исступлена,
В любви, в борьбе чудовищна, нежна,
Все оставаясь женщиной она!

17

Как мог ее не пожалеть Конрад?
Того, что было, не вернуть назад;
Его не смоят слезы тысяч глаз,
И небо покарает в страшный час.
Да! для того чтоб стал свободен он,
Кровь пролилась, кинжал был занесен,
И отдала она, забывши страх,
Все на земле и все на небесах!
На чернооковую взглянул в упор;
Она печально опустила взор,
Смиренна, и покорна, и слаба.
Подчеркнута тенями бледность лба
И щек,— румяно лишь одно
Оставленное мертвецом пятно.
Он сжал ей руку; дрогнула она,
В любви покорна, в ярости страшна.
Он сжал ей руку,— и его рука
Уж не была сурова и жестка.
«Гюльнара... Милая!..» Ни слова — нет!
Лишь очи подняла ему в ответ
И молча бросилась ему на грудь!
Ее бесчеловечно оттолкнуть
Не согласилось сердце бы ничье,
И даже он не оттолкнул ее.
Не будь предчувствий у людских сердец,
Пришел бы верности его конец.
Изменой не был поцелуй его,
Он не просил иного ничего.
Второго слабость не могла украсть
Для губ, чьи вздохи напоила страсть,
Для губ, чей аромат, казалось, был
Навеян взмахами незримых крыл.

На дальний остров уж спускалась мгла,
 Но им знакома каждая скала.
 В их гавани шум, голоса, свистки,
 Привычный свет струят к ним маяки,
 Навстречу им уже спешат челны,
 И прыгают дельфины из волны,
 И даже чаек хриплый резкий стон
 Приветствием веселым окрылен!
 И каждый луч в решетчатом окне
 Им говорит о друге иль жене.
 О, как очаг священен для того,
 Кто с гребней моря смотрит на него!

Там, где маяк сияющ и высок,
 Конрад Медоры ищет огонек.
 Но нет! Как странно: изо всех одно
 Ее окошко не освещено.
 Как странно: он не встречен в первый раз!
 И неужели свет ее угас?
 На берег первым мчаться он готов,
 Нетерпеливо торопя гребцов.
 О, если б крылья сокола иметь,
 Чтоб на вершину, как стрела, взлететь!
 Но вот передохнуть гребцы хотят,
 Их ждать нет сил! Уже в воде Конрад,
 До берега добрался вплавь, потом
 Наверх тропинкой поспешил бегом.

Вот он у двери... В башне тишина
 Глубокая, и ночь вокруг темна.
 Он громко постучал, но ничего
 Не говорит, что слышали его.
 Он постучал слабее, и робка
 Была его дрожащая рука.
 И кто-то дверь открыл, но не она.
 Не та, что так любима, так нужна!
 Молчание... и дважды он вопрос
 Хотел задать, но все ж не произнес.
 Взял факел...— все увидит он сейчас! —
 Но уронил его, и тот погас.

Другого не подумал ждать огня,
Как здесь не стал бы ждать прихода дня.
Но в темном коридоре, где он шел,
Далекий свет чернил тенями пол.
И он вошел к ней... и увидел то,
Что сердце знало, страхом облито.

20

Он стал без слов, вперив недвижный взор,
И больше не дрожал, как до сих пор.
Так смотрим мы, боря печаль и бред,
Боясь сознаться, что надежды нет!
Она цвела спокойной красотой,
И смерть оставила ее такой,
И вложены холодные цветы
В холодные и нежные персты.
Казалось, спит она притворным сном,
И было бы смешно рыдать о том.
Скрывали шелк ресниц и холод век
То, перед чем бледнеет человек.
Смерть не жалеет блеска ясных глаз,
И волей смерти разум в них угас.
Пришел закат двух голубых светил;
Но рот еще всю прелесть сохранил.
Вот-вот улыбкой дрогнет уголок,
И лишь на миг так замкнут он и строг...
Но пелена, но каждая из кос —
Ряд светлых и безжизненных волос —
Бывало, разлетались, так легки,
И летний ветер с них срывал венки!..
Все дышит смертью, мрачен облик весь,
Она ничто... Тогда зачем он здесь?

21

Зачем вопросы? Правдою была
Недвижимая мраморность чела.
Не все ль равно, как смерть она нашла?
Его любовь, надежда лучших дней,
Живая радость, всех других нежней,
Единственное в мире, что любил,
Похищено, он это заслужил,
Но он страдал. У праведных есть свет

Спасительный, его у грешных нет.
Гордец, себе избравший здесь, внизу,
Земной восторг и горькую слезу,
Теряет все, лишаясь пустяка.
Но всем потеря радостей горька!
Порою мужественный взор таит
Глухую боль мучительных обид,
И безнадежностью подавлен тот,
Кому улыбка изгибает рот.

22

Тот говорит о муках не легко,
Кто их переживает глубоко.
Без счета мысли сходятся к одной
И замкнуты безвыходной стеной.
Для тайны сердца слов не подберешь,
И многословное страданье — ложь!
Конрад до дна опустошен тоской,
И мертвый в сердце у него покой.
И так он слаб, что взор влажнит слеза,
И горько плачут гордые глаза.
Но малодушия глухой порыв
Вскрывает муки, их не облегчив.
Когда б один он не был, никогда
Не пролилась бы горькая вода.
С разбитым сердцем, без надежд, без сил,
Уйдя отсюда, он их осушил.
Восходит солнце — день Конрада сер!
Приходит ночь — ей нет краев и мер!
Страшнее мрака нет, чем ночь сердец;
И горе — безнадежнейший слепец!
Смотреть боится, прячется во тьму,
И не найти поводыря ему.

23

Добра не ведав, злу предался он.
Обманут рано, рано обольщен.
Но мысль его, как капля, что течет,
Просачиваясь сквозь пещерный свод,
Свершив свой путь, уж больше не светла,
Но холодом и камнем проросла.
Вдруг молния ударила в утес;
Как он, Конрад, грозы не перенес.

Над краем бездны расцветал цветок,
В своей тени утес его берег,
Гром поразил обоих,— и разбит
Лилей цвет и сумрачный гранит.
От молнией сожженного цветка
Не сохранилось даже лепестка;
А где стоял его холодный друг,
Осколки черные лежат вокруг!

24

Уж утро. Кто же грусть его прервет?
Ансельмо на скалу к нему идет.
Там нет его, он не сходил к воде;
До ночи ищут, не найдя нигде.
И снова день, и нет его опять;
Лишь эхо устает им отвечать.
Пядь каждая обыскана земли;
От шлюпки цепь на берегу нашли,
И тотчас вышли в море корабли.
Напрасно все — день катится за днем,
Конрада нет, и нет вестей о нем.
И нет нигде судьбы его следа:
Погиб ли он иль скрылся навсегда?
Пираты плакали о нем одни...
Медоре камень возвели они.
Конраду памятник не водружен:
Кто знает, может быть, не умер он,—
Корсар, чье имя воскрешает вновь
Тьму преступлений и одну любовь.

1814

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК

СОНЕТ К ШИЛЬОНУ

Бессмертный Дух Свободного Ума!
Горишь ты ярким пламенем в темнице,
Свобода в сердце узника таится,
Не в силах погасить ее тюрьма.
Когда твоих сынов объемлет тьма
Под тяжким гнетом каменного свода,
В страданье их — спасенье их народа,
И Вольность крылья им дает сама.
Шильон! Нам дорога твоя темница,
Твой скорбный пол для нас — алтарь святой;
Мучений Боннивары здесь частица,
След, в камень вдавленный его ногой,
Как в почву. Пусть он вечно сохранится
И к богу вопиет из тьмы сырой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В то время, когда я писал эту поэму, я не был достаточно знаком с историей Боннивары, будь она мне известна, я бы постарался быть на высоте моего сюжета, постарался бы воздать должную хвалу мужеству и доблестям Боннивары. Теперь я получил некоторые сведения о его жизни благодаря любезности одного из граждан республики, продолжающей гордиться памятью мужа, достойного быть сыном лучшей поры древней свободы.

«Франсуа де Боннивар, сын Луи де Боннивары, родом из Сейселя и владелец Люна, родился в 1496 году.

Он учился в Турине; в 1510 году Жан Эмэ де Боннивар, его дядя, передал ему приорат Сан-Виктор, прилегающий к стенам Женевы и дававший крупные бенефиции... Этот великий человек (Боннивар заслуживает такой эпитет силой духа, прямоотой, благородством помыслов, мудростью советов, отважностью поступков, обширностью знаний и живостью ума), этот великий человек, перед которым будут преклоняться все, кого трогает геройская доблесть, будет возбуждать еще более живое чувство благодарности в сердцах женеvцев, любящих Женеву. Боннивар был всегда одним из ее самых твердых столпов: чтобы упрочить свободу нашей республики, он часто ставил на карту свою свободу; он забыл о своем спокойствии, отказался от своих богатств; он сделал все, что мог, для того, чтобы упрочить счастье страны, которую почтил своим избранием; с того момента, как он признал ее своей родиной, он полюбил ее как самый ревностный из ее граждан; он служил ей с геройским бесстрашием и написал свою «Историю» с наивностью философа и горячностью патриота.

Он говорит в своей «Истории Женевы», что с того времени, как он начал читать историю народов, он почувствовал влечение к республикам и принимал всегда их сторону; его любовь к свободе, несомненно, и побудила его избрать Женеву своей второй родиной.

Боннивар был еще молод, когда открыто выступил защитником Женевы против герцога Савойского и епископа. В 1519 году Боннивар сделался мучеником за свою родину: когда герцог Савойский вступил в Женеву с пятьюстами человек, Боннивар, опасаясь гнева герцога, хотел укрыться в Фрибург от грозивших ему преследований. Но его предали два человека, сопровождавшие его, и по приказу герцога его отвезли в Гролэ, где он пробыл в тюрьме два года. Путешествия не спасали Боннивара от беды: так как несчастья не ослабили его преданности Женеве, и он продолжал быть страшным врагом для всех ее недругов, то и подвергался всегда опасности преследований с их стороны. В 1530 году в горах Юры на него напали воры, ограбили его и препроводили к герцогу Савойскому. Последний заточил его в Шильонский замок, где Боннивар пробыл, не будучи ни разу подвергнут допросу, до 1536 года, когда его высвободили из тюрьмы бернские войска, завладевшие всем кантоном Ваад.

Выйдя на свободу, Боннивар был обрадован тем, что увидел Женеву свободной и преобразованной; республика поспешила выказать ему свою благодарность и вознаградить его за вынесенные им бедствия: в июне 1536 года он был возведен в звание женевского гражданина; республика принесла ему в дар дом, где некогда жил генеральный викарий, и назначила ему пенсию в двести золотых экю на все время его пребывания в Женеве. В 1537 году он был выбран членом Совета Двухсот.

Боннивар продолжал служить на пользу своих сограждан: позднее, после того, как он помог Женеве стать свободной, ему удалось также сделать ее веротерпимой. Боннивар убедил Совет предоставить духовенству и крестьянам достаточно времени для обсуждения сделанных им предложений; он достиг цели своей мягкостью; для того, чтобы успешно проповедовать христианство, нужно действовать любовью и кротостью.

Боннивар был ученым; его рукописи, сохраняющиеся в публичной библиотеке, доказывают, что он хорошо знал латинских классиков, а также обладал обширной эрудицией в области богословия и истории. Этот великий человек любил науку и полагал, что она может составить славу Женевы; поэтому он всячески старался насадить ее в городе, начавшем жить самостоятельно. В 1551 году он подарил городу свою библиотеку и положил этим основание нашей публичной библиотеке; книги Боннивара и составляют часть редких прекрасных изданий XV века, имеющихся в нашем собрании. Наконец, в том же году этот истинный патриот назначил республику своей наследницей, под условием, что она употребит его состояние на содержание коллежа, основание которого проектировалось тогда.

Боннивар умер, по всей вероятности, в 1570 году, но точно установить дату его смерти нельзя, потому что в списках умерших есть пробел от июля 1570 года до 1571-го».

*Жан Сенебьер, История женевской литературы,
(1786, 1, 131—137) ¹*

¹ Выдержка из Сенебьера у Байрона приведена по-французски.

Я сед, но не от долгих лет.
 И седина
 Не в ночь без сна
 Пришла, как страха быстрый след.
 Да, я разбит, но не трудом,
 А тяжким грузом праздных дней,
 Угас я в сумраке сыром.
 Моя судьба — судьба людей,
 Которым даже свет дневной
 Закрыт тюремною стеной.
 За верность своему отцу
 Я видел смерть лицом к лицу.
 Был на костре отец сожжен
 За то, что не отрекся он;
 И, верность вере не тая,
 Пошли в темницу сыновья.
 Нас было семь. Шесть молодых,
 Один старик. Наш род угас.
 Один живу из семерых,
 Гоненьями врагов гордясь.
 Мой брат окончил жизнь свою
 В огне, а два других — в бою.
 Их вера кровью скреплена,
 Отцом завещана она.
 В тюрьму нас бросили троих,—
 Лишь я один теперь в живых.

Шильон и мрачен, и суров.
 Там семь готических столбов
 Поддерживали свод сырой.
 На тех семи столбах порой
 Задерживался луч дневной.
 Сквозь трещину в глухой стене
 Он проникал в тюрьму ко мне
 И тускло на полу сыром
 Мелькал болотным огоньком.
 Там семь колец в семи столбах,
 В семи стальных цепях — замки,
 И до сих пор сидят в руках
 Цепей железные клыки.
 Останутся следы цепей
 До окончанья долгих дней.

Невыносимы эти дни,
Без солнца тянутся они,
И потерял я счет годам
С тех пор, как брат мой умер там,
И рядом я во тьме сырой
Лежал, теперь один живой.

3

Прикованы к своим столбам,
Мы все втроем томились там,
Но каждый был один в тюрьме:
Ведь в этой бледной полутьме
Нам было шагу не ступить,
Любимых лиц не различить.
Пусть руки скованы в цепях:
Свобода в любящих сердцах!
В темнице каменной одна
Была отрада нам дана:
Любимым голосам внимать.
И мы друг друга ободрять
Старались песней боевой,
Легендой старины седой.
Но звуки, несшие покой,
С годами стали холодны,
Печали сделались полны
И стали отзвуком тюрьмы,
И в голосах охрипших мы
Переставали слышать вдруг
Свободный и знакомый звук.

4

Я старшим был из нас троих.
Старался я по мере сил,
Чтоб дух свободы в каждом жил,
Приободрять стремился их.
Отца любимец, младший брат,
Мне мать лицом напоминал.
Когда ко мне он устремлял
Лазоревый, как небо, взгляд,
Щемило сердце от тоски:
Такой птенец попал в силки!
Прекрасней дня он был для нас.
(Дня, что сияет каждый час
Степному вольному орлу.)

Полярный день увидит мглу
Лишь осенью, когда закат
Придет. Был добрым младший брат,
В душе веселость сохранял.
Он плакал только о других,
Когда видал несчастья их.
Струились слезы с бледных щек,
Как светлый горный ручеек,—
Так утолял печали он,
Слезами сам слегка смущен.

5

Второй товарищ мой и брат
Был смелый воин и солдат.
Душой и телом закален,
Мог в битве с целым миром он
Отважным быть,— но здесь, в цепях,
Он от тоски хирел и чах.
Я чувствовал, как цепи звон
Совсем сводил его с ума.
Томила и меня тюрьма,
Но я старался вызвать в нем
Воспоминанья о былом.
Он был охотником в горах,
Он бил оленей и волков.
Не знал он, что такое страх,
Но здесь не мог снести оков.

6

Плескало озеро Леман
Тяжелой массой темных вод;
Глубок тюрьмы Шильонской свод,
И отдавался плеск волны
У белой боевой стены;
Суровый склеп живым был дан.
И под рокочущей волной
Томились мы в тюрьме двойной:
За озером и за стеной.
И, заживо погребены,
Слыхали грозный рев волны.
В уединении тюрьмы
Всегда я знал приход зимы:
Резвились ветры в вышине,
И гром в горах был слышен мне.

Казалось: в грохоте скала
На нас обрушиться могла,
Но это не пугало нас:
Пусть волю даст хоть смертный час.

7

Мой средний брат все увядал,
Все духом он ослабевал.
Еду не трогал много дней,
Хотя в горах он ел скудней.
Брат скромн был и терпелив
И в пище был неприхотлив.
Терпел он многое легко;
Нам не давали молоко,
А хлеб, безвкусный и сухой,
Смочить могли мы лишь слезой,—
Все узники жуют такой
С тех пор, как стал закон знаком:
Держать друг друга под замком.
Не голод тут его сломил:
Брат молод был и полон сил,
Но в столь тяжелый мрачный час
И во дворце бы он угас,
Когда бы кто-нибудь стеснял
Свободу сына диких скал...
Со мной он рядом умирал,
Я это видел — и не мог
Я вырвать из кольца замок,
Чтоб руки хладные пожать,
Затылок брату поддержать...
Я рвался тщетно. Умер брат,
И сторожа пришли в тюрьму,
И груз цепей с него был снят,
Могила вырыта ему.
Молил я их лишь об одном:
Зарыть его туда, где днем
Ему бы солнца луч светил.
То крик души безумной был:
Казалось мне, что смрад сырой
Ему не даст познать покой.
Но я напрасно их молил:
Мне только смех ответом был.
Могилу вырыли в тюрьме,
Все в той же сырости, во тьме,

А блеск оставленных цепей —
Убийцам памятник на ней.

8

Другой, надежда всей семьи,
Едва начавший дни свои,
Покойной матери портрет,
Любимец общий с юных лет;
О нем тревожился отец,
Когда предчувствовал конец.
Я жить хотел лишь для того,
Чтоб участь облегчить его;
Он, с кроткой юною душой
Переносящий жребий свой,
Стал увядающим цветком
С засохшим желтым стебельком.
Всегда ужасен смерти вид,
Всегда нам жилы леденит.
Так жутко видеть смертный час;
Его видал я много раз.
В волнах видал я смерть пловца,
Он бился с бурей до конца.
Видал я лихорадки жар,
Предсмертный бред, греха кошмар.
Но там был ужас, здесь — тоска
Из-за того, что смерть близка.
Он угасал, он уходил,
Он был так нежен, хрупок, мил,
И как о том он горевал,
Кого навеки покидал!
Румянец нежный юных щек
С самою смертью спорить мог,
Но стал он таять на щеках,
Как радуга на небесах.
Глаза сверкали блеском так,
Что отступал тюремный мрак.
Но брат не жаловался, нет,
Что гибнет он во цвете лет.
Пытался он меня отвлечь:
Все заводил о прошлом речь.
А я молчаньем был объят
Перед тягчайшей из утрат.
Но всё слова ему трудней
Давались, — смолк и лязг цепей,

Дыханье сделалось слабей...
Я слушал — услышать не мог,
Позвал — и страх мне душу жег.
Я знал: надежды никакой,
И я опять позвал с тоской,
И показалось: в тишине
Какой-то шум ответил мне.
Я рву с натугой цепь свою, —
Но брата я не застаю!
Лишь я под сводами стою,
Лишь я дышу, лишь мне темно...
Теперь порвалось и оно,
В цепи последнее звено,
Которое еще с землей
Соединяло жребий мой.
Лишь я живу, тоской объят,
А братья беспробудно спят,
Я руку взял его. Моей
Она была не холодной.
Я без движения стоял.
Что жив, я смутно сознавал.
Как страшно оставаться жить,
Когда былого рвется нить
И в жизни нечего хранить!
 Но я дышал
 И смерть не звал.
Велела вера мне терпеть
И запрещала умереть.

9

Что сделалось со мной потом?
Ум помутился у меня,
И я не различал кругом
Ни тьмы, ни блеска дня.
Я ничего не признавал,
Среди камней я камнем стал,
Бесчувственным, как та скала,
Что даже мхом не обросла.
Все серая покрыла тень —
Была не ночь, но и не день,
И не привычный полумрак,
Который надоел мне так.
Все поглотилось пустотой,
Недвижностью и немотой.

Ни звезд — ни солнца — ни тепла —
Ни стужи — ни добра — ни зла,
Одно молчание вокруг,
Не жизни и не смерти звук,
Лишь море жалкой пустоты
И неподвижной немоты.

10

Послышался какой-то звук:
То птички песенка была.
Потом она умолкла вдруг
И вновь свой щебет начала.
Я лучше пенья не слышал...
Я поднял взор — и не узнал
Давно привычного жилья.
Но вот опять очнулся я,
Увидел стены, пол сырой
И своды замка над собой,
И света луч, знакомый мне,
Проник сквозь трещину в стене,
И в блеске яркого луча
Сидела птичка, щебеча,
Светлей приветливого дня.
Был голубым ее наряд,
И столько песенок подряд
Она пропела для меня!
Восторг мне сердце наполнял:
Таких я птичек не видал.
Как был я благодарен ей:
Когда лишился я друзей,
Она явилась, чтобы вновь
Вернуть мне радость и любовь.
Не знаю, кто была она,
Была ль она летать вольна,
Пришлось ли из тюрьмы другой
Сперва освободиться ей,
Чтобы с участливой душой
К темнице прилететь моей?
А может быть, покинув рай,
Она явилась в мрачный край?
Быть может, брат покойный мой,
Переменивший облик свой,
Хотел мне слезы осушить
И к новой жизни пробудить?

Но нет, меня не смог бы брат
Два раза покидать подряд,
Чтоб стал я дважды одинок.
Нет, брат мой не был так жесток.
Остался я в глухих стенах
Один, как туча в небесах,
Как туча в яркий летний день,
Когда прекрасен небосвод,
А солнце зной на землю шлет,
И лишь одна она плывет,
На все набрасывая тень.

11

Меня тюремщики без слов
Освободили от оков.
При виде всей семьи конца
Им жалость тронула сердца
(А между тем, в былые дни
Не знали жалости они).
Теперь по камере я мог
Бродить и вдоль, и поперек.
Вдоль стен я медленно шагал,
Тюрьму шагами измерял;
Потом в порядке шел другом,
Колонны обходя кругом.
Я только избегал ступать
Туда, где братья вечно спать
Обречены холодным сном,
А если — ночью или днем —
Случайно я туда ступал,
Мне ужас душу наполнял.

12

Ступеньку я в стене пробил,
На волю не стремясь ничуть:
Ведь те, которых я любил,
Земной свой завершили путь.
Весь мир мне стал бы лишь второй,
Хоть и обширной, но тюрьмой.
Ни близких сердцу, ни семьи —
Зачем влачить мне дни свои?
Нет, мне свобода не нужна.
Мечтал я только до окна
Вскарабкаться когда-нибудь:

Мечтал в последний раз взглянуть
На цепь моих любимых гор
И на стремительный простор.

13

Меня состарили года,
А все осталось, как всегда:
Тысячелетние снега,
Гладь озера, за ним луга
И синей Роны берега.
Я слышал, как поток рычал,
Прорвавшись сквозь теснины скал,
Я видел город вдалеке
И белый парус на реке;
Мне улыбнулся островок,
Который был так одиноко
От берегов вдали.
Он не был шире и длинней,
Чем твердый пол тюрьмы моей,
На нем росли три деревца,
И свежий ветер без конца
Шептался с ним. Речной поток
Всегда его проведать мог,
И там цветы росли.
А в речке — было видно мне —
Резвились рыбы в глубине.
Орел стрелою в воздух взмыл
И в вольных небесах парил,
Как будто звал меня с собой...
И подавился я слезой:
Решетка черная в окне...
Мне не сойти бы по стене,
Когда бы цепь была на мне.
Опять угрюмая тюрьма,
И снова эта полутьма,
От слез и солнца я ослеп,
Спустившись в свой привычный склеп,
Но я теперь был даже рад
Вновь ощутить привычный смрад.

14

Шли годы, месяцы иль дни, —
Не знаю, я их не считал,
Надежды не несли они,

И взора я не поднимал.
И вдруг — не знаю, почему, —
Открылась мне на волю дверь,
Пришел народ в мою тюрьму.
Мне было все равно теперь, —
Пускай меня освободят,
Но я нисколько не был рад.
Я к одиночеству привык,
Я понял в этот грустный миг,
Что полюбил свою тюрьму,
И сырость в ней, и полутьму.
Мне показалось: отчий дом
Я покидаю, где знаком
Рисунок трещин на стене.
Привыкли пауки ко мне,
И за мышами при луне
Привык я молча наблюдать:
Мне не хотелось их пугать,
И в полусумраке тюрьмы
С мышами в мире жили мы;
И я привык к своим цепям,
Со временем привычно нам
Все-все становится. И я
Свободу принял, вздох тая.

1816

КАИН

МИСТЕРИЯ (В ОТРЫВКАХ)

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Местность близ рая. Восход солнца.

Адам, Ева, Каин, Авель, Ада, Зилла — на молитве.

Адам

Иего́ва, вечный, мудрый, бесконечный!
Ты, кто воззвал единым мощным словом
Из мрака свет, — хвала тебе и слава!
На утре дня — хвала тебе и слава!

Ева

Иего́ва! Ты, кто дал нам день, и утро
Впервые отделил от тьмы, и воды
С водами разлучил, и назвал небом
Твердь между вод, — хвала тебе и слава!

Авель

Иего́ва! Ты, кто разделил стихии
На землю, воду, воздух и огонь,
Кто, сотворив светила дня и ночи,
Создал и тех, которые могли бы
Любить тебя, любить твои созданья
И ликовать, — хвала, хвала тебе!

Ада

Иего́ва, бог! Отец всей сущей твари,
Создавший человека всех прекрасней,
Достойней всех земной любви, дозво́ль мне
Любить его! Хвала, хвала тебе!

Зилла

Иего́ва! Ты, кто, все благословляя,
Все сотворив и все любя, дозволил
Войти в Эдем и погубить нас змию, —
Храни нас впредь! Хвала тебе и слава!

Адам

Мой первенец, а что же ты молчишь?

Каин

Что делать мне?

Адам

Молись.

Каин

Ведь вы молились.

Адам

От всей души.

Каин

И громко: я вас слышал.

Адам

Как и творец, надеюсь я.

Авель

Аминь.

Адам

Но ты молчишь, сын Каин.

Каин

Это лучше.

Адам

Скажи ясней.

Каин

Мне не о чем молиться.

Адам

И не за что быть благодарным?

Каин

Нет.

Адам

Но ты живешь?

Каин

Чтоб умереть.

Ева

О горе!

Плод дерева запрещенного созрел.

Адам

И мы опять должны его вкусить.
Зачем, о боже, дал ты дерево знания?

Каин

Зачем ты не вкусил от дерева жизни?
Тогда б он не страшил тебя.

Адам

О Каин!

Не богохульствуй: это речи змия.

Каин

Что ж, змий не лгал! Дало же древо знание;
Другое — жизнь дала бы. Жизнь есть благо.
И знание есть благо. Как же может
Быть злом добро?

Ева

Мой сын, ты говоришь,
Как я, свершая грех свой, говорила:
Не дай его мне видеть возрожденным
В твоём грехе. Я примирилась с небом.
Не дай мне зреть здесь, за воротами рая,
Свое дитя в той сети, что сгубила
В раю его родителей. Доволен
Будь тем, что есть: довольствуйся мы раем,
И ты б теперь доволен был. О сын мой!

Адам

Молитва наша кончена, идемте
К своим трудам урочным, не тяжелым,
Но все ж необходимым: нивы щедро
Нам воздают за малый труд.

Ева

Сын Каин,

Смотри, как он покорен и как бодр:
Бери пример.

Адам и Ева уходят.

Авель

Брат, не гневи печалью
Предвечного: печаль бесплодна.

Ада

Каин,

Ты и на Аду хмуришься?

Каин

Нет, Ада!

Но я один побуду. Авель, мне
Не по себе; но это ненадолго.
Иди же, брат. И вы идите, сестры.
Не должно нежность грубостью встречать:
Я буду вслед за вами.

Ада

Если ж нет,
Я за тобой вернусь сюда.

Авель

Да будет
Мир над тобою, брат!

Авель, Зилла и Ада уходят.

Каин (один)

И это жизнь!
Трудись, трудись! Но почему я должен
Трудиться? Потому, что мой отец
Утратил рай. Но в чем же я виновен?
В те дни я не рожден был — не стремился
Рожденным быть, — родившись, не люблю
Того, что мне дало рождение.
Зачем он уступил жене и змию?
А уступив, за что страдает? Древо
Росло в раю и было так прекрасно!
Кто ж должен был им пользоваться? Если
Не он, так для чего оно росло
Вблизи его? У них на все вопросы
Один ответ: «Его святая воля.
А он есть благ». Всесилен, так и благ?
Зачем же благость эта наказует
Меня за грех родителей?

Но кто-то

Идет сюда. По виду это ангел,
Хотя он и суровой и печальной,
Чем ангелы: он мне внушает страх.
Он не страшнее тех, что потрясают
Горящими мечами пред вратами,
Вокруг которых часто я скитаюсь,
Чтоб на свое законное наследье —
На райский сад — взглянуть хотя бы мельком,
Скитаюсь до поры, пока не скроет
Ночная тьма Эдема и бессмертных
Эдемских насаждений, осенивших
Зубцы твердынь, хранимых грозной стражей;
Я не дрожал при виде херувимов,
Так отчего ж я с трепетом встречаю
Того, кто приближается? Он смотрит
Величественней ангелов: он так же
Прекрасен, как бесплотные, но, мнится,
Не столь прекрасен, как когда-то был
Иль мог бы быть: скорбь кажется мне частью
Его души, хотя доступна ль скорбь
Для ангелов? Но он подходит.

Люцифер (*приближаясь*)

Смертный!

Каин

Кто ты, о дух?

Люцифер

Я повелитель духов.

Каин

Но если так, зачем ты их покинул
Для смертного?

Люцифер

Я знаю мысли смертных.
Я сострадаю смертным.

Каин

Как! Ты знаешь,
Что мыслю я?

Люцифер

Да, это мысли всех
Достойных мысли; это говорит в вас
Бессмертие.

Каин

Бессмертие? О нем
Не знаем мы: безумием Адама
Мы лишены плодов от древа жизни,
Меж тем как мать вкусила слишком рано
Плода от древа знания — нашей смерти.

Люцифер

Ты будешь жить, не верь им.

Каин

Я живу,
Но лишь затем, чтоб умереть, и в жизни
Я ничего не вижу, что могло бы
Смерть сделать ненавистною мне, кроме
Врожденной нам привязанности к жизни,
Презренной, но ничем не победимой:
Живя, я проклинаяю час рожденья
И презираю самого себя.

Люцифер

Но ты живешь и будешь жить: не думай,
Что прах земной, что плоть твоя есть сущность.
Прах твой умрет, а ты вовек пребудешь
Тем, чем ты был.

Каин

Чем был? Но и не больше?

Люцифер

Быть может, ты подобен будешь нам.

Каин

А вы?

Люцифер

Мы вечны.

Каин

Счастливы?

Люцифер

Могучи.

Каин

Я говорю: вы счастливы?

Люцифер

Мы — нет.

А ты?

Каин

Взгляни!

Люцифер

О жалкий прах! Ты смеешь
Считать себя несчастным?

Каин

Я несчастен.
А ты с твоим могуществом — кто ты?

Люцифер

Тот, кто дерзал с твоим творцом равняться
И кто тебя таким не сотворил бы.

Каин

Да, ты глядишь почти что богом. Ты...

Люцифер

Но я не бог и, не достигнув бога,
Хочу одно: самим собой остаться.
Он победил — пусть царствует!

Каин

Кто — он?

Люцифер

Творец земли, творец людей...

Каин

И неба,

И сущего на небе. Так поют
Архангелы, так говорит родитель.

Люцифер

Они поют и говорят лишь то,
Что им велят. Их устрашает участь
Быть в мире тем, чем мы с тобою стали:
Ты — меж людей, я — меж бессмертных духов.

Каин

А мы с тобой — кто мы?

Люцифер

Мы существа,
Дерзнувшие сознать свое бессмертье,
Взглянуть в лицо всемогущему тирану,
Сказать ему, что зло не есть добро.
Он говорит, что создал нас с тобою. —
Я этого не знаю и не верю,
Что это так, — но, если он нас создал,

Он нас не уничтожит: мы бессмертны!
Он должен был бессмертными создать нас,
Чтоб мучить нас: пусть мучит! Он велик,
Но он в своем величии несчастней,
Чем мы в борьбе. Зло не рождает благо,
А он родит одно лишь зло. Но пусть
Он на своем престоле величавом
Творит миры, чтоб облегчить себе
Ни с кем не разделенное бессмертье,
Пусть громоздит на звезды звезды, все же
Он одинок, тиран бессмертный. Если б
Он самого себя мог уничтожить,
То это был бы лучший дар из всех
Его даров. Но пусть царит, пусть страждет!
Мы, духи, с вами, смертными, мы можем
Хоть сострадать друг другу, мы, терзаясь,
Мучения друг другу облегчаем
Сочувствием: оно весь мир связует;
Но он! в своем величии несчастный,
В несчастье не знающий отрады,
Он лишь творит, чтоб без конца творить!

Каин

Ты говоришь о том, что хоть неясно,
Но уж давно в моем уме носилось:
Я никогда не мог согласовать
Того, что видел, с тем, что говорят мне.
Мать и отец толкуют мне о змие,
О древе; о плодах его; я вижу
Врата того, что было их Эдемом,
И ангелов с палящими мечами,
Изгнавших нас из рая; я томлюсь
В трудах и думах; чувствую, что в мире
Ничтожен я, меж тем как мысль моя
Сильна, как бог! Но я молчал, я думал,
Что я один страдаю. Мой отец
Давно смирился; в матери угасла
Та искра, что влекла ее к познанию;
Брат бдит стада и совершает жертвы
Из первенцев от этих стад тому,
Кто повелел, чтоб нам земля давала
Плоды лишь за тяжелый труд; сестра
Поет ему хвалы еще до солнца,

И даже Ада, сердцу моему
Столь близкая, не понимает мыслей,
Меня гнетущих; я еще не встретил
Ни в ком себе сочувствия! Тем лучше:
Я с духами в сообщество вступлю.

Люцифер

Ты этого сообщества достоин.
Иначе ты не видел бы меня:
Довольно было б змня.

Каин

А! Так это
Ты соблазнитель матери?

Люцифер

Ничем,
Помимо правды, я не соблазняю.
Ведь вы вкусили знания, ведь были
Плоды на древе жизни? Разве я
Давал запрет вкушать от них? И я ли
Растил плоды запретные к соблазну
Существ, душой невинных, любопытных
В своей святой невинности? Я б создал
Богами вас, а он лишил вас рая,
«Чтоб вы от древа жизни не вкусили
И не были, как боги». — Таковы
Его слова.

Каин

Ты прав. Я это слышал.
От тех, кому они звучали в громе.

Люцифер

Так кто ж злой дух? Тот, кто лишил вас жизни,
Иль тот, кто вам хотел дать жизнь, и радость,
И знание?

Каин

Им нужно было оба
Сорвать плода иль не срывать совсем.

Люцифер

Один уж ваш; стремитесь к другому.

Каин

Но как?

Люцифер

Сопротивляясь. Угасить
Ничто не может духа, если хочет
Дух быть самим собой и средоточьем
Всего, что окружает дух; он создан,
Чтоб царствовать.

Каин

Не ты ли соблазнил
Отца и мать?

Люцифер

Я? Жалкий прах! Зачем мне
Вас соблазнять? И как?

Каин

Мне говорили,
Что змий был дух.

Люцифер

Кто это говорит?
Не жалкое ль тщеславье человека,
Что силится свалить свое паденье
На нас, на духов? Змий был змий, не больше,
Но и не меньше тех, что соблазнились.
Он тоже прах, но он мудрее их,

Затем что победил их. Разве стал бы
Я принимать подобье смертной твари?

Каин

Но тварь в себе скрывала злого духа.

Люцифер

Нет, тварь его лишь разбудила в тех,
С кем говорил язык ее коварный.
Я говорю, что змий был только змий:
Спроси у херувимов, стерегущих
Запретный плод. Когда века веков
Пройдут над вашим прахом безглагольным,
Потомки ваши баснею украсят
Ваш первый грех и мне припишут образ,
Который презираю я, как все,
Что пред творцом склоняется, создавшим
Все сущее в живых для поклоненья
Перед его бессмертием угрюмым.
Но мы — мы знаем истину и станем
Провозглашать лишь истину. Адам
Пленен был пресмыкающейся тварью.
Но дух не пресмыкается: чему
Завидовать в пределах тесных рая
Владыке беспредельного пространства?
Но я с тобою речь веду о том,
Чего ты, несмотря на древо знания,
Не можешь знать.

Каин

Но укажи мне то,
Чего я не хотел бы знать, не жаждал?

Люцифер

Дерзаеть ты взглянуть на смерть?

Каин

Никто еще не видел.

Ее

Люцифер

Испытать же
Придется всем.

Каин

Отец мой говорит
О ней, как о чудовище; мать плачет
При слове «смерть»; брат Авель к небесам
Возводит очи; Зилла потупляет
Свои к земле, шепча молитву; Ада
Глядит в мои.

Люцифер

А ты?

Каин

Когда я слышу
Об этой всемогущей и, как видно,
Ничем не отвратимой смерти, думы
Несметные в моем уме теснятся
И жгут его. Возможно ль с ней бороться?
Я мальчишкой со львом боролся в играх
И так сжимал в объятиях его,
Что он ревел и обращался в бегство.

Люцифер

Смерть не имеет образа, но все,
Что носит вид земных существ, поглотит.

Каин

Я смерть считал за существо. Что может
Столь злостным быть, помимо существа?

Люцифер

Спроси у разрушителя.

Каин

Какого?

Люцифер

Иль у творца — зови его, как хочешь,
Ведь он творит затем, чтоб разрушать.

Каин

Я этого не знал еще, но думал
Почти что то же самое, как только
Я услышал о смерти. Я не знаю,
Что значит смерть, но смерть мне представлялась
Всегда ужасным чем-то. Я нередко
Вперял свой взор во тьму пустынной ночи,
Ища ее; я видел чьи-то тени
У райских стен, во мраке, где пылают
Мечи в деснице ангелов, и жадно
Следил за тем, что мне казалось смертью,
Весь трепеща от страха и желанья
Увидеть то, пред чем мы все трепещем,
Но мрак был пуст, и я свой взор усталый
От стен родного рая отвращал
К светилам горним, к синему эфиру,
К его огням, столь нежным и прекрасным,
Ужели и они умрут?

Люцифер

Быть может;
Но надолго вас всех переживут.

Каин

Я рад. Но смерть! Смерть мне внушает трепет,
Она есть нечто грозное: но что же?
Она нам всем, виновным и невинным,
Как зло была объявлена: какое?

Люцифер

Вновь прахом стать.

Каин

Стать неподвижным прахом
Еще не зло: но только бы не быть
Ничем иным!

Люцифер

Презренное желанье!
Презренней, чем желания Адама:
Тот хоть стремился к знанью.

Каин

Но не к жизни;
Иначе почему он не вкусил
От древа жизни?

Люцифер

Изгнан был из рая.

Каин

Ужасная ошибка! Он был должен
Сперва сорвать плод жизни, но, не зная
Добра и зла, не ведал он и смерти.
Увы! Я смерть узнал еще так мало,
Но уж страшусь. . того, чего не знаю.

Люцифер

А я, познавший все, уж не страшусь
Ни перед чем. Вот истинное знание.

Каин

Наставь меня.

Люцифер

С условием.

Каин

Каким?

Люцифер

Пади и поклонись мне, как владыке.

Каин

Ты разве бог?

Люцифер

Не бог.

Каин

Так равный богу?

Люцифер

О нет, я не имею ничего
С ним общего — и не скорблю об этом.
Я соглашусь быть чем угодно — выше
Иль даже ниже — только не слугою
Могущества Иеговы. Я не бог,
Но я велик: немало тех, что сердцем
Чтут власть мою, — их будут сонмы: будь же
Из первых — ты.

Каин

Я никогда еще
Пред божеством отца не преклонялся,
Хотя нередко Авель умоляет,
Чтоб мы свершали жертвы богу вместе.
Зачем же мне склоняться пред тобой?

Люцифер

Ты никогда пред ним не преклонялся?

Каин

Ты разве не слышал меня? И разве
Ты сам не знал об этом? Ты всеведущ.

Люцифер

Но непоклонник бога — мой поклонник.

Каин

Я не хочу сгибаться ни пред кем.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Бездна пространства

.....

Каин

О, как мы рассекаем воздух! Звезды
Скрываются от наших глаз! Земля!
Где ты, Земля? Дай мне взглянуть на Землю.
Я сын ее.

Люцифер

Земли уже не видно.
Пред вечностью она гораздо меньше,
Чем ты пред ней. Но ты с Землею связан
И скоро к ней вернешься. Прах земной —
Часть нашего бессмертия.

Каин

Куда же
Лежит наш путь?

Люцифер

К тому, что только призрак
Былых миров. Земля же их обломок.

Каин

Так мир не нов?

Люцифер

Не более чем жизнь.
А жизнь древней, чем ты, чем я, и даже
Древней того, что выше нас с тобою.
Есть многое, что никогда не будет
Иметь конца; а то, что домогалось
Считаться не имеющим начала,
Имеет столь же низкое, как ты;
И многое великое погибло,
Чтоб место дать ничтожному — такому,
Что и помыслить трудно, ибо в мире
Лишь время и пространство неизменны,
Хотя и перемены только праху
Приносят смерть. Ты — прах, ты не постигнешь
Того, что выше праха, и увидишь
Лишь то, что было прахом.

Каин

Только прахом!
Но я дерзну взглянуть на все, что хочешь.

Люцифер

Тогда — вперед!

Каин

Как быстро меркнут звезды!
А ведь они казались мне мирами,
Когда мы приближались к ним.

Люцифер

И есть миры. Они

Каин

И есть на них эдемы?

Люцифер

Быть может, есть.

Каин

И люди?

Люцифер

Есть и люди.

Иль существа, что выше их.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Царство смерти

.....

Каин

Зачем я существую?

И почему несчастен ты и все,
Что существует в мире, все несчастно?
Ведь даже тот, кто создал всех несчастных,
Не может быть счастливым: созидать,
Чтоб разрушать,— печальный труд! Родитель
Нам говорит: он всемогущ — зачем же
Есть в мире зло? Об этом много раз
Я спрашивал отца, и он ответил,
Что это зло — лишь путь к добру. Ужасный
И странный путь! Я видел, как ягненка
Ужалил гад: он извивался в муках.
А подле matka жалобно блеяла;
Тогда отец нарвал и положил
Каких-то трав на рану, и ягненок,
До этого беспомощный и жалкий,
Стал возвращаться к жизни понемногу
И скоро уж беспечно припадал
К сосцам своей обрадованной матки,
А та, вся трепеща, его лизала.
Смотри, мой сын, сказал Адам, как зло
Родит добро.

Люцифер

Что ж ты ему ответил?

Каин

Я промолчал, — ведь он отец мой, — только
Тогда ж подумал: лучше бы ягненку
Совсем не быть ужаленным змеею,
Чем возвратиться к жизни, столь короткой,
Ценою мук.

.

Каин

Высокомерный дух!
Ты властен, да; но есть и над тобою
Владыка.

Люцифер

Нет! Клянуся небом, где
Лишь *он* царит! Клянуся бездной, сонмом
Миров и жизней, *нам* подвластных, — нет!
Он победитель мой, но не владыка,
Весь мир пред ним трепещет, но не я!
Я с ним в борьбе, как был в борьбе и прежде,
На небесах. И не устану вечно
Бороться с ним, и на весах борьбы
За миром мир, светило за светилом,
Вселенная за новою вселенной
Должна дрожать, пока не прекратится
Великая нещадная борьба. . . .
Доколе не погибнет Адонаи
Иль враг его. Но разве это будет?
Как угасить бессмертие и нашу
Вовек неугасимую вражду?
Он победил, и тот, кто побежден им,
Тот назван злом: но благ ли победивший?
Когда бы *мне* досталась победа,
Злом был бы *он*. Вот вас, еще недавно
Пришедших в мир, еще столь юных смертных,
Какими одарил он вас дарами?

Каин

Немногими — и горькими.

Люцифер

Вернись же

К своей Земле, вкуси и остальных
Его небесных милостей. Даятель
Добра и зла не создал их такими,
Добро и зло суть сами по себе.
Но, если он дает добро,— зовите
Его благим; а если от него
Исходит зло, то изыщите первый
Источник зла; не говорите: это
Свершил злой дух. Один лишь добрый дар
Дало вам древо знания — ваш разум;
Так пусть он не трепещет грозных слов
Тирана, принуждающего верить
Наперекор и чувству и рассудку.
Терпи и мысли — созидай в себе
Мир внутренний, чтоб внешнего не видеть
Сломи в себе земное естество
И приобщись к духовному началу!

Исчезают.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Местность близ Эдема

Ада

Иди тихонько, Каин.

Каин

Хорошо.

Но почему?

Ада

Вон там под кипарисом
Спит на листе наш малячик.

Каин

Кипарис!

Угрюмый он, зачем ты положила
Под ним дитя? Он смотрит так, как будто
Оплакивает то, что осеняет.

Ада

Но он ветвист, под ним темно, как ночью.
Он точно создан, чтобы охранять
От зноя спящих.

Каин

Спящих сном последним
И вечным. Но веди меня к Эноху.

Подходят к ребенку.

Как он красив! Как разгорелись щечки!
Румянец их не уступает розам,
Рассыпанным под ним.

Ада

А посмотри,
Как хорошо полураскрыл он губки!
Нет, не целуй; он скоро сам проснется,
Он выпался, но жаль будить!

Каин

Да, правда,

Я держусь пока от искушенья.
Он спит и улыбается! Спи мирно
И улыбайся, маленький наследник
Земли такой же юной, как ты сам!
Спи, улыбаясь! Ты переживаешь
Часы и дни невинности и счастья.
Ты не срывал запретного плода.
Не знаешь наготы своей. Настанет
И для тебя час кары за какой-то
Тяжелый грех, которого ни ты,
Ни я не совершали, но покуда

Спи безмятежно! Щечки раскраснелись,
Из-под ресниц трепещущих и темных,
Как кипарис, колеблемый над ним,
Просвечивает ясною лазурью
Дремотная улыбка... Спит и грезит —
О чем? О рае?.. Грезь о нем, мечтай,
Мой мальчик обездоленный! Он — греза:
Уж никогда и никому из смертных
Не быть в его обители блаженной!

Ада

Не сетуй, милый Каин, не тоскуй
О прошлом над малюткою! Что пользы
Весь век Эдем оплакивать? Ужели
Нельзя создать другого?

Каин

Где?

Ада

Где хочешь:

Раз ты со мной, я счастлива без рая,
Иль у меня нет мужа, нет малюток,
Родителя и брата, кроткой Зиллы
И матери, которой мы столь многим
Обязаны помимо жизни?

Каин

Смертью

Мы тоже ей обязаны.

Ада

О Каин!

Тот гордый дух, с которым ты ходил,
Тебя еще сильнее опечалил.
Я думала, что дивные виденья,
Которые тебе он обещал,
Тьмы тем миров, отживших и живущих,
Которые ты видел, успокоят,

Насытят ум твой знанием; но вижу,
Что дух принес одно лишь зло. И все же
Я благодарна духу и готова
Простить его за то, что ты вернулся
Так скоро к нам.

Каин

Так скоро?

Ада

Да, прошло
Лишь два часа с тех пор, как мы расстались,
Лишь два часа — по солнцу.

Каин

Я вблизи
Смотрел на это солнце, созерцал
Миры, что озарялись им когда-то,
Но никогда не озарятся больше,
И те миры, что солнечного света
Не ведали от века: мне казалось,
Что протекли года.

Ада

Едва часы...

Каин

Так, значит, дух наш время измеряет
Тем, что он видит: радость или скорбь,
Величье иль ничтожество; я видел
Деяния бессмертных, созерцал
Угасшие светила и, взирая
На вечное, участвовал, казалось,
И сам в его величии; теперь
Я снова — прах и снова понимаю,
Что я — ничто: дух истину сказал мне.

Ада

Нет, дух сказал неправду. Сам Иего́ва
Не говорил нам этого.

Каин

Но создал
Ничтожеством; он пома́нил нас раем,
Бессмертием, но сотворил из праха
И в прах вернет — скажи, за что?

Ада

Ты знаешь,
За грех отца.

Каин

А мы — в чем *мы* виновны?
Он согрешил — пусть *он* и умирает.

Ада

Нехорошо сказал ты: это мысли
Того, кто был с тобой, а не твои.
Я умереть готова — лишь бы жили
Отец и мать.

Каин

Да, если б можно было
Насытить этой жертвой Ненасытность,
И если б этот мирно спящий крошка
И те, что от него произойдут,
Не испытали смерти и страданий.

Ада

Как знать, не будет ли когда-нибудь
Такою искупительною жертвой .
Спасен весь род Адама?

Каин

Искупленье!

Но в чем мы виноваты? Почему
Я должен пасть за грех, не мной свершенный,
Иль от другого жертвы ждать за этот
Таинственный и безыменный грех,
Весь состоявший только в жажде знания?

Ада

Увы! Ты говоришь, что ты не грешен,
А сам грешишь: твои слова — кощунство.

Каин

Тогда оставь меня.

Ада

О, никогда,
Хотя бы сам творец тебя оставил!

Каин

А это что такое?

Ада

Алтари,
Воздвигнутые Авелем. Он хочет
Свершить с тобою жертву.

Каин

Алтари!

А кто ему сказал, что я согласен
Делить его корыстные молитвы,
В которых вовсе нет благоговенья,
А есть лишь страх? Мне алтаря не нужно,
Мне нечего сжигать на нем.

Ада

Но богу

Всяк дар угоден, если этот дар
Приносится с душевным сокрушением
И кротостью: сожги цветы, плоды...

Каин

Я сеял, рыл, я был в поту, согласно
Проклятию; но что еще мне делать?
Смиранным быть — среди борьбы с стихией
За мой насущный хлеб? Быть благодарным
За то, что я во прахе пресмыкаюсь,
Зане я прах и превращусь во прах?
Что я? Ничто. И я за это должен
Ханжою быть и делать вид, что очень
Доволен мукой? Каяться, но в чем?
В грехе отца? Но этот грех давно уж
Искуплен тем, что претерпели мы,
И выше всякой меры искупится
Веками мук, предсказанных в проклятье.
Он сладко спит, мой мальчик, и не знает,
Что в нем одном — зачатки вечной скорби
Для мириад сынов его!

.

Входит Авель.
Ада уходит с ребенком.

Авель

Где ты был?

Каин

Не знаю.

Авель

Как? Но, может быть, ты знаешь,
Что видел ты?

Каин

Бессмертие и смерть,
Безмерность и величие пространства.

Тьму тем миров, отживших и живущих,
Вихрь стольких ослепляющих миров,
Солнц, лун и звезд, в их громозвучных сферах,
Что я к беседе с смертным не способен;
Оставь меня.

Авель

Твое лицо пылает,
Твои глаза сверкают странным блеском,
Твои слова звучат необычайно.
Скажи, что это значит?

Каин

Это значит...
Прошу тебя, оставь меня!

Авель

Не прежде,
Чем мы с тобой помолимся творцу
И совершим пред ним сожженье.

Каин

Авель,
Прошу тебя — сверши его один.
Тебя Иегова любит.

Авель

Я надеюсь,
Обоих нас.

Каин

Но более тебя.
Я не смущаюсь этим, ты достойный
Слуга творца, — так и служи ему,
Но без меня.

Авель

Я был бы нечестивый
Сын нашего великого отца,

Когда б не почитал тебя, как младший;
И не просил тебя пред алтарем
Главенствовать, как старшего.

Каин

Но я
Главенства никогда не домогался.

Авель

Тем мне грустней. Не откажи хоть нынче
Принять его: твоя душа томится
Под гнетом наваждения; молитва
Тебя бы успокоила.

Каин

Нет, Авель.
Ничто не даст душе моей покоя,
Да я и никогда со дня рожденья
Не знал его. Уйди, оставь меня,
Иль я уйду, чтоб не мешать тебе
Идти к своей благочестивой цели.

Авель

Нет, мы должны идти к ней неразлучно.
Молю тебя об этом!

Каин

Я согласен.
Что нужно делать?

Авель

Выбери один
Из алтарей.

Каин

Но я доволен буду
Любым из них: я вижу в них лишь камень
Да свежий дерн.

Авель

И все же нужно выбрать.

Каин

Я выбрал.

Авель

Этот? Он и подобает
Тебе как первородному: он выше.
Теперь готовь дары для всесожженья.

Каин

А где твои?

Авель

Вот первенцы от стад:
Смиренная пастушеская жертва.

Каин

Я не имею стад, я земледелец.
И возложу на жертвенник плоды —
То, чем земля мой труд вознаграждает.

Разводят на алтарях огонь.

Авель

Ты, брат, как старший, должен принести
Хвалу творцу и всесожженье первый.

Каин

Нет, ты начни — я в этом неискусен;
Я буду подражать тебе.

Авель (*преклоня колени*)

О боже!

Ты, кто вдохнул в нас дуновение жизни,
Кто создал нас, благословил и не дал
Погибнуть чадам грешного отца,
Которые погибли бы навеки,
Когда бы правосудие твое
Не умерялось благодатью твоей
К великим их неправдам! Боже вечный!
Даятель жизни, света и добра,
Единый вождь, ведущий все ко благу
Своею всемогущей, сокровенной,
Но непреложной благодатью! Прими
От первого из пастырей смиренных
Сих первенцев от первородных стад,
Дар, не достойный господя, ничтожный,
Как все пред ним ничтожно, но несомый
Как дань благодарения того,
Кто пред лицом твоих небес пресветлых,
Слагая жертву эту, повергает
Свой лик во прах, от коего он создан,
И воздает хвалу тебе — вовеки!

Каин (не преклоняя колен)

Дух для меня неведомый! Всесильный
И всеблагий — для тех, кто забывает
Зло дел твоих! Иегова на земле!
Бог в небесах, быть может, и другое
Носящий имя, ибо бесконечны
Твои дела и свойства! Если нужно
Мольбами ублажать тебя, прими их!
Прими и жертву, если нужно жертвой
Смягчить твой дух: два существа повергли
Их пред тобою. Если кровь ты любишь,
То вот алтарь дымящийся, облитый
Тебе в угоду кровью жертв, что тлеют
В кровавом фимиаме пред тобою.
А если и цветущие плоды,
Взлелеянные солнцем лучезарным,
И мой алтарь бескровный удостоишь
Ты милостью своею, то воззри
И из него. Тот, кто его украсил,
Есть только то, что сотворил ты сам,
И ничего не ищет, что дается
Ценой молитвы. Если дурен он,

Рази его — ведь ты могуч и властен
Над беззащитным! Если же он добр,
То пощади иль порази, как хочешь,
Затем, что все в твоих руках: ты даже
Зло именуешь благом, благо — злом,
И прав ли ты — кто знает? Я не призван
Судить о всемогуществе: ведь я
Не всемогущ — я раб твоих велений!

Огонь на жертвеннике Авеля разрастается в столб ослепительного
пламени и поднимается к небу; в то же время вихрь опрокидывает
жертвенник Каина и далеко раскидывает по земле плоды.

Авель (*коленипреклоненный*)

О брат, молись! Ты прогневил Иегову:
Он по земле твои плоды рассеял.

Каин

Земля дала, пусть и возьмет земля,
Чтоб возродить их семя к новой жизни.
Ты угодил кровавой жертвой больше:
Смотри, как небо жадно поглощает
Огонь и дым, насыщенные кровью.

Авель

Не думай обо мне: пока не поздно,
Готовь другую жертву для сожженья.

Каин

Я больше жертв не буду приносить
И не стерплю...

Авель (*вставая с колен*)

Брат! Что ты хочешь делать?

Каин

Низвергнуть в прах угодника неба,
Участника в твоих молитвах низких —

Твой жертвенник, залитый кровью агнцев,
Вскормленных и вспоенных для закланья.

Авель (*удерживая Каина*)

Не прибавляй безбожных дел к безбожным
Словам. Не тронь алтарь: он освящен
Божественной отрадою Иеговы,
Его благоволением.

Каин

Его!

Его отрадой! Так его отрада —
Чад алтарей, дымящихся от крови,
Страдания блеющих маток, муки
Их детищ, умиравших под твоим
Ножом благочестивым! Прочь с дороги!

Авель

Брат, отступись! Ты им не завладеешь
Насильственно; но если ты намерен
Для новой жертвы взять его — возьми.

Каин

Для жертвы? Прочь! Иль этой жертвой будет...

Авель

Что ты сказал?

Каин

Пусти! Пусти меня!
Твой бог до крови жаден, берегись же!
Пусти меня, не то она прольется!

Авель

А я во имя бога становлюсь
Меж алтарем священным и тобою;
Он господу угоден.

Каин

Если жизнью
Ты дорожишь, уйди и не мешай мне.
Иначе я...

Авель

Бог мне дороже жизни.

Каин (*поражая Авеля в висок головней, которую
схватил с жертвенника*)

Так пусть она и будет жертвой богу!
Он любит кровь.

1821

ВИДЕНИЕ СУДА

1

Апостол Петр сидел у райских врат.
Его ключи порядком заржавели:
Уж много дней и много лет подряд
Дремал святой привратник от безделья.
Ведь с яacobинской эры только ад
Пополнился: все грешники летели
Туда, — а у чертей — я сам слышал! —
Был, как матросы говорят, аврал!

2

Хор ангелов, нестройный, как всегда,
Томясь от скуки, пел довольно вяло:
Немногого им стоило труда
Луну и солнце подвинтить устало
И присмотреть — а вдруг сбежит звезда
Или комета — жеребенок шалый —
Хвостом планету бойко раздробит,
Как лодку на волнах игривый кит.

3

И серафимы удалились ввысь,
Решив, что мир не стоит попеченья;
Никем дела земные не велись,
Лишь ангел-летописец в огорченье
Следил, как быстро беды развелись
В подлунном мире: ведь при всем раченье,
На перья оба выщипав крыла,
Он отставал в записыванье зла.

4

Работы накопилось свыше сил,
 Хоть бедный ангел продолжал трудиться
 Как смертный стряпчий: он тщеславен был,
 И опасался должности лишиться;
 Но наконец устал он и решил
 К своим властям небесным обратиться
 За помощью — и получил от них
 Шесть ангелов и дюжину святых.

5

Немалый штат, но дела всем хватало:
 Так много царств сменилось и систем,
 Так много колесниц прогрохотало,
 Да каждый день убитых тысяч семь!
 Но Ватерло резнею небывалой
 И мерзостной внушило ужас всем,
 И, описав великое сраженье,
 Все пошвыряли перья в отвращенье.

6

А впрочем, я писать ведь не хотел
 О том, чего и ангелы боятся:
 От адской гекатомбы мертвых тел
 Сам дьявол содрогнулся, может статься,
 Хоть он и нож точил для этих дел,
 Но нужно к чести сатаны признаться,
 Великих он не восхвалял совсем,
 Поскольку точно знал им цену всем.

7

Перевернем же несколько страниц
 Недолгого бессмысленного мира:
 Не стало меньше трупов и гробниц.
 Не стали лучше скипетр и порфира,
 Герои шли и повергались ниц,
 И громоздились новые кумиры,
 Как чудища «о десяти рогах»,
 В пророчествах внушающие страх.

8

На рубеже Второй Зари Свобод
 Георг скончался. Не был он тираном,
 Но был тиранам друг. Из года в год

Его рассудок заплывал туманом.
Властитель, разоряющий народ
И благосклонный к мирным поселянам,
Он мертв. Оставил подданных своих
Полупомешанных, полуслепых.

9

Он умер. Смерть не вызвала смятенья,
Но похороны вызвали парад:
Здесь бархат был, и медь, и словопренья,
И покупного плача маскарад,
И покупных элегий приношенье
(На рынке и они в цене стоят!),
А также факелы, плащи и шпаги,
Регалии готической отваги.

10

И мелодрама слажена. Едва ль
В густой толпе глазеющих болванов
Кто помышлял о мертвом: вся печаль
Была от черных платьев и султанов.
Покойника немногим было жаль,
Хотя гремело много барабанов,
Но адскою казалось чепухой
Зарыть так много золота с трухой!

11

Итак: да станет прахом это тело,
Землей, водой и воздухом опять —
Свершить сей путь оно б скорей успело,
Не будь порядка трупы умящать:
Бальзамы, примененные умело,
Ему мешают мирно догнивать,
По существу же эти ухищренья
Лишь удлиняют мерзость разложенья.

12

Он умер. С ним покончил этот свет.
Осталась только надпись на гробнице
Да завещанье, но юриста нет,
Который спорить дерзостно решится
С наследником: он папенькин портрет
И лишь одним не может похвалиться

С почившим патриархом наравне:
Любовью к злой, уродливой жене.

13

«Господь, храни нам короля!» Признаюсь,
Он очень бережлив, храня таких,
А впрочем, я сказать не собираюсь,
Что лучше преисподняя для них.
Пожалуй, я один еще пытаюсь
Исправить зло для мертвых и живых:
Мне хочется, презрев чертей ругательства,
Умерить адское законодательство.

14

Я знаю — это ересь и порок,
Я знаю — я достоин отлученья,
Я знаю катехизис, знаю прок
Доктрине христианского ученья;
Старательно я вызубрил урок:
«Одна лишь *наша* церковь — путь к спасенью,
А сотнями церквей и синагог
Чертовски неудачно выбран бог!»

15

О боже! Всех ты можешь защитить —
Спаси мою беспомощную душу!
Ее ведь черту легче залучить,
Чем лесой рыбку вытащить на сушу
Иль мяснику за час преобразить
Ягненка в освежеванную тушу,
А впрочем, обречен любой из нас
Кому-то пищей стать в урочный час!

16

Апостол Петр дремал у райских врат...
Вдруг странный шум прервал его дремоту:
Поток огня, свистящий вихрь и град —
Ну, словом, рев великого чего-то.
Тут не святой ударил бы в набат,
Но наш апостол, подавив зевоту,
Привстал и только молвил, оглядываясь:
«Пооди, опять звезда разорвалась!»

Но херувим его похлопал дланью,
 Вдохнул апостол, потирая нос.
 «Святой привратник! — молвил дух.—
 Воспряни!»

И помахал крылом. Оно зажглось,
 Как хвост павлина, как зари сиянье.
 Апостолу вздремнуть не удалось.
 «Ну! — молвил он.— В чем дело, непонятно?!
 Не Сатану ли к нам несет обратно?»

«Георг скончался Третий!» — дух изрек.
 «Георг? Я что-то плохо разумею...
 А кто Георг? что Третье? невдомек!»
 «Король английский, говоря точнее...»
 «А целой ли он голову сберег,
 А то один тут был с обручком шеи,
 И никогда б не быть ему в раю,
 Не тычь он всем нам голову свою!

Он, помнится, король французский был
 И для башки, которая короны
 Не удержала, дерзостно просил
 Венца блаженных у господня трона!
 Да я бы сам такую отрубил,
 Как уши я рубал во время оно!
 Но, не имея доброго меча,
 Ключом я саданул его сплеча.

И тут он поднял безголовый вой,—
 Святые все сбежались, пожалели!
 Теперь он с этой самой головой
 И в мученики выйдет, в самом деле!
 Запанибрата с Павлом, точно свой
 Воссел он, где достойные воссели!
 Проныра Павел! Впрочем, что он нам?!
 Мы цену знаем всем его чинам!

Не так бы это дело обстояло,
 Будь голова у короля цела,—

Святых, понятно, жалость обуяла,
Она-то вот ему и помогла:
Ведь милость божья заново спаяла
Башку его и тело! Ох, дела!
Зачем-то исправляем мы от века
Все мудрое в деяньях человека!»

22

«Святой! — заметил ангел. — Брось ворчать!
Король пока при голове остался,
Куда и как ее употреблять,—
Он толком никогда не разбирался.
В руках, умевших нити направлять,
Марионеткой праздной он болтался
И будет здесь, как прочие, судим,
А наше дело — молча поглядим!»

23

Тем временем крылатый караван
Пространство рассекал с великой силой,
Как дебедей волны рек полдневных стран,
Ну, скажем, Ганга, Инда или Нила,
А то и Темзы. Страхом обуян,
Летел среди крылатых старец хилый,
У райских врат, полет окончив свой,
На облако присел он чуть живой.

24

Меж тем иной какой-то Дух могучий
Над светлым войском расправлял смелей
Свои крыла, как грозовые тучи
Над щёпами разбитых кораблей.
Он был, как вихрь, метнувшийся над кручей,
И помыслы, один другого злей,
Отметили чело его немое,
И взор его пространство полнил тьмою.

25

Он так непримиримо поглядел
На вход навеки для него закрытый,
Что Петр и тот порядком оробел:
Он был старик угрюмый и сердитый,
А тут от страха даже пропотел,
Не зная, у кого искать защиты.

(Но, впрочем, пот сей был святой елей
Или иной состав — еще светлей!)

26

И ангелы тревожным роем сбились,
Как птички, чуя коршуна: у них
Все перышки дрожали и светились,
Как Орион на небесах ночных.
Хотя они достойно обходились
С Георгом, но старик совсем притих:
Быть может, даже позабыл он с горя,
Что ангелы всегда и всюду — тор!

27

Все на мгновенье замерло. Но вот
Врата сверкнули вдруг и распахнулись,
Лучи с недосыгаемых высот
Планеты нашей крохотной коснулись,
Как пламя, заливая небосвод,
И северным сияньем изогнулись,
Тем самым, что во льдах полярных стран
Увидел Пэрри — храбрый капитан!

28

И по небу разлился, полыхая,
Прекрасный и могучий райский свет,
Как знамя славы, радостно сверкая
Величьем торжествующих побед.
(Сравненьями я тему обедняю,
Зане сему земных подобий нет:
Не всем дано провидеть столь пространно,
Как Саути Боб иль Сауткот Иоанна!)

29

То был архангел Михаил; из нас
Любой легко признает Михаила:
Воспеты и описаны не раз
Князь ангелов и вождь нечистой силы.
В церквах — для наших слабых смертных

глаз —

Бесплотные светлы и многокрылы,
Но какова их подлинная суть,
Пускай другой решает кто-нибудь.

30

В сиянье славы, славою творимой,
 Стоял архангел, благостью храним,
 И юные склонились херувимы
 И дряхлые святые перед ним.
 (О старости я говорю лишь мнимой
 И юность не приписываю им:
 С Петром в сравненье, говоря точнее,
 Они не то, что *младше*, а *нежнее!*)

31

Так иерарха всех небесных сил
 Встречали все святые, величая,
 Затем что он из первых первый был
 Наместник Бога для земли и рая,
 Но даже тени чванства не таил
 В душе своей небесной, твердо зная,
 Что, как сго ни чтим и ни поем,—
 Он остается вице-королем!

32

Он и угрюмый молчаливый Дух
 Взглянули друг на друга — и узнали...
 Непримирымый враг, минувший друг?
 О чем они бесплотно вспоминали?
 Но в лицах их мелькнули тени вдруг
 Бессмертной, гордой, выпрненной печали
 О том, что им навеки суждена
 В пространстве сфер упорная война.

33

Но здесь была нейтральная граница —
 Из Иова к тому ж известно нам,
 Что трижды в год и Дьявол не боится
 Являться светлым ангельским чинам.
 Тогда уж не приходится скупиться
 На вежливость обеим сторонам:
 Я б вам привел любезный их диалог,
 Да времени, признаться, слишком мало.

34

И дело, разумеется, не в том,
 Чтоб доказать в цитатах из Писанья,
 Что Иов — аллегория. Притом,

Быть может, это просто описание
Весьма реальных фактов. Мы берем
Лишь самые прямые указания:
Они ясны и — верьте или нет —
Не менее ясны, чем прочий бред!

35

Итак — на почве, в сущности, нейтральной
Они сошлись, где роковой порог,
Там смерть отбор проводит inferнальный,
Бесплотных конвоируя в острог.
Они не лобызались, натурально,
Но каждый был любезен, сколько мог:
В изысканной учтивости, казалось,
С Их Светлостью Их Мрачность состязалась.

36

Архангел, поклонившись, изогнулся,
Но не жеманно, как дешевый фат:
Своей груди изящно он коснулся,
Где сердце смертных бьется, говорят.
Но Сатана лишь гордо улыбнулся:
Он был со старым другом суховат,
Как нищий гранд прославленного рода
С богатым выскочкой простой породы.

37

Он, поклонившись дьявольски-надменно,
Сказал, спокойно выступив вперед,
Что Судия небесный несомненно
Георга в преисподнюю пошлет:
Немало там правителей почтенных,
От коих меньше пострадал народ,
Мостящих ад, как видно из преданий,
Обломками «прекрасных начинаний».

38

«Чего ты хочешь, — начал Михаил, —
От этого несчастного создання?
Какие он деянья совершил,
И совершал ли в жизни он деянья?
Насколько плохо правил он и жил,
Открыто изложи всему собранью:
Докажешь обвиненья — грешник твой,
А если нет — его не беспокой!»

«Да, Михаил! — ответил Дьявол. — Да!
 У врат того, кому ты служишь верно,
 Я заявляю, что пришел сюда
 За подданным: он чтит меня всемерно,
 Пока носил корону. Не беда,
 Что он не знал вина и прочей скверны,
 Но с той минуты, как воссел на трон,
 Мне одному в угоду правил он!

40

Взгляни на нашу землю — хоть верней,
 Мою! Увы, давно не торжествую
 Над бедною планетой: все на ней
 Влачат убого жизнь свою пустую.
 Сказать по правде — кроме королей
 Едва ли кто такую кару злую
 Несет за дело! И властитель твой
 Напрасно блещет славой огневой!

41

Мне данники-земные короли.
 Попытки переделать их бесплодны:
 Высокие властители земли
 Настолько мне усердны и угодны,
 Что мы давно к решению пришли
 Им предоставить действовать свободно:
 Их небеса к добру не преклонят
 И к худшему не переменит ад!

42

Взгляни на нашу землю, повторяю:
 Когда сей червь бессильный и слепой
 Вступил на трон, правленье начиная,
 И он и мир имели вид иной:
 Его своим владыкой величая,
 В покое мирном радости земной
 Хранили острова его по праву
 Родной уклад и добрых предков нравы.

43

Взгляни, какой, покинув жизнь и власть,
 Оставил он страну свою? Сначала
 Он подданных любимцу отдал в пасть,

Потом его стяжанье обуяло,
Порок убогих эта злая страсть,
Презренных душ сгубившая немало.
В Америке свободу он душил
И с Францией не лучше поступил!

44

Он, правда, был орудием в руках,
Но, согласись, хороший мастер вправе .
Его швырнуть в огонь; во всех веках
С тех пор, как смертными монархи правят,
В кровавых списках грязи и греха,
Что всю породу цезарей бесславят,
Другое мне правленья назови,
Столь глубоко погрязшее в крови!

45

Ведь даже слов «свободный» и «свобода»
Слепой король Георг не выносил.
Из памяти народов и народа
Искоренял он их по мере сил.
Он правил долго, и за эти годы
Всему и вся он горе причинил.
Лишь тем он от собратий отличался,
Что пьянством и развратом не прельщался.

46

Был верным мужем, неплохим отцом —
На троне, правда, хорошо и это, —
Поститься за Лукулловым столом
Трудней, чем за столом анахорета! —
Но подданным его что пользы в том?
Их стоны оставались без ответа!
Один лишь гнет, жестокий, страшный гнет,
Испытывал измученный народ.

47

Его потрянул недавно Новый Свет,
Но Старый стонет под ярмом жестоким
Ему подобных: где на тронах нет
Преемников, в ком все его пороки
Воскрешены? Лукавый дармоед
И деспоты, забывшие уроки

Истории,— никто беды не ждет,
Но пусть они трепещут: час придет!

48

Простые духом бережно хранили
Завет наивный праотцев своих:
Молились богу, но и вас любили,
Тебя, архангел, и тебя, старик.
Ужели все вы сердцем не остыли,
Что вас не ужасали стоны их,
Когда обрушил гнев несправедливый
На христиан король благочестивый?

49

Он, правда, дал им право Бога чтить,
Но отказал в законе и защите,
Лишая их того, чего лишить
Неверного и то не захотите...»
Тут Петр вскочил: «Нет! Этому не быть! —
Вскричал он.— Прочь виновного ведите!
Скорей пускай я буду проклят сам,
Чем в божий рай пробраться Гвельфу дам!

50

За Цербера скорее стану я,
Хоть труд его не синекура тоже,
Чем допущу в надзвездные края
Ханжу и нечестивца с мерзкой рожей!..»
«Святой! — заметил Дьявол.— Страсть твоя
И правый гнев твой мне всего дороже!
А что до смены Цербера — изволь!
И *наш* годится на такую роль!»

51

Тут Михаил вмешался: «Погодите!
Вы, Дьявол, да и вы, мой друг Святой!
Вы, добрый Петр, напрасно так шумите,
Вы, Сатана, порыв его простой
Из снисхожденья к пылкости простите!
И праведник забудется порой
В разгаре споров. Попрошу собрание
Прослушать очевидцев показанья!»

Знак подал Дьявол. Дрогнул Эмпирей
 И, силе магнетической послушен,
 Зажегся искрой, молнии быстрей,
 Скопленья туч разрядами наруша.
 От залпа inferнальных батарей
 Вселенский гром потряс моря и сушу.
 (Как пишет Мильтон — этот род войны
 Важнейшее открытье Сатаны!)

И это был сигнал для тех несчастных,
 Которым привилегия дана
 Перемещаться всюду, ежечасно,
 Презрев пространства, грани, времена.
 Они порядкам ада не подвластны
 И к месту не прикованы — одна
 Владеет ими страсть к передвижению,
 Но кара их от этого не менее.

Они гордятся этим. Ну и что ж?
 Приятен всякий символ благородный:
 Как ключ, блестящий из-под фалд вельмож,
 Как франкмасонов символ ныне модный.
 Набор моих сравнений не хорош:
 Я — праха сын, как стих мой, с прахом сходный!
 Мне духи высших сфер должны простить:
 Ведь, право же, я их умею чтить!

Итак: был дан сигнал из рая в ад,
 А расстоянье это подлиннее,
 Чем от земли до солнца. Говорят,
 Исчислили уж те, кто нас умнее,
 С какою быстротой лучи летят
 От солнца к нам, чтоб сделалось светлее
 И в лондонском тумане, где с утра
 Блестят на зданьях только флюгера.

Итак: пошло не более мгновенья
 На это все. Признаться мы должны:
 У солнечных лучей поменьше рвенья,

Чем у гонцов надежных Сатаны:
При первом состязанье, без сомненья,
Окажутся они побеждены:
Где света луч годами мчится к цели,
Там Дьяволу не нужно и недели!

57

В просторе сфер с пятак величиной
Явилось как бы пятнышко сначала
(Я видел нечто сходное весной
В Эгейском море пред началом шквала), —
Оно меняло быстро контур свой,
Как некий бот, несущийся к причалу,
Или «несомый»? Сомневаюсь я
И в знании грамматики, друзья!

58

Оно росло по мере приближенья
И очень скоро в тучу разрослось.
(И саранчи подобного скопленья
Мне наблюдать еще не довелось.)
Затмили свет мятущиеся тени,
Как крик гусей, стенанье их неслось...
(Но, уподобив их гусиным стаям,
Мы нации гусям уподобляем!)

59

Здесь крепкими словами проклинал
Джон Буль свою же тупость, как обычно,
«Спаси Христос!» — ирландец бормотал,
Французский дух ругался неприлично,
(Как именно — я скромно умолчал:
Извозчикам такая брань привычна!)
Но голос Джонатана все покрыл:
«Эге! Наш президент набрался сил!»

60

Здесь были и испанцы и датчане,
Тьма-тьмущая встревоженных теней:
Голландцы были тут и таитяне,
Они смыкались кругом все тесней,
Готовя сотни тысяч показаний
И на Георга и на королей
Ему подобных, за свои деянья,
Как вы и я, достойных наказанья.

Архангел побледнел: ведь побледнеть
 Порой способен и архангел даже,
 Потом он стал искриться и блестеть,
 Как солнца луч сквозь кружево витражей
 В готическом аббатстве или медь
 Военных труб и пестрые плюмажи,
 Как свежая форель, как вешний сад,
 Как зори, как павлин, как плац-парад.

Потом он обратился к Сатане:
 «Зачем же, друг мой, — ибо я считаю,
 Что вы отнюдь не личный недруг мне,
 Идейная вражда у нас большая,
 Не будем вспоминать, по чьей вине;
 Но я вас и ценю и уважаю,
 И, видя ваши промахи подчас,
 Я огорчаюсь искренно за вас!

Да, дорогой мой Люцифер! К чему ж
 Излишество такое обвинений?
 Я разумел совсем не толпы душ,
 А парочку корректных заявлений!
 Ведь их вполне достаточно! К тому ж
 На разбирательство судебных прений
 Я не хочу растрачивать — ей-ей! —
 Бессмертия и вечности своей!»

«Что ж! — молвил Сатана. — Не споря с вами,
 Пожалуй, я готов его отдать:
 Я получил бы с меньшими трудами
 Гораздо лучших душ десятков пять.
 Я только для проформы, между нами,
 Хотел монарха бриттов оттягать:
 У нас в аду — и Бог про это знает —
 И без него уж королей хватает!»

Так молвил Демон, коего зовет
 Многострочивый Саути «многоликим».
 Вдохнул архангел: «Стоит ли хлопот

Возиться с этим сборищем великим?
Пускай любой свидетель подойдет
И скажет, чем не угодил старик им!»
«Отлично! — молвил Сатана. — Ну что ж?
А вот Джек Уилкс — он, кажется, хорош!..»

66

И пучеглазый бритт, весьма забавный,
Довольно бойко выступил вперед:
Он был одет с опрятностью исправной —
Ведь наряжаться любит весь народ
На том и этом свете; благонравный
Адам — родоначальник наших мод,
А скромный фиговый листочек Евы
Прообраз юбки, как согласны все вы!

67

Дух, обратясь ко всем, сказал: «Друзья!
На небесах у них холодновато
И ветрено. Боюсь простуды я!
Скорее к делу! Почему, ребята,
Вы собрались? Скажите не тая!
Не выбирать ли в небо депутата?
Так вот: пред вами я — чистейший бритт,
Апостол Петр вам это подтвердит!»

68

«Сэр! — возразил архангел. — Это бренно!
Дела мирские чужды нам сейчас;
Задача наша более почтенна:
Мы судим короля на этот раз!»
«А! — молвил Джек. — Так эти джентльмены
Крылатые, что окружают вас,
Чай, ангелы?! А я и не заметил!
А тот старик? Уж не Георг ли Третий?»

69

«Да! — Михаил ответил. — Это он!
Его судьбу решат его деянья.
На небе с незапамятных времен
И самый жалкий нищий в состоянье
Судить великих!» — «Неплохой закон! —
Заметил Джек. — Но я без предписанья
И там, под солнцем смертных находясь,
Все говорил, что думал, не таясь!»

«Так повтори *над* солнцем речи эти,
 Грехи Георга назови при всех!» —
 Сказал архангел. «Полно! — дух заметил.—
 Теперь его губить уж просто грех:
 В парламенте, когда он жил на свете,
 Его не раз я поднимал на смех,
 Что поминать былые недостатки:
 Ведь он — король, с него и взятки гладки!

Он, правда, был жесток и глуповат,
 Католиков казня миролюбивых,
 Но Бьют-наперсник в этом виноват
 И Грэфтон — автор книг благочестивых,
 Они уже давно в котлах кипят
 В аду, во власти дьяволов ретивых,
 А короля бы можно и простить,—
 Пускай в раю он будет, так и быть!»

«Ты стал, Джек Уилкс, на склоне лет пигмеем! —
 Насмешливо заметил Сатана.—
 Привычка быть придворным и лакеем
 Тебе, однако, больше не нужна:
 Глупцом ли был Георг или злодеем —
 Он больше не король: одна цена
 Всем грешникам! Не подличай! Не надо!
 Теперь он только твой сосед по аду!

Я видел — ты уж вертишься и там,
 Прислуживая дьяволам сердитым,
 Когда они, рыча по пустякам,
 На сале лорда Фокса жарят Питта,
 Его ученика! Ты знаешь сам:
 Он был министр ретивый, даровитый,
 Одних проектов уйму написал:
 Ему я глотку ими затыкал!»

«Где Юниус?» — раздался чей-то крик.
 И все заволновались, всполошились,

И шум такой неистовый возник,
Что даже духи высшие смутились:
Напор теней был яростен и дик,
И все они толкались и теснились,
Как газы в пузыре иль в животе...
(Жаль, образ не на должной высоте!)

75

И вот явился дух седой и хмурый,
Не призрак, а своей же тени тень,
То хохотал он дико, то, понурый,
Он был печален, как осенний день,
То вырастал он грозною фигурой,
То становился низеньким, как пень,
Его черты менялись непрестанно,
А это было уж и вовсе странно.

76

Сам Дьявол озадачен был: и он
Узнать сего пришельца затруднялся:
Как непонятный бред, как дикий сон,
Тревожный дух зловеще искажался,
Иным он страшен был, иным — смехон,
Иным он даже призраком казался
Отца, иль брата, иль отца жены,
Иль дяди с материнской стороны.

77

То рыцарем он мнился, то актером,
То пастором, то графом, то судьей,
Оратором, набобом, акушером,
Ну, словом, от профессии любой
В нем было что-то, он тревожным взором
Являл изменчивость судьбы людской,
Фантасмагорию довольно странную,
О коей фантазировать не стану я.

78

Его не успевали и назвать,
Как он уже совсем другим являлся,
Пожалуй, даже собственная мать,
Когда он так мгновенно изменялся,
Его бы не успела опознать;
Француз, который выяснить пытался

Железной Маски тайну;— даже тот
Здесь всем догадкам потерял бы счет.

79

Порой, как Цербер, он являл собою
Трех джентльменов сразу — это стиль
Творений миссис Малапроп,— порою,
Как факел, виден был он на сто миль,
Порой неясной расплывался мглою,
Как в лондонском тумане дальний шпиль,
И Барком он, и Туком притворялся,
И многим сэром Фрэнсисом казался.

80

Гипотезу имею я одну,
Но помолчу о ней из опасенья,
Что пэры мне вменят ее в вину
Как дерзкое и вредное сужденье,—
Но все-таки я на ухо шепну
Тебе, читатель, это подозренье:
Сей Юниус — НИКТО,— все дело в том,—
Без рук писать умеющий фантом!

81

Мне возразят: «Да полно! Как же это,
Чтобы писать без рук? В уме ли вы?»
«Но пишут же и книги и памфлеты
Пииты, не имея головы?
Они, скрывая сей дефект от света,
Находят и читателей, увы!
Морщинясь, часто мнит свиная кожа,
Что на чело мыслителя похожа!»

82

«Скажи нам, кто ты?» — молвил Михаил.
«Мой псевдоним на титульной странице,
Но если тайну я всю жизнь хранил,
То вам признанья тоже не добиться!»
«Так докажи нам то, в чем ты винил
Георга? Или хочешь отступиться
От слов своих?!» Но тень вскричала: «Нет!!!
Теперь его черед держать ответ.

Не защитят его от обвинений
 Ни мрамор мавзолеев, ни парча!»
 «Но нет ли все же преувеличений
 В памфлете, сочиненном сгоряча?
 Противники в разгаре словопрений,
 В пылу страстей порой рязят сплеча...»
 «О да! Я ведал страсть, скрывать не стану;
 Любовь к отчизне, ненависть к тирану!

Я все сказал. Пусть одного из нас
 Постигнет кара!» — молвил исступленно
*Nominis Umbra*¹ — и пропал из глаз.
 А Дьявол молвил: «Было бы резонно
 Нам вызвать как свидетелей сейчас
 И Франклина, и Джорджа Вашингтона,
 И Тука самого...» — но тут возник
 На небесах какой-то шум и крик.

Отчаянно работая локтями,
 Явился черт пред сборищем теней
 И пал во прах с помятыми крылами,
 Полураздавлен ношею своей.
 Вскричал архангел, засверкав, как пламя:
 «Что ты принес, злосчастный Асмодей?!
 Ведь он не мертв!» — «Я только жду приказа,—
 Ответил черт,— и он подойдет сразу!

Ведь как тяжел, проклятый ренегат,
 Его таща, чуть не свихнул крыла я!
 Как гири из свинца, на нем висят
 Его труды — вся писанина злая!
 Кропал он эту пакость, супостат,
 Историю и Библию кромсая,
 Когда над Скиддо ночью я летал
 И свет в его окошке увидал.

Историю придумал Сатана,
 Но Библия — творенья Михаила!

¹ Тень имени (лат.).

Сообразил я, как страшна вина
Злосчастного британского зоила,
Схватил его, пока его жена
За чайником куда-то уходила,
И вот мы оба перед вами тут,
Летел я меньше десяти минут!»

83

«А! — молвил Сатана. — Он мне знаком!
Давно ему пора сюда явиться...
Да он ведь глуп, как пробка, и притом
Талантишком своим весьма гордится!
Мой милый Асмодей! С таким ослом
Совсем тебе не стоило возиться.
Ведь даже без доставки он бы сам
Сегодня или завтра прибыл к нам!

89

Но, уж поскольку здесь он, пусть прочтет,
Что он писал...» — «Да можно ли такое? —
Воскликнул Асмодей. — Он идиот,
Вообразил себя самим судьёю
Всех дел людских! Ведь он же чушь несет!
Он никому не даст теперь покоя!»
«Нет, пусть прочтет! — воскликнул Михаил, —
Послушаемте, что он сочинил!»

90

Тут бард счастливый, что нашел вниманье,
Которого не находил у нас,
Готовя рифмы к буре излинья,
Прокашлялся, подготавливая глас,
Могучим рыком удивил собранье,
Но в первом же гекзаметре увяз,
В котором так подагра угнездилась,
Что ни одна стопа не шевелилась!

91

Он дактили пришпорил что есть сил,
Спасая стих свой неудобочтимый,
Но тут затрепетали тьмою крыл
И серафимы все и херувимы,
И наконец поднялся Михаил:

«Помилуй, друг! Уже утомлены мы!»
«Не радуется Гораций говорит, —
Non Di, non homines! ...плохой пиит!»

92

И тут поднялся шум: не мудрено,
Что всем стихи внушали отвращенье:
Ведь ангелам наскучили давно
И славословия и песнопенья!
А бывшим смертным было бы смешно
Прийти от грубой лесты в восхищенье,
Георг и тот воскликнул: «Генри Пай
Лауреат! Довольно!!! Ай, ай, ай!»

93

Гул рос и рос, зловеще свирепея,
От кашля сотрясался небосвод,
Так, изумлять риторикой умея,
Наш Кэстлери шумиху создает.
Кричали где-то: «Прочь! Долой лакея!»
В отчаянье от этаких невзгод
Бард бросился к Петру, ища защиты,
Петра ведь уважают все пииты!

94

Сей бард природой не был обделен:
Имел и острый взгляд, и нос горбатый,
На коршуна похож был, правда, он,
Но все же в этой хищности крылатой
Имелся стиль, — он был не так дурен,
Как стих его шершавый и щербатый,
Являвший все типичные черты
Холуйства и преступной клеветы.

95

Вдруг затрубил архангел, заглушая
Невероятным шумом шум большой, —
И на земле метода есть такая:
Лишь раз дебаты окриком покрой —
И водворится тишина немая,
Смущаемая только воркотней.

¹ Ни богу, ни человеку (лат.).

Ну, словом, стихло все, и бард польщенный
Предался болтовне самовлюбленной.

96

Сказал он, что, не видя в том труда,
Писал он обо всем,— писал немало,
Он хлеб насущный добывал всегда,
И лакомство ему перепадало:
Он мог бы перечислить без труда
Десятки од своих о чем попало:
О Тайлере, Бленгейме, Ватерло —
Ему ведь на издателей везло!

97

Он пел цареубийц и пел царей,
Он пел министров, королей и принцев,
Он пел республиканских главарей,
Но он же поносил и якобинцев.
Пантисократом слыл из бунтарей,
Но он напоминал и проходимцев,
Всегда способных в нужный срок лить
И убежденья с легкостью менять.

98

Сраженья проклинал и пел сраженья,
Их славу восхваляя до небес,
Он защищал поэзии творенья
И нападал на них, как злобный бес,
Всем продавал он музу без стесненья,
Ко всем влиятельным в любимцы лез,
Стихов он написал немало белых,
Но мыслящий читатель не терпел их!

99

Вдруг к Сатане он обратился: «Я
Пишу и биографии на славу!
А вашу написать — мечта моя!
Два превосходных тома *in octavo!*
Все критики теперь мои друзья,
Читателей-святош я знаю нравы:
Вот только вас чуть-чуть порасспрошу —
И ваше житие я напишу!»

100

Но Сатана молчал. «Я понимаю! —
 Воскликнул бард.— Горды вы и скромны!
 Тогда я вам, архангел, предлагаю
 Мой бескорыстный труд за полцены!
 Я так вас расхвалю, что вы, сияя,
 Затмите все небесные чины!
 Как та труба, которой без усилий
 Вы медь моих литавров заглушили!

101

Но вот мое творенье! Вот «Виденье»!
 Вот — справочник: кого и как судить!
 Вы можете теперь свои сужденья
 О всех и вся бездумно выносить!
 Я, как король Альфонс, без затрудненья
 И богу мог бы дело облегчить
 Советами: ведь ясновидцы все мы,
 Легко решаем сложные проблемы!»

102

И тут он важно рукопись извлек —
 Старались тщетно черти и святые
 Остановить неистовый поток:
 Их доводов не слушал наш вития!
 Но сонм теней уж после первых строк
 Исчез, как пар, лишь запахи густые
 Амброзии и серы после них
 Стояли долго в небесах пустых.

103

Все ангелы захлопали крылами,
 Заткнули уши и умчались ввысь,
 Все черти, оглушенные стихами,
 В геенну, завывая, унеслись,
 Все души смертных робкими тенями
 В туманности внезапно расплылись,
 Дрожа от страха, а у Михаила
 И затрубить-то духу не хватило.

104

Тогда апостол Петр ключом взмахнул:
 Он после пятой строчки разъярился
 И так пиита нашего толкнул,

Что тот, как Фэтон, с небес свалился,
Но в озере своем не утонул,
А за венок лавровый ухватился!
Но зреет в мире буря! Дайте срок:
Смерч вольности сорвет с него венок!

105

Что утонуть не мог он от паденья,
Пожалуй, объяснить не мудрено:
Всплывает на поверхность, к сожаленью,
Вся грязь и мерзость — так заведено!
И сор и пробки — все несет теченье
Реки времен. Писака все равно
«Видения» кропать не перестанет:
Беда, беда, коль бес ханжою станет!

106

Но чем же этот гам и суетня
Закончились? Я ныне слаб глазами:
Нет больше телескопа у меня,
И трудно мне следить за небесами.
Однако наш Георг, уверен я,
Пробрался в рай: выводит он с друзьями
(Для этого не надобно ума!)
Теперь рулады сотога псалма!

1821

ДОН-ЖУАН

(В ОТРЫВКАХ)

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Изгнанный из Испании Дон-Жуан отправляется в длительное путешествие.

.....

11

И вот готов к отплытью Дон-Жуан;
Попутный ветер свеж, и качка злая;
Всегда в заливе этом океан,
Соленой пеной в лутников швыряя,
Бурлит, чертовской злобой обуян.
Уж я-то нрав его отлично знаю!
И наш герой на много-много дней
Прощается с Испанией своей.

.....

14

Печально он на палубе стоял,
Взирая на Испанию родную.
Любой солдат, который покидал
Свою отчизну, знает боль такую;
Любой душой и сердцем трепетал,
Любой в минуту эту роковую,
Забыв десятки гнусных лиц и дел,
На шпиль церковный горестно глядел.

15

Он оставлял любовницу, мамашу
И, что важней, не оставлял жены.

Он сильно горевал, и — воля ваша —
Вы все ему сочувствовать должны:
И нам, испившим опытности чашу,
Часы прощанья все-таки грустны,
Хоть чувства в нас давно оледенели,—
А наш красавец плакал в самом деле.

.

18

«Прощай, моя Испания,— вскричал он,—
Придется ль мне опять тебя узреть?
Быть может, мне судьба предназначала
В изгнание сиротливо умереть!
Прощай, Гвадалквивир! Прощайте, скалы,
И мать моя, и та, о ком скорбеть
Я обречен!» Тут вынул он посланье
И перечел, чтоб обострить страданье.

19

«Я не могу,— воскликнул Дон-Жуан,—
Тебя забыть и с горем примириться!
Скорей туманом станет океан
И в океане суша растворится,
Чем образ твой — прекрасный талисман —
В моей душе исчезнет; излечиться
Не может ум от страсти и мечты!»
(Тут ощутил он приступ тошноты.)

20

«О, Юлия! (А тошнота сильнее.)
Предмет моей любви, моей тоски!..
Эй, дайте мне напиток поскорее!
Баттиста! Педро! Где вы, дураки?
Прекрасная! О, боже! Я слабею!
О, Юлия!.. Проклятые толчки!..
К тебе взываю именем Эрота!»
Но тут его слова прервала... рвота.

.

22

Любовную горячку всякий знает:
Довольно сильный жар она дает,
Но насморка и кашля избегает,

Да и с ангиной дружбы не ведет.
Недугам благородным помогает,
А низменных — и в слуги не берет!
Чиханье прерывает вздох любовный,
А флюс для страсти вреден безусловно.

23

Но хуже всех, конечно, тошнота.
Как быть любви прекрасному пыланью
При болях в нижней части живота?
Слабительные, клизмы, растиранья
Опасны слову нежному «мечта»,
А рвота для любви страшней изгнанья!
Но мой герой, как ни был он влюблен,
Был качкою на рвоту осужден.

.

26

Да, ветер положительно крепчал,
И к ночи просто буря разыгралась.
Хоть экипаж ее не замечал,
Но пассажирам все-таки не спалось.
Матросов ветер вовсе не смущал,
Но небо испугало. Оказалось,
Что паруса приходится убрать,
Из опасенья мачты потерять.

27

В час ночи шквал ужасный налетел,
Швырнул корабль с размаху, как корыто;
Открылась течь, и остов закрипел,
Большая мачта оказалась сбита.
Корабль весь накренился и осел,
Как раненый, не чающий защиты;
И скоро, в довершение беды,
Набралось в трюмах фута три воды.

28

Часть экипажа, устали не зная,
Взялась за помпы, прочие меж тем
Пробоину искали, полагая,
Что можно бы заткнуть ее совсем.
Напрасный труд: упрямая и злая
Вода, наперекор всему и всем,

Просачивалась буйно сквозь холстину,
Тюки белья, атласа и муслина.

.

30

С рассветом буря стала утихать
И даже течь как будто ослабела.
Матросы, не решаясь отдыхать,
Насосами работали умело.
Но к ночи ветер поднялся опять,
И море беспокойно заревело,
А ураган, набравшись новых сил,
Корабль одним ударом накренил.

.

32

Матросы, топором вооружась,
Грот-мачту торопливо подрубили.
Но, как бревно, лежал, не шевелясь,
Как будто ослабевший от усилий,
Вольной корабль; тревожно суетясь,
Фок-мачту и бушприт они свалили —
И, как старик, что превозмог недуг,
Корабль с усилием выпрямился вдруг.

33

Естественно, что в час такой плачевный
Всех пассажиров ужас обуял:
И аппетит их и покой душевный
Жестокий приступ бури нарушал.
Ведь даже и матросы, к повседневной
Опасности привыкнув, каждый шквал
Встречают смело, только дозой грога
И рома ободренные немного.

34

Ничто так не способно утешать,
Как добрый ром и пламенная вера:
Матросы, собираясь умирать,
И пили и молились свыше меры;
А волны продолжали бушевать,
Клубились тучи в небе мутно-сером,
И, вторя вою океана, ввысь
Проклятья, стоны и мольбы неслись.

Но Дон-Жуан один не растерялся,
 Находчивость сумел он проявить:
 Он вынул пистолет и попытался
 Безумство на борту остановить,
 И экипаж ему повиновался;
 Они страшились пули, может быть,
 Сильней, чем волн, хоть моряки считают,
 Что во хмелю тонуть им подобает.

.

Потом опять надежда появилась —
 К рассвету ветер несколько утих.
 Но с прежней силой течь возобновилась;
 Усилий не жалея никаких,
 Команда вновь за помпы ухватилась,
 А два десятка слабых и больных
 На солнце сели, кости прогревая
 И к парусам заплаты пришивая.

Жслая течь хоть как-нибудь унять,
 Они под киль поддели парусину.
 Пусть кораблю без мачт не совладать
 С разгулом урагана и пучины,
 Но никогда не нужно унывать,
 Встречая даже страшную кончину!
 Хоть умирать приходится лишь раз,
 Но как — вот это беспокоит нас.

Швыряли волны их и ветры били
 По воле и по прихоти своей.
 Матросы и руля не укрепили,
 И отдыха не знали много дней.
 Но ждали все же наступленья штиля
 (Надежда подкрепляет всех людей).
 Корабль, конечно, плыл еще куда-то,
 Но по сравненью с уткой — плоховато.

.

А к ночи снова буря разыгралась,
 И в трюме и на палубе опять

Вода, как накануне, показалась.
Все знали, что теперь несдобровать:
Все помпы отказали. Оставалось
На жалость воли и бури уповать, —
А волны столь же к жалости способны,
Как люди в дни войны междоусобной.

.

44

Корабль тонул. Мольбы и заклинания
Все пассажиры начали кричать:
По сотне свеч угодникам заранее
Несчастные старались обещать.
Иные в этом хаосе стенания
Спешили шлюпки на море спускать,
Один к Педрилло бросился в смятенье,
Прося хоть у него благословенья.

45

Иные наряжались, торопясь,
Как будто на воскресное гулянье;
Иные рвали волосы, крестясь,
И плакали, кляня существованье;
Иные, в лодке плотно умясь,
Утешились на время от сознанья,
Что лучше корабля хороший челн
Противиться способен гневу волн.

46

Но, к сожаленью, в этом состоянье,
Усталые от страха и тоски,
Они тащили в диком состязанье
Куда попало кадки и тюки.
Ведь, даже умирая, о питанье
Мечтают люди, смыслу вопреки!
Но в катер погрузили очень мало:
Мешок с галетами и бочку сала.

47

Зато в баркас успели взять и ром,
И хлеб, слегка подмоченный, и мясо —
Свинину и говядину; притом
Воды бочонок взяли для баркаса
И даже пять огромных фляг с вином —

По существу, немалые запасы!
Хотя при обстоятельствах таких
И на неделю б не хватило их.

48

Все остальные лодки потеряли
В начале шторма. Впрочем, и баркас
Был в жалком состоянии и едва ли
Мог долго продержаться. Но сейчас
Не думали об этом: все мечтали
За борт скорее прыгнуть, чтобы час
Урвать у жизни: всем уж ясно стало,
Что лодок для спасенья не хватало.

49

Вот сумерки, как лиловатый дым,
Над водною пустыней опустились;
Ночь надвигалась облаком густым,
И лица все бледнее становились:
За этой пеленой, казалось им,
Черты чего-то гневного таились.
Двенадцать дней их страх сводил с ума,
Теперь его сменила смерть сама.

50

Кто в силах был — трудились над плотом:
Нелепая затея в бурном море;
Хотя смешного мало было в том,
Но остальные, облегчая горе,
Над ними насмехались. Крепкий ром
Подогревал веселье. В страшной своре
Полубезумцев, полумертвецов
Их дикий смех казался визгом псов.

51

К восьми часам бочонки, доски, реи —
Все побросали в море, что могли.
По небу тучи, сумрачно темнея,
Скрывая звезды, медленно ползли.
От корабля отчалив поскорее,
Как можно дальше лодки отошли.
Вдруг черный остов дрогнул, накренился
И как-то сразу в воду погрузился.

И тут вознесся к небу страшный крик
 Прощанья с жизнью. Храбрые молчали,
 Но вой трусливых был смертельно дик;
 Иные, в волны прыгая, рыдали,
 И волны жадно поглощали их
 И снова пасть пучины разевали.
 Так в рукопашной схватке в жажде жить
 Спешат враги друг друга задушить.

.

Нагруженные лодки отошли
 Заранее, но те, кто были в них,
 Едва ли верить искренне могли
 Теперь в спасенье бранных тел своих,
 Куда бы волны их ни понесли.
 В баркасе только тридцать было их,
 А в катере лишь девять поместилось:
 Погрузка неразумно проводилась.

Все прочие — душ около двухсот —
 Расстались с христианскими телами.
 Утопленник недель по восемь ждет,
 Носимый океанскими волнами,
 Пока святая месса не зальет
 Чистилища безжалостное пламя;
 А месса нынче, что ни говори,
 Обходится порою франка в три!

Жуан помочь Педрилло постарался
 Спуститься своевременно в баркас;
 Несчастный педагог повиновался
 (Он весь дрожал, не осушая глаз).
 Жуан отлично всем распоряжался:
 Он, верно б, и своих лакеев спас,
 Но вот беда — Баттиста, он же Тита,
 Погиб из-за пристрастья к aqua vita ¹.

¹ Живая вода (лат.); здесь: водка.

И Педро не был вовремя спасен
 По вышеупомянутой причине:
 На катер неудачно прыгнул он
 С кормы — и канул в пенистой пучине,
 Неведеньем блаженно упоен.
 Вино, в его виновное кончине,
 Жестокость волн смягчило для него:
 Он утонул — и больше ничего.

К отцу хранил герой наш уваженье —
 Его собачку он с собою вез.
 Опасности почуяв приближенье,
 Метался и скулил несчастный пес.
 Обычно катастрофы и крушенья
 Предчувствует собачий умный нос!
 Схватив собачку эту, вместе с нею
 Жуан мой в лодку прыгнул, не робея.

Деньгами второпях наполнил он
 Свои карманы и карман Педрилло —
 Наставник, истощен и потрясен,
 Повиновался робко и уныло;
 Но твердо верил наш отважный дон
 В свое спасенье, молодость и силы,
 А потому в такой ужасный час
 Собачку и наставника он спас.

А ночь ревела, ветер бесновался,
 Громады волн вставали с двух сторон,
 И парус то испуганно вздувался,
 То опадал, от ветра защищен
 Стеной воды, и на корму бросался
 Обрушившийся вал. Сквозь свист и стон
 Они друг друга слышать перестали,
 Промокли все до нитки, все устали.

Разбитый катер вдруг нырнул во мрак,
 И больше тень его не появлялась.
 Баркас еще держался на волнах;

Из одеял к веслу какой-то парус
Приделали матросы кое-как.
Но всем собратьев гибель вспоминалась,
Всем было жалко сала и галет,
Доставшихся акулам на обед.

62

Вот солнце встало пламенно-багровое —
Предвестник верный шторма; тут одна
Возможность — бурю вытерпеть суровую
И ждать, чтоб успокоилась она.
Всем ослабевшим — средство образцовое —
По ложке дали рому и вина
С заплесневелым хлебом; все устали,
И все в лохмотьях жалких замерзали.

63

Их было тридцать, сбившихся толпой,
Оборванных и дремлющих устало:
Иной сидел с покорностью тупой,
Иной лежал, иного даже рвало;
От холода и сырости ночной
Их лихорадка лютая трепала,
И только небо покрывало их —
Измученных, голодных и больных.

91

Вдруг радуга у них над головой,
Прорезав облака над мглою моря,
На крутизне воздвиглась голубой,
Все стало сразу ярче, словно споря
Сияньем с этой аркою цветной;
Как плещущее знамя на просторе,
Горел ее прекрасный полукруг;
Потом поблекнул и растаял вдруг.

94

Вдруг белая сверкающая птица,
Как будто голубь, сбившийся с пути,
Над ним же стала медленно кружиться,
Казалось, уж готовая почти
Для отдыха на мачту опуститься,

Как будто ночь хотела провести
Среди людей,— и птицы появленье
Им показалось признаком спасенья.

.

96

С приходом ночи ветер разыгрался,
Но был спокоен звездный небосвод.
В неведомом пространстве продвигался
Скитальцев жалких обветшалый бот.
То им казалось — берег рисовался
В туманной мгле на грани синих вод;
То слышался им дальний шум прибоя,
То грохот пушек, словно с поля боя.

97

К рассвету ветер сразу ослабел.
Вдруг вахтенный воскликнул возбужденно,
Что долгожданный берег засинел
В дали, зари сияньем освещенной.
Никто поверить этому не смел:
Скалистый берег, светлый, озаренный,—
Уже не сон, мерещившийся им;
Он был реален, видим, достижим!

98

Иные разрыдались от волненья,
Иные, не решаясь говорить,
Глядели вдаль в тупом недоуменье,
Еще не смея ужас позабыть;
Иной шептал творцу благословенья
(Впервые в долгой жизни, может быть!);
Троих будить настойчиво пытались,
Но трупам лентяи оказались.

99

Днем раньше на волнах они нашли
Большую черепаху очень ценной
Породы, к ней тихонько подплыли,
Поймали и насытились отменно.
День жизни этим все они спасли,
Притом же им казалось несомненно,
Что так внезапно, в столь тяжелый час
Их провиденье, а не случай спас.

Гористый берег быстро выросстал,
 К нему несли и ветер и течение.
 Куда — никто доподлинно не знал,
 Догадки возникали и сомненья.
 Так долго ветер их бросал и гнал,
 Что были все в большом недоуменье.
 Кто эти горы Этною считал,
 Кто — Кипром, кто — грядой родосских скал.

.

Казалось, берег был безлюдно-тих,
 Одни буруны пенились у скал;
 Но так истосковалось сердце их,
 Что рифов устрашающий оскал
 Кипеньем волн косматых и седых
 Ни одного гребца не испугал:
 Стремительно они на скалы ринулись —
 И, что вполне понятно, опрокинулись.

.

Жуан, хоть был измучен и устал,
 Отважился с волнами состязаться.
 Страшась акул, он силы напрягал,
 Чтоб как-нибудь до берега добраться.
 Трех спутников он сразу потерял:
 Два вовсе не могли передвигаться,
 А к третьему акула подплыла
 И, за ногу схватив, уволокла.

Но наш герой держался еле-еле
 И вдруг увидел длинное весло;
 Хоть руки у Жуана ослабели
 И плыть ему уж было тяжело,
 Весло схватил он, и к желанной цели
 Его и эту щепку понесло.
 То плыл он, то барахтался, то бился —
 И на песок беспомощно свалился.

Впился ногтями цепко он в песок,
 Сквозь бред соображая через силу,
 Что океан ревел у самых ног
 То дико, то угрюмо, то уныло,
 Бесясь, что утащить его не мог
 Обрато в ненасытную могилу.
 Жуан лежал недвижен, слаб и нем.
 Да, он от смерти спасся,— но зачем?

С усилием он попытался встать,
 Но тут же на колени опустился.
 Тревожным взором начал он искать
 Товарищей, с которыми сроднился,
 Но хладный страх объял его опять:
 Один лишь труп с ним рядом очутился —
 На берегу чужом, у хмурых скал,
 Казалось, погребенья он искал.

Заметив это вздувшееся тело,
 Жуан подумал, что узрел свой рок.
 В его глазах все сразу потемнело,
 Все поплыло — и скалы, и песок;
 Рука, весло сжимая, помертвела,
 И, стройный, как весенний стебелек,
 Поник он вдруг, бессильный и безгласный,
 Как лилия увядшая, прекрасный.

Как долго он на берегу лежал,
 Не знал Жуан — он потерял сознание
 И времени совсем не замечал:
 Сквозь тяжкие, но смутные страданья
 Он, пробиваясь к жизни, ощущал
 Биенье крови, пульса трепетанье,
 Мучительно томясь. За шагом шаг
 Смерть отступала, как разбитый враг.

• • • • •

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

После долгих приключений Жуан оказывается в войсках Суворова и принимает участие в осаде Измаила.

1

О, кровь и ужас! О, раны, гул и вой!
О, злая брань! О, раны, кровь и стоны!
Все эти звуки оскорбляют твой
Тончайший слух, читатель благосклонный.
Пойми изнанку славы боевой.
Хоть украшают именем Беллоны
И Марса эту бойню, но цена
И суть ее во все века одна.

2

Готово все для страшного парада:
И люди, и знамена, и штыки;
Как лев, наметив жертву из засады,
Готовы к истреблению полки.
Стоглавой гидрою, исчадьем ада,
Они ползут по берегу реки.
Пускай героев головы слетают —
Немедленно другие вырастают.

3

Всегда en grand ¹ история берет
События, детали выпуская.
Но кто урок и выгоды учтет,
Тому война претит, и я считаю,
Что столько денег тратить не расчет,
За пядь земли сраженье затевая.
Одну слезу почетней осушить,
Чем кровью поле боя затопить.

4

Хорошему деянью все мы рады,
А славы ослепительный экстаз,
Знамена, арки, пенсии, парады,
Обычно ослепляющие глаз,
Высокие отличья и награды
Кого угодно развратят у нас;

¹ В целом, в большом масштабе (*франц.*).

Но, в сущности, лишь войны за свободу
Достойны благородного народа.

5

Все прочие — убийство! Вашингтон
И Леонид достойны уваженья;
Их подвигом народ освобожден,
Священна почва каждого сраженья,
Священен даже отзвук их имен —
Они в тумане зла и заблужденья,
Как маяков Грядущего лучи,
Сияют человечеству в ночи!

6

Кольцом пожаров полночь озаряя,
Мерцали артиллерии огни;
Как призрак ада, в зеркале Дуная
Стояли тучей пламени они.
Гремели ядра, гулко завывая,
Ударам грома Зевсова сродни, —
Хотя любому смертному известно,
Что гром земной страшней, чем гром небесный!

7

И вот под грохот русских батарей
Пошла в атаку первая колонна,
А мусульмане, грозной лавы злей,
Навстречу им. Смешались крики, стоны,
Солдаты взвыли яростней зверей;
Так, бешенством великим потрясенный,
Во чреве Этны, злобой обуян,
Икает расходившийся титан.

.

12

Выбрасывали пушки и мушкеты
Свинцовые пилюли и плевки.
Кровавое слабительное это
Сметает разом целые полки!
Пугают человечество кометы,
Чума и голод. Очень велики
Несчастья мира, но картина боя
Правдивая затмит все зло земное.

13

На поле боя поражают нас
 Все виды человеческих страданий —
 Сведенных рук, остекленевших глаз:
 Все ужасы жестоких истязаний
 Без всяких поэтических прикрас.
 Так погибают тысячи созданий,
 Иной же уцелеет как-нибудь
 И ленточкой потом украсит грудь!

14

Но я люблю большое слово Слава;
 Оно героям в старости дает
 На пенсию заслуженное право,
 А бардам — дополнительный доход.
 В поэзии герои величавы,
 Отсюда все — и гордость и почет;
 А пенсии, без всякого сомненья,
 Оправдывают ближних ограбленья!

15

Передовые приступом спешат
 У турок взять одну из батарей,
 А ниже по реке другой отряд
 Закончил высадку; еще быстрее
 Солдаты лезут (так толпа ребят
 Бежит навстречу матери своей)
 Через окоп и стену палисада,
 Храня порядок, словно для парада.

16

Ужасный бой пылал и грохотал:
 Казалось, сам Везувий раскаленный
 Губительной картечью клокотал.
 Суворов, жаркой битвой увлеченный,
 Третью офицеров сразу потерял,
 А строгая статистика Беллоны
 Нас поучает, что урон такой
 Сулит исход решительно плохой.

.

19

И Джонсона и юного Жуана
 Послали в бой с каким-то там полком.

Они сражались доблестно и рьяно,
Не думая, не помня ни о ком;
Кричали, били, наносили раны
И шпагою и просто кулаком —
И, говоря по правде, заслужили,
Чтоб их *обоих* в сводку поместили.

20

Порой идти им приходилось вброд
В болоте мертвых тел и крови черной:
Казалось — ад бушует и ревет
Навстречу им стихией непокорной;
Они упрямо двигались вперед
С отвагою безумной и упорной
И, по телам товарищей своих
Шагая, не слышали стонов их.

.

69

Итак, отряды первые вбежали
В горящий осажденный Измаил;
Штыки и сабли яростно сверкали;
Неистово, собрав остатки сил,
Разбитый город турки защищали.
Ужасный вой до неба доходил:
Кричали дети, женщины вопили
В густом дыму и тучах черной пыли.

.

133

Суворов в этот день превосходил
Тимура и, пожалуй, Чингис-хана:
Он созерцал горящий Измаил
И слушал вопли вражеского стана;
Царице он депешу сочинил
Рукой окровавленной, как ни странно —
Стихами: «Слава богу, слава вам! —
Писал он. — Крепость взята, и я там!»

.

135

Как страшно эта песенка звучит
Под музыку стенаний! Негодуя,
Пускай ее потомство повторит.

Я возглашаю: камни научу я
Громить тиранов! Пусть не говорит
Никто, что льстил я тронам! Вам кричу я,
Потомки! Мир в оковах рабской тьмы
Таким, *как был он*, показали мы!

136

Нам новый век узреть не суждено,
Но вы, вкушая радость мирозданья,—
Поймете ль вы, что было так темно,
Так мерзостно людей существованье!
Да будет навсегда погребено
Презренных этих лет воспоминанье!
Забудьте кровожадных дикарей,
Кичащихся жестокостью своей!

137

Пускай же разукрашенные троны
И все на них сидевшие царьки
Вам чужды, как забытые законы,
Как тайные иероглифов значки
На древних обелисках фараона,
Как мамонтов огромных костяки;
Вы будете глядеть в недоуменье —
Могли ли жить подобные творенья!

.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

.

23

Вот наш герой, судьбой своей влеком,
В полярную столицу поспешает —
К вельможам, пообтесанным Петром.
Теперь сия империя стяжает
Немало лести. Жаль признаться в том,
Но и Вольтер хвалой ее венчает.
По мне же, самодержец автократ
Не варвар, но похуже во сто крат.

24

И вечно буду я войну вести
Словами — а случится, и делами! —

С врагами мысли. Мне не по пути
С тиранами. Вражды святое пламя
Поддерживать я клялся и блюсти.
Кто победит, мы плохо знаем с вами,
Но весь остаток дней моих и сил
Я битве с деспотизмом посвятил.

25

Довольно демагогов без *меня*:
Я никогда не потакал народу,
Когда, вчерашних идолов кляня,
На новых он придумывает моду.
Я варварство сегодняшнего дня
Не воспую временщику в угоду.
Мне хочется увидеть поскорей
Свободный мир — без черни и царей.

.

29

О результате славного похода
Царице Дон-Жуан депешу вез;
Убитых — как траву, а кровь — как воду,
Ей доблестный фельдмаршал преподнес.
Великое побоище народа
Екатерину заняло всерьез:
Она, следя за петушиной дракой,
Своим лишь восхищалась забиякой.

30

И вот в кибитке скачет мой герой.
Не пользуйтесь проклятой сей коляской,
Особенно осеннею порой!
Но, увлечен грядущею развязкой
И вымысла заманчивой игрой,
Он только сожалел, измучен тряской,
Что не крылаты лошади пока,
А на сиденье нет пуховика.

.

42

Я буду отвлекаться, так и быть...
Но в данный миг я возвращусь к роману,
Как сказано — во всю ямскую прыть
Неслась кибитка моего Жуана.

Но долгий путь вас может утомить,
И я его описывать не стану;
Я в Петербурге ждать его готов,
В столице ярко блещущих снегов.

43

Смотрите — в форме лучшего полка
Мой Дон-Жуан. Мундир суконный красный,
Сверкающий узор воротника,
Плюмаж — как парус, гордый и прекрасный,
Густые сливки тонкого чулка
И желтых панталон отлив атласный
Обтягивали пару стройных ног,
Какими Феб — и тот гордиться б мог!

44

Под мышкой — треуголка, сбоку — шпага.
Все, чем искусство, слава и портной
Украшить могут юную отвагу,
Цветущую здоровьем и весной,—
Все было в нем. Не делая ни шагу,
Стоял он статуэткой расписной,
Как бог любви — ей-ей, не лицемерю я! —
В мундире лейтенанта артиллерии.

45

Повязка спала с глаз его, колчан
И стрелы легкой шпагою сменились,
А крылышки — и это не изъян! —
В густые эполеты превратились.
Он был, как ангел, нежен и румян,
Но по-мужски глаза его светились.
Сама Психея, я уверен в том,
Признала б Купидона только в нем.

46

Застыли дамы, замерли вельможи — и
Царица улыбнулась. Фаворит
Нахмурился: мол, новый-то моложе и
Меня без церемоний оттеснит!
Все эти парни рослые, пригожие,
Как патагонцы brave на вид,

Имели много прибыли и... дела,
С тех пор как их царица овдовела.

.

57

Царица этой силой обладала
В избытке; и с умом и с мастерством
Она ее отлично применяла
В прославленном правлении своем.
Когда она Жуана увидала
Коленопреклоненного с письмом,
Она забыла даже на мгновенье,
Что это не письмо, а донесенье.

58

Но царственность ее превозмогла
Четыре пятых женского начала:
Она депешу все-таки взяла
И с милостивым видом прочитала.
Толста на первый взгляд она была,
Но благородной грацией сияла.
Вся свита настороженно ждала,
Пока ее улыбка расцветала.

.

65

Екатерина — *ох!* Царица — *ах!*
Великим междометья подобают:
В любви и в государственных делах
Они смятенье духа выражают.
Хоть было лестно ей узнать, что в прах
Повержен враг, что Измаил пылает,
Всему могла царица предпочесть
Того, кто ей доставил эту весть.

.

78

Придворные шептались, — правда, чинно, —
К ушам соседа приложив уста,
У фрейлин старых морщились морщины,
А юные, которых красота
Еще цвела, — сочувственно-невинно
Смеялись меж собой. Но неспроста

Все гренадеры, первенцы удачи,
Молчали, от досады чуть не плача.

79

Лукавые заморские послы
Осведомлялись, кто сей отрок новый,
Который пробирается в орлы
Которому уже почти готовы
И должности, и пышные хвалы,
И награждений дождь многорублевый,
И ордена, и ленты, и к тому ж
Дарения десятков тысяч душ!

.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

1

Когда однажды, в думу погружен,
Увидел Ньютон яблока паденье,
Он вывел притяжения закон
Из этого простого наблюденья.
Впервые от Адамовых времен
О яблоке разумное сужденье
С паденьем и с законом тайных сил
Ум смертного логично согласил.

2

Так человека яблоко сгубило,
Но яблоко его же и спасло,—
Ведь Ньютона открытие разбило
Неведенья мучительного зло,
Дорогу к новым звездам проложило
И новый выход страждущим дало.
Уж скоро мы, природы властелины,
И на Луну пошлем свои машины!

3

К чему тирада эта? Просто так!
Я взял перо, бумагу и чернила,
Задумался, и — вот какой чудак! —
Фантазия во мне заговорила!
Я знаю, что поэзия — пустяк,
Что лишь наука — действенная сила,

Но все же я пытаюсь, ей вослед,
Чертить движенье вихрей и комет.

4

Навстречу вихрям я всегда бросался,
Хотя мой телескоп и слаб и мал,
Чтоб видеть звезды. Я не оставался
На берегу, как все. Я воевал
С пучиной вечности. Ревя, вздымался
Навстречу мне неукротимый вал,
Губивший корабли; но шторма сила
Меня и крепкий челн мой не страшила.

.

Прослужив некоторое время при дворе Екатерины, Жуан заболел,

39

Однажды он почувствовал с утра
Озноб и сильный жар. Царица, в горе,
Врача, который пользовал Петра,
К нему послала. С важностью во взоре,
К великому смятению двора,
Жуана осмотрев, сказал он вскоре,
Что частый пульс, и жар, и ломота
Внушают опасенье неспроста!

.

43

Мой Дон-Жуан едва не умер, но
Упорная натура одолела
Болезнь, хоть это было мудрено.
Однако на щеках его алело
Здоровье слабым отблеском — оно
Пока еще лишь теплилось несмело;
Врачи усердно стали посему
Твердить о путешествиях ему.

44

«Южанам климат севера вредит!» —
Решили все. Царица поначалу
Имела хмурый, недовольный вид
(Она терять любимца не желала!);
Но, видя, как теряет аппетит
И тает он,— она затрепетала

И сразу средство мудрое нашла:
Развлечь Жуана должностью посла!

45

В то время шли как раз переговоры
Меж русским и английским кабинетом.
Все дипломаты — нации опора —
Им помогали делом и советом;
О Балтике велись большие споры
И о правах торговли в мире этом
(Известно, что Фетиду бритт любой
Считает юридической рабой).

46

Екатерина даром владела
Друзей и фаворитов ублажать.
Она Жуана в Англию послала —
Чтоб собственную славу поддержать
И отличить его; она желала
Его в достойном блеске показать
И посему казны не пожалела
Для пользы государственного дела.

.

64

И вот — пролива пенистые воды
И пляшущего шторма озорство
Под парусами к острову свободы
Уже несут героя моего.
Он не боится ветреной погоды,
Морской недуг не трогает его;
Он только хочет первым, как влюбленный,
Увидеть белый берег Альбиона!

65

И берег вырос длинною стеной
У края моря. Сердце Дон-Жуана
Забилось. Меловой белизной
Залюбовался он. Сквозь дым тумана
Все путники любят страну,
Где смелые купцы и капитаны,
Сноровки предприимчивой полны,
Берут налоги чуть ли не с волны.

Я, правда, не имею основанья
 Сей остров с должной нежностью любить,
 Хотя и признаю, что англичане
 Прекрасной нацией *могли бы быть*;
 Но за семь лет — обычный срок изгнанья
 И высылки — пора бы позабыть
 Минувшие обиды, ясно зная:
 Летит ко всем чертям страна родная.

О, знает ли она, что каждый ждет
 Несчастия, которое б сломило
 Ее величье? Что любой народ
 Ее считает злой, враждебной силой
 За то, что всем, кто видел в ней оплот,
 Она, как друг коварный, изменила
 И, перестав к свободе призывать,
 Теперь и мысль готова заковать.

Она тюремщик наций. Я ничуть
 Ее свободе призрачной не верю;
 Не велика свобода — повернуть
 Железный ключ в замке тяжелой двери.
 Тюремщику ведь тоже давит грудь
 Унылый гнет тоски и недоверья,
 Он тоже обречен на вечный плен
 Замков, решеток и тюремных стен.

Жуан увидел гордость Альбиона —
 Твои утесы, Дувр мой *дорогой*,
 Твои таможни, пристани, притоны,
 Где грабят простаков наперебой,
 Твоих лакеев бойких батальоны,
 Довольных и добычей и судьбой,
 Твои недостижимые отели,
 Где можно разориться за неделю!

.

Из Дувра Жуан последовал дальше — в Лондон.

Вернемся же к Жуану. Постепенно
 Стемнело, и предстал его глазам
 Холм, Шутерс-Хилл, хранящий неизменно
 Великий город. Обращаясь к вам,
 Все англосаксы, «кокни», джентельмены,—
 Вздыхай и улыбайся, каждый бритт,—
 Перед тобою город твой открыт!

81

Выбрасывал он в небо тучи дыма,
 Как полупотухающий вулкан.
 Казалось, это ад неукротимый
 Из серных недр выбрасывал фонтан.
 Но, как в объятья матери любимой,
 Спешил ему навстречу Дон-Жуан.
 Он уважал высокие свободы
 Страны, поработившей все народы.

82

Туман и грязь на много миль вокруг,
 Обилье труб, кирпичные строенья,
 Скопленье мачт, как лес поднятых рук,
 Мелькнувший белый парус в отдаленье,
 На небе — дым и копоть, как недуг,
 И купол, что повис огромной тенью
 Дурацкой шапки на челе шута,—
 Вот Лондон! вот родимые места!

.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

.

8

Мой Дон-Жуан стоял на Шутерс-Хилле
 В закатный час, раздумьями томим,—
 И темным океаном крыш и шпилей
 Лежал огромный Лондон перед ним,
 И до него неясно доходили,
 Как по равнине стелющийся дым,

Далекое жужжанье, бормотанье,
Кипящей грозной пены клокотанье...

9

Мой Дон-Жуан в порыве экзальтации
Глядел на чудный город и молчал —
Он пламенный восторг к великой нации
В своем наивном сердце ощущал.
«Привет тебе, твердыня Реформации,
О родина свободы, — он вскричал, —
Где пытки фанатических гонений
Не возмущают мирных поколений.

10

Здесь честны жены, граждане равны,
Налоги платит каждый по желанью;
Здесь покупают вещь любой цены
Для подтвержденья благосостоянья;
Здесь путники всегда защищены
От нападений...» Но его вниманье
Блеснувший нож и громкий крик привлек
«Ни с места, падалы! Жизнь иль кошелек!»

11

Четыре парня с этим вольным кличем
К Жуану бросились, решив, что он
Беспечен и сражаться непривычен,
И будет сразу сдаться принужден,
И лакомой окажется добычей,
Лишившись кошелька и панталон,
А может быть, и жизни: так бывает
На острове, где все преуспевают.

.

13

Жуан не понял слов, но понял дело,
И, действуя, как в битве, наугад,
Он вынул пистолет и очень смело
Вогнал в живот обидчику заряд.
Разбойника простреленное тело
Бессильно опрокинулось назад,
И только стон раздался хрипловатый:
«Эх, уходил меня француз проклятый!»

Все прочие удрали что есть сил.
 Испуганные слуги Дон-Жуана,
 Когда и след разбойников простыл,
 На место схватки прибежали рьяно;
 Но мой герой лишь об одном просил —
 Чтоб незнакомцу осмотрели рану.
 Уже он сожалел, что был жесток
 И слишком поспешил спустить курок.

«Быть может,— размышлял он,— в самом деле
 В обычаях страны такой прием!
 С поклоном нас ограбили в отеле,
 А этот просто бросился с ножом.
 Различные пути к единой цели...
 Но как-никак, а я виновен в том,
 Что он страдает, и уйти не вправе,
 Его без всякой помощи оставя!»

Он подал знак — но только трое слуг
 Приблизилась, как раненый, бледнея,
 Промолвил: «Нет, ребята, мне каюк!
 Мне только б рюмку *джину!*» И, слабея,
 Он судорожным жестом цепких рук
 Распутал шарф на посиневшей шее,
 С усилием сказал в последний миг:
 «Отдайте Салли!» — и навек поник.

.....

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

.....

О, золото! Кто назовет несчастным
 Скупого? Он несказанно богат!
 Все силы мира золоту подвластны,
 Власть золота — как якорный канат!
 Вам кажется, скупой живет ужасно,
 Он плохо ест, боится лишних трат.

Но он же, сэкономив корку сыра,
Счастливей, чем все владыки мира!

4

Любовь, разврат, вино et cetera ¹
Вредят здоровью; жажда громкой славы
Вредит душе; азартная игра
Вредит карману. Лучшие забавы,
Как видно, не доводят до добра,
Но жажда денег исправляет нравы;
Скупой, копящий золото, давно
Забыл разврат, и карты, и вино.

5

О, золото! Кто возбуждает прессу?
Кто властвует на бирже? Кто царит
На всех великих сеймах и конгрессах?
Кто в Англии политику вершит?
Кто создает надежды, интересы?
Кто радости и горести дарит?
Вы думаете — дух Наполеона?
Нет — Ротшильда и Беринга миллионы!

• • • • •

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Дон-Жуан как многообещающий молодой дипломат был принят в
лондонском высшем свете,

• • • • •

2

Итак, приступим: леди Аделина
Амондевилл была весьма знатна,
Ее норманнский гордый род старинный
Вольшие украшали имена;
Пленительно-прекрасной, как картина,
Считалась даже в Англии она
(А в Англии, как пишут патриоты,
Красавицы рождаются без счета!).

• • • • •

¹ И так далее (франц.).

14

Она была чиста, назло злословью,
 И замужем за мужем именитым
 И государственным. По хладнокровью
 Амондевилл был настоящим бриттом;
 Гордился он жены своей любовью,
 Да и самим собой — надменным, сытым;
 И потому он был уверен в ней,
 Она же — в добродетели своей.

15

В кругах дипломатических встречался
 С Жуаном часто лорд Амондевилл;
 Он холодно и чопорно держался,
 Но и его герой мой поразил:
 Талантами от всех он отличался
 И гордо голову свою носил;
 А это уваженье вызывало —
 А с уваженьем дружба возникала.

16

Лорд Генри был немного суховат
 От гордости и сдержанного нрава;
 Судить о том, кто прав, кто виноват,
 Он приобрел неписаное право;
 Самоуверен, знатен и богат,
 Он в обществе держался величаво
 И благосклонно жаловал друзей
 Презрением и милостью своей.

.

20

Милорду Дон-Жуан не уступал
 Ни в гордости, ни в знатности, ни в сане.
 Конечно, втайне Генри полагал,
 Что выше всех народов англичане,
 Поскольку их правленье — идеал
 Свободы слова, веры и собраний...
 К дебатам долгим сам он склонен был
 И целыми часами говорил.

.

22

Испанец молодой ему понравился
 Надменной, но изысканной учтивостью,

С которой он сановникам представился,
И тем, как он держался с ловкой льстивостью.
Не всякий добродетелью прославился;
Иной грешит горячностью и живостью,
Но что такое в юноше грешки?
Лишь плодородной почвы сорняки.

23

Он говорил с Жуаном об Испании,
О турках и о нравах прочих стран,
Где каждый — раб чужого приказанья,
О скачках — давней страсти англичан,
И жеребцов рысистых воспитании.
Был истым андалузцем мой Жуан,
И кони слушались его любые,
Как венценосных деспотов — Россия.

24

Лорд Генри с ним встречался на балах,
На раутах в посольстве, за бостоном
(Жуан был принят в избранных кругах,
Как в братство тот, кто сделался масоном);
Поскольку в лучших лондонских домах
Блистал он благородством прирожденным,
Гостеприимный лорд Амондевилл
Его в свой дом роскошный пригласил.

.

42

Зима к июлю в Англии кончается,
А с августа уж снова тут как тут;
Зато в июле все преображается,
И лошадям покою не дают.
В деревню на каникулы являются
Те, кто зимою в городе живут,
И их папаши проверяют строго:
Мол, знаний мало, а долгов-то много!

.

52

В свое великолепное именье,
Как нам известно, лорд Амондевилл
Для летнего времяпрепровожденья
Блестящий круг знакомых пригласил.
Источник, не внушающий сомненья,

Недавно нам любезно сообщил,
Что будет в этой избранной компании
Посланник русский, родом из Испании.

.

55

Но ближе к делу. Лорд Амондевилл
Отправился в фамильное аббатство,
В котором архитектор проявил
Готической фантазии богатство:
Старинный монастырь построен был
Трудами католического братства
И был, как все аббатства тех времен,
Большим холмом от ветра защищен.

.

57

Питаемое медленной рекой,
Внизу лежало озеро большое,
Как неба безмятежного покой,
Прозрачное и чисто-голубое.
К нему спускались шумною толпой
Густые рощи, шелестя листвою,
И в камышах, у мирных берегов,
Гнездились утки, выводя птенцов.

58

А дальше — речка прыгала с обрыва,
Густую пену кольцами крутя,
Потом бежала тихо, но игриво,
Как резвое, веселое дитя.
Ее излучин светлые извивы,
То прячась в тень, то весело блестя,
Казались то прозрачно-голубыми,
То синими, как небеса над ними.

59

Но монастырь был сильно поврежден:
От гордого старинного строения,
Свидетеля готических времен,
Остались только стены, к сожаленью.
Густым плющом увит и оплетен,
Сей мрачный свод, как темное виденье,
Напоминал о бурях прошлых дней
Непримиримой строгостью своей.

.

Настала осень бледно-золотая,
 Обетованных радостей пора,
 Охотники, усталости не зная,
 В полях пустынных носятся с утра,
 Пернатой дичью сумки наполняя;
 Шумит охоты вольная игра!
 Беда тетеревам, беда фазанам
 И браконьерством занятым крестьянам!

.

Все львицы, все таланты, все светила
 К Амондевиллу в гости собрались:
 Мисс Бом-Азей, О'Шлейф и леди Рылло,
 Графиня Фиц-Фалк и княгиня Крысс.
 Мисс Мак-Корсет, мисс Блеск и мисс Унылла,
 Жена банкира миссис Мак-Ханжис
 И миссис Сон, с улыбкою овечки
 Ронявшая ехидные словечки.

.

Там был и сэра Болл-Тун, большой смутьян,
 Прославленный драчливостью словесной,
 И юный бард столичный, граф Оман,
 В салонах блещущий звездой небесной;
 Там был веселых оргий капитан
 Сэр Джон Пьювиски, пьяница известный;
 Там лорд Пиррон, философ-радикал,
 Возвышенные мысли изрекал.

.

Там был и метафизик вдохновенный,
 Любивший и науку и банкеты,
 Там был и Пустослов достопочтенный,
 И завсегдатай скачек и балета
 Сэр Генри Приз — большой любитель сцены;
 Там был и Август, лорд Плантагенет —
 Держать пари любитель и эстет.

Там был гвардеец бравый Джек Жаргон,
 Там был, в боях награды заслуживший,

Великий тактик генерал Мордон,
Десятки янки на словах сгубивший;
Там был судья и бравый солдафон
Сэр Джеффри Грубб, язвительно шутивший,
Умевший прибаутки отпускать
И приговор остротами смягчать.

89

Все общество на шахматы похоже:
В нем есть и короли и королевы,
Слоны и пешки, есть и кони тоже.
Ведь жизнь всегда игра. Однако все вы
Вольны в своих поступках. Ну так что же?
Тем больше здравых поводов для гнева...
Но муза легкокрылая моя
Не любит жалить, милые друзья!

.

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Дон-Жуан приехал в замок Амондевилл в числе других гостей.

.

15

Лирическим раздумьем обуян,
В готическом покое горделивом
Не думал о покое Дон-Жуан.
Он видел, как мерцает прихотливо
Гладь озера сквозь прозрачный туман;
Вдали, конечно, наклонялась ива,
И водопад срывался с крутизны,
Сверкая пеной снежной белизны.

16

На столике — верней, на туалете
(Я точности придерживаюсь рад;
О самом незначительном предмете
Я говорить не стану невпопад!) —
Свеча горела тускло. В мутном свете
Героя моего усталый взгляд

Встречал картины, вазы, гобелены
И темные готические стены.

17

Он вышел в зал. В багетах темных рам,
В неясной мгле таинственного света
Мерцали величаво по стенам
Прекрасные старинные портреты
Давно почивших рыцарей и дам,—
Кольчуги, шлемы, розы, кастаньеты...
Портреты мертвых под лучом луны
Особенно печальны и страшны.

18

Суровый рыцарь и седой монах
При лунном свете будто оживают,
Шаги твои на дремлющих коврах
Таинственные шорохи рождают;
Во всех углах гнездится смутный страх,
Причудливые блики выплывают:
«Как смеешь ты блуждать в ночной тени,
Когда не спят лишь мертвые одни?»

.

20

Итак, Жуан мечтательно вздыхал
О том, что все подвластно измененью —
И женщины и чувство. Он шагал,
Стараясь заглушить свое волненье,—
И вдруг неясный шорох услышал...
Быть может, мышь? Быть может, привиденье?
(Никто не любит слышать в час ночной
Шуршанье между шторой и стеной!)

21

Но то была не мышь, а тень немая
Монаха в темной мантии, в шлыке;
Он подвигался, глаз не поднимая,
Сжимая четки в призрачной руке,
Ныряя в тень и снова выплывая
На лунный свет, как лодка на реке,—
И только поравнявшись с Дон-Жуаном,
Его пронзил каким-то взором странным.

22

Жуан окаменел; хоть он слышал
 О призраках в старинных замках этих,
 Но как-то никогда не допускал,
 Что человек способен лицезреть их.
 Он рассказням совсем не доверял:
 Что призраки? Вранье! Ведь мы не дети!
 Но что-то вдруг мелькнуло перед ним,
 Как облако иль стелющийся дым.

23

Три раза кряду это порожденье
 Земных, небесных или темных сил
 Прошло по галерее; без движенья
 За ним Жуан испуганный следил,
 И волосы его, как дуновенье,
 Неизъяснимый ужас шевелил.
 Остановить монаха он пытался...
 Увы! Язык ему не подчинялся!

24

На третий раз таинственная мгла
 Глубокого глухого коридора
 Монаха поглотила. Там была
 Простая дверь, а может быть, и штора,
 Бесплотные и плотные тела
 Способны от внимательного взора
 Вдруг исчезать неведомо куда
 Без явственной причины и следа.

25

Встревоженный Жуан не шевелился,
 Не отрываясь глядя в полутьму,
 В которой непонятно растворился
 Ужасный дух, являвшийся ему.
 И каждый бы, я думаю, смутился,
 Увидев непонятное уму.
 Рассеянный и бледный, еле-еле
 Он ощупью добрался до постели.

.

28

Но часто просыпался он тревожно,
 Не понимая, что же видел он?

Виденье ль? Сновиденье ль? Все возможно,
Хоть суеверный страх уже смешон.
К утру он задремал, но осторожно
Слуга прервал его недолгий сон,
Предупредив почтительно и чинно,
Что время одеваться господину.

.

30

Он появился к утреннему чаю;
Рассеянно к столу придвинул стул
И, на приветствия не отвечая,
Рассеянно из чашки отхлебнул,
Обжегся — и, смешков не замечая,
За ложечкою руку протянул.
Тут сразу угадала Аделина,
Что тайная тоска всему причина.

.

32

Печали без достаточной причины,
Как водится, не терпит высший свет.
«Здоровы ль вы?» — спросила Аделина.
Жуан ответил: «Да... Немножко... нет...»
Домашний врач осведомился чинно
По части сердца и других примет,
На что Жуан ответил лаконично,
Что, право, чувствует себя отлично.

.

35

Лорд Генри, как хозяин благосклонный,
Тут улыбнулся: «Вид у вас такой,
Как будто наш монах неугомонный
Нарушил ваш полуночный покой!»
С гримасою притворно-удивленной,
Но все-таки бледнея, мой герой
Сказал, тревогу тайную скрывая:
«Какой монах? Я ничего не знаю!»

36

«Помилуйте! Семейный наш монах!
Легенда, впрочем, часто привирает;
Но все-таки хоть в нескольких словах

Вам рассказать об этом подобает,
Хотя уже давно в моих стенах
Сей древний посетитель не бывает.
Не знаю — он ли стал смиренней, чем был,
Иль наше зренье разум притупил».

37

«Ах, милый мой! — миледи возразила
(Взглянув на Дон-Жуана моего,
Она весьма легко сообразила,
Что эта тема трогает его), —
Я много раз уж, кажется, просила
Не говорить об этом ничего;
Шутить на эти темы неуместно,
А древнее преданье всем известно».

38

«Да я шутить совсем и не желал! —
Сказал милорд. — Припомни, дорогая,
Как нас он после свадьбы напугал,
По галерее в сумерках блуждая!»
Но тут он поневоле замолчал,
Увидев, что супруга молодая
Взялась за арфу, в струнах пробудив
Задумчивый и жалобный мотив.

Песня леди Амондевилл

Спаси нас, помилуй, пречистая сила:
Монах на могиле сидит,
В полночной тиши за помин души
Молитвы и мессы творит.
Когда разорил лорд Амондевилл
Обитель отцов честных,
Один не забыл священных могил
Почивших братьев своих.
Губя и дея мечом короля
Угодья господних слуг,
Топтали солдаты леса и поля
И села сжигали вокруг.
Но, строг и суров, не боясь оков,
Печален, угрюм и упрям,
В часовню и в дом, невидимый днем,
Монах приходил по ночам.

Порожденье злых или добрых сил —
Не нам рассуждать о том,—
Он в замке лордов Амондевилл
Обитает ночью и днем;
Он тенью туманной мелькает, незванный,
На свадебных их пирах
И в смертный их час, не спуская глаз,
Стоит у них в головах.

Встречает он стоном, страданьем бессонным
Рожденье наследников их;
Предвидя невзгоду, грозящую роду,
Является в залах пустых.
Тревожную тенью скользит привиденье,
Но лик капюшоном закрыт,
И взор его странный тоскою постоянной,
Могильной тоскою горит.

Спаси нас, помилуй, пречистая сила!
Хозяева в этих стенах
Днем — внуки лорда Амондевилла,
А ночью — этот монах.
В обители древней гнездится страх,
А тень продолжает блуждать,
Ни лорд, ни вассал еще не дерзал
Права его отрицать.

Не трогай монаха, что бродит по залам,—
И не тронет тебя монах.
Как ночи туманы, беззвучно, устало
Он движется тихо впотьмах.
Спаси его душу, пречистая сила,
От темных страстей защити,
И что бы страданьем его ни томило,—
Грехи его отпусти!

.

Наступила следующая ночь. Жуан отправился к себе в комнату.

Что ж мой герой? Тревогою объят,
Предчувствуя монаха приближенье,
Он облачился в шелковый халат,
Но спать не мог в подобном настроенье.
Мне скептики поверить не хотят,
Но юности живой воображенью

Рисуются туманы, и луна,
И, вместо маков, ива у окна.

111

Как накануне, полночь наступила,
Луна вошла на синий небосвод,
А на постели, съжившись уныло,
Сидел Жуан в халате, sans culotte ¹,
В нем сердце настороженное ныло,
Предвосхищая призрака приход.
(Кто не бывал в подобном состоянье,
Того не убедят и описанья!)

112

Чу! Осторожный шорох за дверьми!
Чу! Половица скрипнула немножко!
Все ближе, ближе, ближе... не томи!
Мелькнула тень у самого окошка...
Но это... это что же, черт возьми?!
Да это, в самом деле, просто кошка,
Спешащая, как ветреная мисс,
На первое свиданье — на карниз!

113

Но снова шорох... Ветра дуновенье?
Шуршанье беспокойное листвы?
Нет... Неподвижны люди и растенья...
Из лунной возникая синевы,
Монаха роковое привиденье
Идет, не поднимая головы,
Ничто остановить его не в силах,
И кровь Жуана застывает в жилах.
.

115

И страх способен наносить увечья!
Жуан открыл глаза и даже рот.
Когда врата открыты красноречья,
Ни звука наш язык не издает...
Слаба, конечно, воля человечья,
Когда момент ужасный настает.

¹ Без штанов (франц.).

Итак, открылся рот, как говорилось,
А вслед за ним — о, ужас! — дверь открылась.

.

117

Открылась дверь с каким-то плавным взмахом,
Подобным взмаху птичьего крыла,
И в тот же самый миг (клянусь аллахом!)
Сама собой обратно отошла.
И вот, колебля как бы тайным страхом
Огонь свечи посереде стола,
Явилось на пороге черной тенью
Монаха роковое привиденье.

118

Сперва Жуан, понятно, задрожал,
Но на себя тот час же рассердился,
Что пред бесплотным духом оплошал;
В нем дух иного сорта пробудился;
Он кулаки и зубы крепко сжал
И доказать обидчику решился,
Что, если плотью дух руководит,
Бесплотный дух ее не победит!

119

Ужасный гнев Жуана охватил,
Старинная вскипела в нем отвага.
И что же? Призрак сразу отступил,
Когда в его руке увидел шпагу.
Однако вовсе он не уходил,
Но пятился, не прибавляя шагу;
Жуану он рукою пригрозил
И, очутившись у стены, застыл.

120

Жуан смотрел в упор на привиденье
И, замирая страхом и тоской,
Холодные стены прикосновенье
Вдруг ощутил дрожащею рукой.
(Всего страшней подобные явления;
Какой-нибудь ничтожный домовый
Героя напугать способен боле,
Чем тысячное войско в ратном поле!)

Но все-таки монах не уходил.
 Жуан заметил глаз его сверканье,
 Он даже, как ни странно, ощутил
 Виденья осторожное дыханье
 И, приглядевшись ближе, различил
 Неясные живые очертанья:
 Румяные уста, изящный нос
 И легкий локон шелковых волос.

Тут мой герой невольно встрепенулся,
 Решившись снова руку протянуть.
 И что же? Неожиданно наткнулся
 На нежную трепещущую грудь!
 (Когда стены он давеча коснулся,
 Он, видимо, ошибся как-нибудь!)
 На этот раз рука не заблудилась:
 Вздымалась грудь, и даже сердце билось.

Прелестный дух испуганно дышал,
 Потупившись лукаво и смущенно:
 Его лица почти не защищал
 Унылый мрачный траур капюшона —
 Он медленно на плечи опадал...
 Кого ж узрел герой мой удивленный
 В игриво-нежном образе мечты?
 Графини Фиц-Фалк милые черты!

.

1818—1823

ЛИРИКА И ЭПИГРАММЫ

К Э.

Пускай глупцы кругом острят
О нашей Дружбе. Бог свидетель:
В союзе знатность и разврат,
С Любовью дружит Добродетель.

Быть может, род мой и высок,
И титул мой под стать поместью,
Но не завидуй мне, дружок!
Гордись достоинством и честью.

Моя душа с твоей сошлась,
Твой ранг на мне не ляжет грязью,
А геральдическая связь
Ничто перед сердечной связью.

1802

ПРОЩАНИЕ С НЬЮСТЕДСКИМ АББАТСТВОМ

Зачем воздвигаешь ты чертог, сын крылатых дней? Сегодня ты глядишь со своей башни, но пройдет немного лет — налетит ветер пустыни и завоюет в твоём опустелом дворе. *Оссиан.*

Свищут ветры, Ньюстед, над твоею громадой.
Дом отцов, твои окна черны и пусты.
Вместо розы репейник растет за оградой,
И татарник густой заглушает цветы.

Не воскреснуть суровым и гордым баронам,
Что водили вассалов в кровавый поход.

Только ветер порывистый с лязгом и стоном
Старый щит о тяжелые панцири бьет.

Старый Роберт на арфе своей испуленно
Не взгремит, вдохновляя вождя своего,
Сэр Джон Хористон спит возле стен Аскалона,
И недвижна рука менестреля его.

При Креси Поль и Хьюберт в кровавой долине
За отчизну и Эдварда пали в бою;
Предки славные! Англия помнит поныне
Вашу гибель, ваш подвиг и славу свою.

Под знаменами Руперта храбрые братья
Землю Марстона полили кровью своей
И посмертно скрепили кровавой печатью
Верность роду несчастных своих королей.

Тени храбрых! Настала минута прощанья,
Ваш потомок уйдет из родного гнезда.
Только память о вас унесет он в скитанья,
Чтоб отважным, как вы, оставаться всегда.

И хотя его взор затуманен слезами,
Эти слезы невольные вызвал не страх.
Он уедет, чтоб славой соперничать с вами,
И о вас не забудет в далеких краях.

Ваша слава незыблема. Спите спокойно:
Ваш потомок клянется ее не ронять.
Хочет жить он, как вы, и погибнуть достойно,
И свой прах с вашим доблестным прахом смешать.

1803

ОТРЫВОК, НАПИСАННЫЙ ВСКОРЕ ПОСЛЕ ЗАМУЖЕСТВА МИСС ЧАВОРТ

Бесплодные места, где был я сердцем молод,
Анслейские холмы!
Бушуя, вас одел косматой тенью холод
Бунтующей зимы.

Нет прежних светлых мест, где сердце так любило
Часами отдыхать,
Вам небом для меня в улыбке Мэри милой
Уже не заблестать.

1805

СЕРДОЛИК

Не блеском мил мне сердолик!
Один лишь раз сверкал он, ярк,
И рдеет скромно, словно лик
Того, кто мне вручил подарок.

Но пусть смеются надо мной,
За дружбу подчинюсь злословью:
Люблю я все же дар простой
За то, что он вручен с любовью!

Тот, кто дарил, потупил взор,
Боясь, что дара не приму я,
Но я сказал, что с этих пор
Его до смерти сохраню я!

И я залог любви поднес
К очам — и луч блеснул на камне,
Как блещет он на каплях рос...
И с этих пор мила слеза мне!

Мой друг! Хвалиться ты не мог
Богатством или знатной долей,
Но дружбы истинный цветок
Взрастает не в садах, а в поле!

Ах, не глухих теплиц цветы
Благоуханны и красивы,
Есть больше дикой красоты
В цветах лугов, в цветах вдоль нивы!

И если б не была слепой
Фортуна, если б помогала
Она природе — пред тобой
Она дары бы расточала.

**А если б взор ее прозрел
И глубь души твоей смиренной,
Ты получил бы мир в удел,
Затем что стоишь ты вселенной.**

1806

**СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЛЕДИ, ПОСЛАВШЕЙ
АВТОРУ ЛОКОН ЕГО И СВОИХ ВОЛОС,
ПЕРЕВЯЗАННЫХ ВМЕСТЕ,
А ТАКЖЕ НАЗНАЧИВШЕЙ ЕМУ СВИДАНИЕ
В СВОЕМ САДУ ДЕКАБРЬСКОЙ НОЧЬЮ**

Два этих локона, поверьте,
Связуют нас до самой смерти,
Прочней, чем все пустые клятвы,
Хоть их услышите стократ вы.
Уж позади все испытанья,
Обеты, слезы, расставанья.
Зачем же попусту стенать нам,
Зачем друг друга ревновать нам
С одной лишь мыслью фантастической
Любовь представить романтической?
Есть персонаж у Шеридана,
Как вы, дитя самообмана.
Тут вы могли бы состязаться
В уменье пламенно терзаться.
Свой ум опасной пищей потчуя,
Вы пожелали, чтобы ночью я,
Окочевевший на морозе,
Вас долго ждал в смиренной позе
Под обнаженной сенью сада,
За что винить Шекспира надо,
Пославшего при лунном свете
Ромео в сад к его Джульетте.
Как жаль, что барды нам доселе
Страсть у камина не воспели!
Зима под рождество Христово
В Британии весьма сурова.
Другое дело — жить в Италии:
Там ночью нега и так далее...
Влечет любовь и нас, и все ж она

Всегда изрядно подморожена.
Поскольку дело в вашем климате,
Вы мой совет, быть может, примете:
Свиданье в полдень мы назначим
Под солнцем, хоть и не горячим.
А если привлекает ночь вас,
Я вовсе посетить не прочь вас
В покоях, где, таясь от стужи,
Любить могли бы мы не хуже,
Чем летом под листвою зеленой
В садах Аркадии хваленой.
И если бы затем — о боже! —
Я вами был отвергнут все же,
То уж тогда, на пальцы дух,
Всю ночь томился бы в саду я.

1806

**СТРОКИ, АДРЕСОВАННЫЕ ПРЕПОДОБНОМУ
Дж. Т. БИЧЕРУ
В ОТВЕТ НА ЕГО СОВЕТ АВТОРУ
ЧАЩЕ ПОСЕЩАТЬ ОБЩЕСТВО**

Милый Бичер! Вы дали мне чудный совет
Быть в общенье с людскою толпою.
Но мой ум с одиночеством свыкся... А свет
Презираю я всею душою.

Пусть на подвиг война нль сенат позовут, —
Честолюбье мой дух растревожит;
Лишь когда испытания детства пройдут,
Стану славить я род мой, быть может.

Так незримо бурлит в тайниках глубины
Пламя Эты, вылающей страсти;
Но прорвались потоки, грозны и страшны, —
И смирить их нет силы, нет власти.

Так бурлит жажда славы в груди у меня,
Чтоб она средь потомков окрепла,
Чтоб, как феникс, взлетая на крыльях огня,
Возродился я снова из пепла.

Много б снес я тревог, чтоб прославить себя
Жизнью Фокса иль смертью Чатама;
Не была их кончина концом бытия,
Блещет слава их в очи нам прямо.

Для чего же сходиться мне с модной толпой,
Преклонясь пред ее жожаками,
Славословить нелепость трусливой душой
И завязывать дружбу с глупцами?

Испытал я и сладость и горечь любви,
Рано искренней дружбе поверил.
Осуждали матроны порывы мои,
И узнал я, что друг лицемерил.

Что богатство?! Оно уничтожится в день
По желанью тирана иль рока;
Что мне титул? — могущества лживая тень;
Только славы я жажду глубоко!

Чужд и лжи, не умею еще до сих пор
Правду я покрывать лаком моды,
Так зачем же терпеть ненавистный надзор
И на глупость растрачивать годы?

1806

ЭЛИЗЕ

Элиза, как глуп мусульманский пророк!
Не пускает он женщин в раю поселиться.
Но, тебя увидав, не признать бы не смог,
Что доктрина его никуда не годится.

Если он хоть бы каплей ума обладал,
Он не видел бы смысла в божественном слове;
Он бы призрачных гурий в раю не держал,
Приютил бы там женщин из плоти и крови.

Всемогущий Аллах вам не выделил душ,
Но ему показалось и этого мало:
На четыре жены — да единственный муж!
Вот беда-то! Ее вам еще не хватало!

И никто этой вере дурацкой не рад:
Ни мужья и ни жены. Как можем терпеть мы?
(Ведь нельзя не признать, что не зря говорят:
Девы все — ангелочки, замужние — ведьмы!)

Мы найдем подтверждение этим словам.
Так послушайте, от восхищения млея,
Что вещает святое писание нам
Во второй и двадцатой главе от Матвея!

Слишком много от баб беспокойства уму,
С ними здесь, на земле, как-нибудь совладать бы,
Ведь в Евангелие сказано, что никому
Не грозят в небесах эти самые свадьбы...

И действительно, если бы каждый святой
После смерти жену взял на небо с собою,
Жены гвалт бы устроили там, да какой!
Задрожало бы небо от брани и воя.

Тут на смену порядку такое придет,
Что и Павел, и Марк, и Матвей согласятся:
Есть единственный выход — всеобщий развод,
Чтоб делами могли в небесах заниматься.

Да, мужья будут с женами разведены,
Но мужчины и женщины станут, конечно,
Без цепей еще больше друг другу верны,
И, свободные, мы вас любить будем вечно.

Так пускай дураки и ханжи говорят,
Что души у вас нет,— ни за что не поверю!
Как расцвел бы без вас в небесах райский сад?
Как стерпели бы в небе такую потерю?

1806

КОГДА Я БРОДИЛ ЮНЫМ ГОРЦЕМ ПО СКЛОНАМ

Когда я бродил юным горцем по склонам,
Где блещет Морвена нетающий снег,
Где тучи ложатся на вереск зеленый,

Потоки стремят неуемный разбег,—
С природой сливаясь, я страха не ведал,
Суров, словно гор снеговые хребты,
Мой дух не смущали ни страсти, ни беды —
О Мэри, царила в душе только ты!

Любовь? Но тогда, в эту пору светлую,
Я даже и слова такого не знал,
Да только в вывче все так же тоскую,
Как прежде мальчишкой в горах тосковал.
И образ единственный в сердце таялся,
Души моей помыслы были чисты,
Свой край я любил и в иной не стремился,
Жила в моем сердце одна только ты!

Я рано вставал в те далекие годы,
И в горы мы с верной собакою шли.
Бросался я в Дн, в ее быстрые воды,
А пение горца звучало вдали.
Когда над вершинами ночь опускалась,
Подушкой мне вереска были кусты,
Во сне только ты мне, о Мэри, являлась,
Молитвой моею была только ты!

Покинул я скалы родимого края
И юность оставил в далеких горах,
Последний из рода, один угасаю,
А счастье бывшее рассыпалось в прах!
Пусть роскошь доступна — но радость убита!
Нет, в юности больше я знал красоты.
Мечта не сбылась — но она не забыта,
И сердце остыло — но в нем еще ты.

Увижу ли горы, что с небом сомкнулись,—
Мне чудится: вот мой скалистый Колблин,
Иль чьи-то глаза мне на миг улыбнулись,—
Я вижу твой свет среди горных теснин.
Мелькнет ли мне где-нибудь локон волнистый,
Святыня и гордость твоей красоты,—
Я вспомню волос твоих блеск золотистый,
И в памяти снова царишь только ты!

Вернусь я к вершинам родного Морвека,
Увижу опять их заснеженный плед...

Вершины знакомые, вы неизменны,
Но ждет ли теперь меня Мэри? О нет!
По этим горам мое детство скиталось,
Прощайте, потоки, дуга и цветы, —
Приюта в лесах для меня не осталось,
Ведь там, моя Мэри, не ждешь меня ты!

1807

К МУЗЕ ВЫМЫСЛА

Царица снов и детской сказки,
Ребятеских веселий мать,
Привыкшая к воздушной пляске
Детей послушных увлекать!
Я чужд твоих очарований,
Я цепи юности разбил,
Страну волшебную мечтаний
На царство Истины сменил!

Проститься нелегко со снами,
Где жил я девственной душой,
Где нимфы мнятся божествами,
А взгляды их — как луч святой!
Где властвует Воображенье,
Все в краски дивные одев,
В улыбках женщины — нет уменья,
Нет пустоты в тщеславье дев!

Но знаю: ты лишь имя! Надо
Сойти из облачных дворцов,
Не верить в друга, как в Пилада,
Не видеть в женщинах богов!
Признать, что чужд мне луч небесный,
Где эльфы водят легкий крут,
Что девы лживы, как прелестны,
Что занят лишь собой наш друг.

Стыжусь, с раскаяньем правдивым,
Что прежде чтил твой скиптр из роз,
Я ныне глух к твоим призывам
И не парю на крыльях грез!
Глупец! Любил я взор блестящий
И думал: правда скрыта там!

Ловил я вздох мимолетающий
И верил деланным слезам.

Наскучив этой ложью черствой,
Твой пышный покидаю трон.
В твоём дворце царит Притворство,
И в нём Чувствительность — закон!
Она способна вылить море —
Над вымыслами — слез пустых,
Забыв действительное горе,
Рыдать у алтарей твоих!

Сочувствие, в одежде черной
И кипарисом убрано,
С тобой пусть плачет непритворно,
За всех кровь сердца льет оно!
Зови поплакать над утратой
Дриад: их пастушок ушел.
Как вы, и он пылал когда-то,
Теперь же презрел твой престол.

О нимфы! вы без затрудненья
Готовы плакать обо всем,
Гореть в порывах исступленья
Воображаемым огнем!
Оплачете ль меня печально,
Покинувшего милый круг?
Не вправе ль песни ждать прощальной
Я, юный бард, ваш бывший друг?

Чу! близятся мгновенья рока...
Прощай, прощай, беспечный род!
Я вижу пропасть недалеко,
В которой вас погибель ждет.
Вас властно гонит вихрь унылый,
Шумит забвения вода,
И вы с царицей легкокрылой
Должны погибнуть навсегда.

1807

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПОД СТАРЫМ ВЯЗОМ НА КЛАДБИЩЕ В ХЭРРОУ,

Родная сень! К земле клоня листы,
Под вешним ветром тихо ропщешь ты,
А я — один — сижу в тени твоей,
Где встарь шумел веселый круг друзей —
Тех, кто, быть может, в дальней стороне
О прошлых днях грустит, подобно мне.
Сюда взойдя извилистой тропой,
Как сладостно люблюсь я тобой,
Мой старый вяз, чей шелест влек меня
Мечтать на склоне меркнувшего дня!
Здесь надо мною тот же темный свод,
Здесь тот же мир, лишь я теперь не тот.
А ветви тихо стонут в вышине,
О днях былых напоминая мне,
И говорят: пока ты здесь, поэт,
Прими последний дружеский привет!

Я знаю: в час, назначенный судьбой,
Остынет грудь, страстей умрет прибой,
И мнится мне: отрадней смерти ждать —
Ах, если смерть отрадой может стать!
Коль сердцу там могила суждена,
Где лучшие ты ведал времена,
Где молод был, где счастлив был не раз —
Там будет легче встретить смертный час.
Пускай же здесь, где праздновал весну,
В краю надежд утраченных, засну,
Простерт под зыбким пологом листвы,
Благословенный шелестом травы,
Укрытый мхом, знакомым с детских лет,
Покрыт землей, что сберегла мой след,
Овеян снами юности моей,
Оплаканный друзьями юных дней,
И тесным кругом в памяти храним
И позабытый миром остальным.

2 сентября 1807

КОГДА Б Я МОГ В МОРЯХ ПУСТЫННЫХ

Когда б я мог в морях пустынных
Блуждать, опасностью шутя,
Жить на горах, в лесах, в долинах,
Как беззаботное дитя,
Душой, рожденной для свободы,
Сменить наперекор всему
На первобытный дар природы
Надменной Англии тюрьму!

Дай мне, судьба, в густых дубравах
Забыть рабов, забыть вельмож,
Лакеев и льстецов лукавых,
Цивилизованную ложь,
Дай мне над грозным океаном
Бродить среди угрюмых скал,
Где, не знаком еще с обманом,
Любил я, верил и мечтал.

Я мало жил, но сердцу ясно,
Что мир мне чужд, как миру я.
Ищу, гляжу во тьму — напрасно:
Он скрыт, порог небытия!
Я спал — и видел жизнь яную.
Мне снилось: вот он, счастья ключ!
Зачем открыл мне ложь земную
Твой, Правда, ненавистный луч!

Любил я — где моя богиня?
Друзья? Друзей пропал и след,
Тоскует сердце, как в пустыне,
Где путнику надежды нет.
Порою боль души глухую
Смирят вино на краткий срок,
И смех мой весел, я пирую,
Но сердцем — сердцем одинок.

Как скучно слушать за стаканом
Того, кто нам ни друг, ни враг,
Кто приведен богатством, савом
В толпу безумцев и гуляк.
О где же, где надежный, верный
Кружок друзей найти б я мог?

На что мне праздник лицемерный;
Веселья ложного предлог!

А ты, о Женщина, не ты ли
Источник жизни, счастья, сил...
Но я — все чувства уж остыли! —
Твою улыбку разлюбил.
Без сожалений свет мишурный
Сменил бы я на миг другой,
Чтоб на груди стихии бурной
Желанный обрести покой.

Туда, к великому безлюдью!
Я к людям злобы не таю,
Но дух мой дышит полной грудью
Лишь в диком, сумрачном краю.
О, если б из юдоли тесной,
Как голубь в теплый мир гнезда,
Уйти, взлететь в простор небесный,
Забыв земное навсегда!

1807

ЭЛЕГИЯ НЬЮСТЕДСКОМУ АББАТСТВУ

Ньюстед! Когда-то пышный дом отцов!
Руины! Генриха приют святой!
Гробницы дам, монахов и бойцов,
Чьи призраки витают над тобой!

Усадьбы в белой пышности колонн
Не приравнять величием к тебе.
Суров твой старый зал, как будто он
Бросает вызов пагубной судьбе.

Но не видать вооруженных слуг
И панцирей с малиновым крестом,
Здесь не шумит вассалов тесный круг,
Вождь не сидит за праздничным столом.

Нет, не в твоих стенах сквозь толщи лет
Фантазия могла бы разглядеть
Воителей, исполнивших обет —
Под солнцем Палестины умереть.

О нет, не здесь баронов-тех земля,
От этих стен не шли они в поход,
Лишь раненую совесть короля
Скрывал от блеска дня твой мрачный свод.

Таился в этих кельях и монах,
Мирских сует не знавший никогда;
И калялись преступники в грехах,
И жертвы угнетенья шли сюда.

Король тебя воздвигнуть здесь велел
В глуши, где жил когда-то Робин Гуд,
И фанатизм, душа преступных дел,
Под клобуком нашел себе приют.

И тут, где влажен глинистый покров,
Тут, где на травах темная роса,
Смешался с глиной прах святых отцов,
Умолкли набожные голоса.

Когда-то оглашавшие придел,
Где нынче лишь кружат нетопыри..
Здесь «Pater posteg» стройный хор гремел,
Иль «Ave, santa virgo» в час зари.

За годом год, за веком шел другой,
Аббат сменял аббата в свой черед,
Но вот король кощунственной рукой
Нарушил их неспешной жизни ход.

Когда-то Генрих для отцов святых
Готические стены возводил,
Другой же Генрих отнял дар у них
И возносить молитвы запретил.

Презрев проклятья, слезы и мольбы,
Он гнал скитальцев от родных дверей,
В холодный мир понес их вихрь судьбы —
Ни дома; ни приюта, ни друзей...

Чул. Барабана дробь кругом слышна,
Двор музыкой военной оглашен,
И в знак того, что здесь царит Война,
Зал переполнен шелестом знамен.

И перекличка дальних часовых,
И трубный звук, и барабана гнев,
И звон щитов, и шум пиров ночных
Слились в один тревожащий напев.

И монастырь стал замком боевым,
Мятежными полками окружен,
Он изрыгает смерть и серный дым.
Вот, кажется, противник окружен...

Но тщетно все: штурмующей толпой
С высоких стен вассалы сметены,
Предательство выигрывает бой,
Флаг мятежа на выступе стены!

Но не сдается яростный барон,
Траву лугов марают вражья кровь.
Не сломан меч — барон не побежден,
Дни славы для него наступят вновь.

Казалось, что кончается борьба,
Венок посмертный рыцарю суля,
Но вот в последний миг спасла судьба
Надежду и опору короля.

Отсюда, где кипел неравный бой,
Дух битвы путь барону указал,
Чтоб воинов повел он за собой
Туда, где Фолкленд богоравный пал!

А ты, несчастный замок, обречен,
Тебя разграбит низкий мародер.
Как реквием, звучит предсмертный стон,
Усеян мертвыми кровавый двор.

Грязь, трупы, глина с кровью пополам,
И это — на святой земле твоей!
Разбойники шагают по телам
Товарищей своих и лошадей.

Надгробия, свидетели веков,
Разбиты и повергнуты во прах,
И мертвецам не избежать врагов,
Что жадно ищут золото в гробах.

Умолкли звуки арфы боевой,
И менестреля мертвая рука
Не будет славить трепетной струной
Сияние победного венка.

Но наконец набиты до полна
Утробы кровожадные зверей,
И овладела замком тишина,
И Ужас встал на страже у дверей.

Со страшной свитой гулких голосов
Опустошенья поселилось там,
Где вместо литургии крики сов
Зловещим эхом наполняли храм...

Но вот заря над Англией взошла
И разогнала тучи смутных лет:
Тиран — в аду! Природа расцвела,
Встречая ликованием рассвет!

И деспот погрузился в вечный сон,
Но дрогнула земля, потрясена
В тот миг, когда раздался смертных стон,
И отозвалась бурей она!

И встал законный кормчий у руля,
С надеждой он направил в даль морей
Державное стремленье корабля,
Залечивая раны страшных дней.

И мрачные жильцы твои, Ньюстед,
Над разоренным кружатся гнездом,
Хозяин вновь приветствует рассвет
В наследственном имени своем!

Ликуя, что вернулся господин,
Вассалы за столом сидят опять,
Проснулась радость в зелени долин,
И слуги перестали горевать.

Оделись ветви первою листвою,
И эхо повторяет песнь полей,
И рог охотничий в глуши лесной
Трубит раскатистой и веселей.

Уже склоняется к закату день,
Долина под копытами дрожит,
И в озеро бросается олень,
Услышав близкий перестук копыт.

Охота кончена. А завтра вновь
Счастливый день веселье принесет...
Ребяческие радости отцов
Не омрачала злая тень забот.

Их не влекли ни роскошь, ни порок...
А время шло, своей косою звеня.
Другой барон звенит в веселый рог
И горячит усталого коня.

...Ньюстед, Ньюстед, какой печальный вид
Картины запустенья твоего!
Последний в роде о тебе скорбит:
Развалины — владение его!

Он видит камни башенок твоих,
И своды келий, и безмолвный ряд
Могил замшелых, сердцу дорогих,
Где поколения баронов спят.

И слезы у него из глаз текут,
Но то не слезы сожаленья, нет:
Любовь, Надежда, Гордость в нем живут
И не дадут забыть тебя, Ньюстед!

Развалины, свидетели веков!
Он никогда бы вас не променял
На роскошь раззолоченных дворцов,
На пышность парков и парадных зал.

Быть может, солнце снова озарит
Лучом полудня сумрак твой, Ньюстед,
И твой грядущий день благословит,
Вернув величие ушедших лет!

1807 .

СТАНСЫ К ЛЕДИ ПРИ ПОСЫЛКЕ СТИХОВ КАМОЭНСА

Вот Вам стихи о страсти нежной,
Залог питаемых к Вам чувств.
Ведь эта тема неизбежно
Коснется Ваших юных уст.

Лишь дуракам и старым девам
Она чужда. И все они,
Сгорая завистью и гневом,
Бесславно завершают дни.

Читайте же! С душой читайте!
(Ведь Вы не станете такой!)
И чистым сердцем сострадайте
Поэта участи крутой.

В нем яркое горело пламя,
Святого дара торжество.
Любовь, как с ним, пусть будет с Вами,
Храни Вас бог от мук его.

1808

НАДПИСЬ НА ПАМЯТНИКЕ НЬЮФАУНДЛЕНДСКОЙ СОБАКЕ

Когда вернется в землю сын людской,
Известный только славой родовой,
То, воплощая взрыв печали бурной,
Могилу скульптор украшает урной.
Вещает о покойном пьедестал,
Кем мог бы в жизни стать он, да не стал.
Но преданная верная собака,
Которая за вас вступает в драку,
Которая хозяину верна —
Живет и дышит для него она, —
В неизвестности собачью жизнь кончает:
Собачью душу рай не принимает.
А человек тщеславен. Хочет он
Пролететь на небо, за грехи прощен.

Ты — временный жилец, ты — обреченный,
Согбенный рабством, властью развращенный.
Тебя не чтит тот, кто с тобой знаком,
Одушевленной глины жалкий ком.
Твоя любовь — лишь похоть, дружба — скверна,
Улыбка — ложь, а слово лицемерно.
Нет благородства ни на гран ни в чем,
Вот разве только в имени одном.
Проходи! Здесь ты не вздохнешь о близком,
Хоть этот холм украшен обелиском.
Один мне верный друг на свете был —
И тот под этим холмиком почил.

1808

СТИХИ, НАЧЕРТАННЫЕ НА ЧАШЕ ИЗ ЧЕРЕПА

Кто знает, где мой дух таится?
Я череп. Это не беда.
Теперь вино во мне искрится,
А ум искрился не всегда.

Я жил, я пил когда-то, где-то,
Любовь минутную лова.
Прошу, пригубь меня. Мне это
Милей, чем поцелуй червя.

В могиле затхлой и глубокой
Изглодан был бы я давно,
Но для божественного сока
Мне быть сосудом суждено.

Там, где недолго мысль мерцала,
Пускай иной огонь найдут.
Когда в коробке пусто стало,
Вино — отличный субститут.

Пей, друг мой, пей! Настанет время,
Жизнь и тебе предъявит счет,
Но из земли другое племя
Тебя для пиршеств извлечет.

Так что ж! Ведь если в жизни бренной
Мы редко ждем от жизни благ,
То кубок, полный влаги пенной,
Приносит пользу как-никак!

1808

РАССТАВАНИЕ

Помнишь, печалась,
Склонясь пред судьбой,
Мы расставались
Надолго с тобой.

В холоде уст твоих,
В сухости глаз
Я уж предчувствовал
Нынешний час.

Был этот ранний
Холодный рассвет
Началом страданий
Будущих лет.

Удел твой — бесчестье,
Молвы приговор
Я слышу — и вместе
Мы делим позор.

В толпе твое имя
Тревожит любой.
Неужто родными
Мы были с тобой?

Тебя называют
Легко, не скорбя,
Не зная, что знаю
Тебя, как себя.

Мы долго скрывали
Любовь свою,
И тайну печали
Я так же таю.

Коль будет свиданье
Дано мне судьбой,
В слезах и в молчанье
Встречусь с тобой!

1808

ТЫ СЧАСТЛИВА

Ты счастлива,— и я бы должен счастье
При этой мысли в сердце ощутить;
К судьбе твоей горячего участия
Во мне ничто не в силах истребить.

Он также счастлив, избранный тобою,—
И как его завиден мне удел!
Когда б он не любил тебя — враждою
К нему бы я безмерно кипел!

Изнемогал от ревности и муки
Я, увидав ребенка твоего;
Но он ко мне простер с улыбкой руки —
И целовать я страстно стал его.

Я целовал, сдержавши вздох невольный
О том, что на отца он походил,
Но у него твой взгляд,— и мне довольно
Уж этого, чтоб я его любил.

Прощай! Пока ты счастлива, ни слова
Судьбе в укор не посылаю я.
Но жить, где ты... Нет, Мэри, нет! Иль снова
Проснется страсть мятежная моя.

Глупец! Я думал, юных увлечений
Пыл истребят и гордость и года.
И что ж: теперь надежды нет и тени —
А сердце так же бьется, как тогда.

Мы свиделись. Ты знаешь, без волненья
Встречать не мог я взоров дорогих:
Но в этот миг ни слово, ни движенье
Не выдали сокрытых мук моих.

Ты пристально в лицо мне посмотрела;
Но каменным казалось оно.
Быть может, лишь прочесть ты в нем успела
Спокойствие отчаянья одно.

Воспоминанье прочь! Скорей рассейся,
Рай светлых снов, снов юности моей!
Где ж Лета? Пусть они погибнут в ней!
О сердце, замолчи или разбейся!

1808

* * *

Прости! Коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там
И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать?
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой.

Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд,—
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь,—
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь,—
Лишь чувствую — прости! прости!

1808

СТАНСЫ ЖЕНЩИНЕ ПРИ ОТЪЕЗДЕ ИЗ АНГЛИИ

Все кончено — и вот моя
Трепещет на волнах ладья.
Крепчая, ветер снасти рвет,
И громко свищет, и ревет.

Пора... Так, видно, рок сулил,
Затем что я ее любил.

Но будь я тем, чем был тогда,
В давно минувшие года,
И обладай, как прежде, той,
В ком находил свой рай земной,—
Никто бы нас не разлучил,
Затем что я ее любил.

Да, много лет прошло с тех пор,
Как солнцем стал мне этот взор:
Его средь жизненных тревог
Изгнать из сердца я не мог...
Туман родную землю скрыл,
Но я люблю, как встарь любил.

Душа усталая скорбит,
Как горлица, чей друг убит.
Кругом чужой, враждебный свет:
Приветным словом не согрет,
Скитаюсь, мрачен и уныл,
Затем что я ее любил.

По глади пенной полечу,
Я новый дом сыскать хочу,
Хочу забыть коварный лик,
Найти покой, хотя б на миг!
Мой скорбный пламень не остыл,
И я люблю, как встарь любил.

У самых жалких бедняков
На свете есть заветный кров,
Где ждет их дружба и любовь,
Где в них вселят надежду вновь.
А я — я никому не мил,
Затем что я ее любил.

Я ухожу, но обо мне
Никто не плачет в тишине,
Никто не ждет, и даже ты,
Разбившая мои мечты,
Твой вздох меня не проводил,
А я одну тебя любил.

Когда средь полунощной тьмы
Скорбим над тем, чем стали мы,
Свой тяжкий вспоминая путь,—
Невольно боль пронзает грудь;
Но я над прошлым слез не лил,
Хотя, как встарь, ее любил.

Но кто она, любовь моя,
От празднои черни скрою я;
Кто виноват в тоске моей,—
То ведомо лишь мне да ей...
Незванным гостем в мире был
Кто так любил, как я любил.

Хотел я в новый плен попасть,
Изведать новой страсти власть,—
Но словно злое волшебство
Коснулось сердца моего:
Я не забыл, не изменил,
Затем что лишь ее любил.

Хотелось мне, пускаясь в путь,
В глаза любимые взглянуть,—
Но жаль печалью и слезой
Нарушить ясный их покой...
Куда бы челн мой ни поплыл —
Навек люблю, как встарь любил.

1809

В АЛЬБОМ

Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.

И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

1809

СТАНСЫ, НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ГРОЗЫ

Над Пиндом дождь и ветра вой,
Внизу чернеют кручи.
Пронесятся над головой
Разгневанные тучи.

Самим дороги не найти,
А молнии играют,
Но только скалы на пути
Зловеще озаряют.

Вот хижина... Или скала?
Она бы нас укрыла...
Нет, здесь, наверное, была
Турецкая могила.

Грозу и грохот бури злой
Чей голос покрывает?
То соотечественник мой
К Британии взывает.

Вот выстрел вдруг — то враг иль друг?
За ним второй, потише...
Быть может, их далекий звук
В селенье горцы слышат?

Но кто бы стал в такую ночь
Испытывать стихию?
И кто сумел бы нам помочь?
Места кругом глухие.

И кто покинет теплый кров?
Такая непогода!
Принять нас могут за воров:
В горах немало сброда!

Разверзлось небо, гром гремит,
Свой гнев на нас обруша...
Одна лишь мысль меня бодрит
И согревает душу:

Нависли тучи над тропой,
И не видать просвета,

Но буря гнев смиряет свой...
О Флоренс, где ты, где ты?

В стране иной, в стране иной,
Где ясен блеск лазури...
Так пусть же только надо мной
Неистовствуют бури!

Прощались мы в вечерний час...
Порывистый сирокко
Дул в парус, разлучая нас,
И волны гнал с востока.

Корабль давно окончил путь
У берегов испанских.
Нет, не могла ты утонуть
В глубинах океанских!

И вот в плену кромешной тьмы,
Где путь найдешь едва ли,
Я вспомнил, как с тобою мы
Беспечно пировали.

Нет, белый Кадикс все равно
Не покорен врагами.
Ты смотришь в узкое окно
Над синими волнами,

И предстает глазам твоим
Калипсо остров дальний...
Улыбки подари другим,
Мне — только вздох печальный.

Когда заметит тесный круг
Поклонников речистых
В глазах твоих, померкших вдруг,
Следы слезинок чистых,—

Улыбкой свет разлей кругом,
И пусть никто не знает,
Что ты подумала о том,
Кто о тебе мечтает!

Но что улыбка или взор,
Когда душа стремится
Через моря и цепи гор
С душой соединиться!

1809

СТАНСЫ, НАПИСАННЫЕ У АМБРАКИЙСКОГО ЗАЛИВА

Я вижу Акциум. Над ним
Луна сияет величаво.
Здесь Египтянке отдал Рим
Свое владычество и славу.

Здесь сотни воинов лежат
На дне лазурного залива,
Здесь был венок героя смят
В угоду женщине красивой...

О Флоренс, Флоренс! Я влюблен!
Я, как Орфей, вздыхаю страстно.
Извечно прост любви закон:
Я смел и юн, а вы прекрасны!

В те дни, когда для милых фей
Гремела песнь и сталь сверкала,
Могли б вы прелестью своей
Привлечь Антониев немало!

Пусть я отдать не в силах вам
Миров и царств, мой друг бесценный,
Но вас, клянусь, я не отдам
За все сокровища вселенной!

1809

**НАПИСАНО ПОСЛЕ ТОГО,
КАК АВТОР ПРИПЛЫЛ ИЗ СЕСТОСА
В АБИДОС**

Унылым мрачным декабрем
Леандр (до наших дней сквозь годы
Дошло предание о том)
Тревожил Геллеспонта воды.

К любимой Геро рвался он
Сквозь бурю зимнего прибоя.
Он был и молод, и влюблен,—
Киприда! Как мне жаль обоих!

Наш век — иной. Какой в нас прок:
Хоть плыл я в этих водах в мае,
Свело мне ногу, я продрог,—
А мнил, что подвиг совершаю!

Он, как твердит о том рассказ,
Плыл, чтоб любить. О боги, право,
Наверно, каждый прав из нас,
Он ждал любви, я — только славы.

Кто лучше завершил свой путь?
Богам объект для шуток нужен...
Он все утратил, я — чуть-чуть,
Он утонул, а я простужен.

1810

ПЕСНЯ ГРЕЧЕСКИХ ПОВСТАНЦЕВ

О Греция, восстаны!
Сиянье древней славы
Борцов зовет на брань,
На подвиг величавый.

К оружию! К победам!
Героям страх неведом.
Пускай за ними следом
Течет тиранов кровь.

С презреньем сбросьте, греки,
Турецкое ярмо,
Кровью вражеской навеки
Смойте рабское клеймо!

Пусть доблестные тени
Героев и вождей
Увидят возрожденье
Эллады прошлых дней.

Пусть встает на голос горна
Копьеносцев древних рать,
Чтоб за город семигорный
Вместе с нами воевать.

Спарта, Спарта, к жизни новой
Подымайся из руин
И зови к борьбе суровой
Вольных жителей Афин.

Пускай в сердцах воскреснет
И нас объединит
Герой бессмертной песни
Спартанец Леонид.

Он принял бой неравный
В ущелье Фермопил
И с горсточкою славной
Отчизну заслонил.

И, преградив теснины,
Три сотни храбрецов
Омыли кровью львиной
Дорогу в край отцов.

К оружию! К победам!
Героям страх неведом.
Пускай за ними следом
Течет тиранов кровь!

1811

EUTHANASIA¹

Когда засну без сожаленья
Лишенным грез последним сном,
Пусть осенит меня забвенью
Усталым бережным крылом.

Не надо ни друзей печальных,
Ни жалких недругов моих,
Ни женских воплей погребальных,
Всегда немного показных!

Не надо вздохов над могилой:
Хочу спокойно я почить,
Чтоб ни мгновенья жизни милой
Тревогой злой не омрачить!

Пусть озарит любви сиянье
Последний час земного дня,
Чтоб легким было расставанье
И для нее, и для меня.

Пускай светлы, моя Психея,
Твои прекрасные черты,
Чтоб улыбнулась грусть, немея
Перед святыней красоты.

Но нет! Весна страшится тленья,
А слезы женщин мучат нас,
Лишая в жизни разуменья
И мужества в предсмертный час.

Пусть в одиночестве надменном,
Без сожалений и обид,
Я встречу смерть, когда мгновенно
Она мне кровь оледенит!

Увы, закон земной свершая,
В безвестный мрак уйду и я,
В ничто, где был ничем, не зная
Ни слез, ни счастья бытия...

¹ Благая смерть (греч.).

И пусть нельзя мгновенья эти
Ни зачеркнуть, ни позабыть —
Но кем бы ни был ты на свете,
Отрадной все-таки не быть!
1812

К ВРЕМЕНИ

О Время! Все несется мимо,
Все мчится на крылах твоих:
Мелькают весны, медлят зимы,
Гоня к могиле всех живых.

Меня ты наделило, Время,
Судьбой нелегкою — и все ж
Гораздо лучше жизни бремя,
Когда один его несешь!

Я тяжелой доли не пугаюсь
С тех пор, как обрели покой
Все те, чье сердце, надрываясь,
Делило б горести со мной.

Да будет мир и радость с ними!
А ты рази меня и бей!
Что дашь ты мне и что отнимешь?
Лишь годы, полные скорбей.

Удел мучительный смягчает
Твоей жестокой власти гнет:
Одни счастливы замечают,
Как твой стремителен полет!

Пусть быстротечности сознание
Над нами тучею висит:
Оно темнит весны сиянье,
Но скорби ночь не омрачит!

Как ни темно и скорбно было
Вокруг меня — мой ум и взор
Ласкало дальнее светило,
Стихии тьмы наперекор.

Но луч погас — и Время стало
Пустым мельканьем дней и лет:

Я только роль твержу устало,
В которой смысла больше нет!

Но заключительную сцену
И ты не в силах изменить:
Лишь тех, кто нам придет на смену,
Ты будешь мучить и казнить!

И, не страшась жестокой кары,
С усмешкой гнев предвижу твой,
Когда обрушишь ты удары
На хладный камень гробовой!

1812

СТРОКИ К ПЛАЧУЩЕЙ ЛЕДИ

Плачь, дочь несчастных королей,
Бог покарал твою страну!
И если бы слезой своей
Могла ты смыть отца вину!
Плачь! Добродетельной мольбе
Внимает страждущий народ —
За каждую слезу тебе
Он утешенье воздает!

1812

ОДА АВТОРАМ БИЛЛЯ ПРОТИВ РАЗРУШИТЕЛЕЙ СТАНКОВ

О Райдер и Элдон, достойную лепту
Внесли вы, чтоб Англии мощь укрепить!
Но хворь не излечат такие рецепты,
А смогут, пожалуй, лишь смерть облегчить.
Орава ткачей, это стадо смутьянов,
От голода воя, на помощь зовет, —
Так вздернуть их оптом под дробь барабанов
И этим исправить невольный просчет!

Нас грабят они беспардонно и ловко,
И вечно несыты их жадные рты, —

Так пустим немедленно в дело веревку
И вырвем казну из когтей нищеты.
Сборка машины труднее зачатия,
Прибыльней жизни паршивый чулок,
Делу торговому и демократии
Виселиц ряд расцвести бы помог.

Для усмирения отродий плебейских
Ждут приказания двадцать полков,
Армия сыщиков, рой полицейских,
Свора собак и толпа мясников.
Иные вельможи в свои преступленья
Втянули бы судей, не зная стыда.
Но лорд Ливерпуль отказал в одобренье,
И ныне расправу вершат без суда.

Но в час, когда голод о помощи просит,
Не всем по нутру выносить производ
И видеть, как ценность чулка перевозноят
И кости ломают за сломанный болт.
А если расправа пойдет не на шутку,
Я мыслей своих не намерен скрывать,
Что первыми надо повесить ублюдков,
Которым по вкусу петлей врачевать.

1812

СОНЕТЫ ДЖИНЕВРЕ

1

Глаз нежных синева, волос волна,
Лицо, что светит мягкой белизною,
Черты, в которых силой колдовскою
Без горечи печаль сохранена, —
И все-таки душа твоя полна
Такой красноречивою тоскою,
Что, если б я не знал тебя святою,
Я мог бы думать, что и ты грешна.
Таким возник в сиянье красоты
Под кистью Гвидо образ Магдалины,
Не уступают ей твои черты,
Твой образ величавее картины.

И не в чем каяться тебе: ведь ты
Сама душа Добра и Красоты.

2.

Ты так бледна! Но не от грусти, нет:
От глубины раздумья эта нежность!
Я не хочу, чтоб розы белоснежность
Зарделась грубо, словно маков цвет!
Твой взор спокойный ясен, как рассвет,
Не ослепляет синих глаз безбрежность
И влажной радуги лучистый свет.
Сквозь длинные и черные ресницы
Задумчивая доброта струится;
Так, мук не зная, но о них скорбя,
К земной юдоли серафим стремится,
Так в мягкости величие таится.
Да, ты свята, — но я люблю тебя!

1813

Я ЕЙ ЦЕПОЧКУ ПОДАРИЛ
(Подражание турецкому)

Я ей цепочку подарил
И лютню — дар любви смиренной.
Я всей душой ей предан был
И не заслуживал измены.

Была в дарах заключена
Волшебных заклинаний сила
И верность — но тебя она
Быть верной мне не научила!

Цепочка так была прочна —
И вдруг в чужих руках порвалась,
А лютни звонкая струна
Беззвучной навсегда осталась.

Пусть тот, кто цепь с тебя снимал,
Скрепит оставшиеся звенья,
Пусть тот, кто лютню в руки брал,
Вернет струнам всю звучность пенья.

Цепочки нет. Смолк лютни звук.
Прощай, теперь мне все чужое —
Цепочка, сердца лживый стук
И лютня с мертвою струною!

1814

НА ПОСЕЩЕНИЕ ПРИНЦЕМ-РЕГЕНТОМ КОРОЛЕВСКОГО СКЛЕПА

Клятвопреступники нашли здесь отдых вечный:
Бесславный Карл и Генрих бессердечный.
В их мрачном склепе меж надгробных плит
Король некоронованный стоит,
Кровавый деспот, правящий державой,
Властитель бессердечный и безглавый.

Подобно Карлу, верен он стране,
Подобно Генриху — своей жене.
Напрасна смерть! Бессилен суд небес!
Двойной тиран в Британии воскрес:
Два изверга извергнуты из гроба
И в регенте соединились оба!

1814

ОДА К НАПОЛЕОНУ БОНАПОРТУ

Взвесим прах Ганнибала: много ли окажется фунтов в грозном вожде? *Ювенал. Сатиры.*

Император Непот был признан сенатом, италийцами и жителями Галлии; его громко славил за нравственные добродетели и за военные дарования; те, кому его правление обещало какие-либо выгоды, пророчески возвещали восстановление всеобщего благополучия... Позорным отречением продлил он свою жизнь лет на пять, которые провел в неопределенном положении полуймператора, полуизгнанника, пока, наконец... *Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи.*

I

Все кончено! Вчера венчанный
Владыка, страх царей земных,
Ты нынче — облик безымянный!

Так низко пасть — иль быть в живых!
Ты ль это, раздавивший троны,
На смерть бросавший легионы?

Один лишь дух с высот таких
Был свергнут божией десницей:
Тот, ложно названный Денницей!

II

Безумец! Ты был бич над теми,
Кто выи пред тобой клонил.
Ослепший в яркой диадеме,
Другим открыть глаза ты мнил!
Ты мог бы одарить богато,
Но всем платил единой платой
За верность: тишиной могил.
Ты доказал нам, что возможно
Тщеславие в душе ничтожной.

III

Благодарим! Пример жестокий!
Он больше значит для веков,
Чем философии уроки,
Чем поученья мудрецов.
Отныне блеск военной власти
Не обольстит людские страсти,
Пал навсегда кумир умов.
Он был как все земные боги:
Из бронзы — лоб, из глины — ноги.

IV

Веселье битв, их пир кровавый,
Громopodobный клич побед,
Меч, скипетр, упоенье славы,
То, чем дышал ты много лет,
Власть, пред которой мир склонился,
С которой гул молвы сроднился, —
Исчезло все, как сон, как бред.
А! Мрачный дух! Что за терзанье
Твоей душе — воспоминанье.

V

Ты сокрушен, о сокрушитель!
Ты, победитель, побежден!

Бессчетных жизней повелитель
Молить о жизни принужден!
Как пережить позор всесветный?
Ты веришь ли надежде тщетной
Иль только смертью утрашен?
Но — пасть царем иль снести паденье...
Твой выбор смел до отвращения!

VI

Грек, разломивший дуб руками,
Расчесть последствий не сумел:
Ствол сжался вновь, сдавил тисками
Того, кто был надменно смел.
К стволу прикован, тщетно звал он...
Лесных зверей добычей стал он...
Таков, и горше, твой удел!
Как он, ты вырваться не можешь,
И сам свое ты сердце гложешь!

VII

Сын Рима, сердца пламень жгучий
Залив кровавою рекой,
Отбросил прочь свой меч могучий,
Как гражданин ушел домой.
Ушел с величием суровым,
С презрением к рабам, готовым
Терпеть владыку над собой.
Отверг венец он добровольно:
Для славы — этого довольно!

VIII

Испанец, властью небывалой,
Как ты, упившись до конца,
Оставил мир для кельи малой,
Сменил на четки блеск венца.
Мир ханжества и мир обмана
Не выше, чем престол тирана,
Но сам презрел он шум дворца,
Сам выбрал рясу и обедни,
Да схоластические бредни.

IX

А ты! Ты медлил на престоле,
Из рук своих дал вырвать гром,

По приказанью, поневоле
Простился ты с своим дворцом!
Ты был над веком злобный гений,
Но зрелище твоих падений
Багрит лицо людей стыдом.
Вот для кого служил подножьем
Мир, сотворенный духом божьим!

Х

Кровь за тебя лилась потоком,
А ты своей так дорожил!
И пред тобой-то, как пред Роком,
Колена сонм князей клонил!
Еще дороже нам свобода
С тех пор, как злейший враг народа
Себя всемирно заклеил!
Среди тиранов ты бесславлен,
А кто из них с тобой был равен?

ХІ

Тебя Судьба рукой кровавой
Вписала в летопись времен.
Лишь бегло озаренный славой,
Твой лик навеки омрачен.
Когда б ты пал, как царь, в порфире,
В веках грядущих мог бы в мире
Восстать другой Наполеон.
Но лестно ль — как звезда над бездной
Сверкнуть и рухнуть в мрак беззвездный?

ХІІ

На вес не то же ль: гряда глины
И полководца бранный прах?
Нас смерть равняет в час кончины,
Всех, всех на праведных весах.
Но хочешь верить, что в герое
Пылает пламя неземное,
Пленяя нас, внушая страх,
И горько, если смех презренья
Казнит любимца поколенья.

ХІІІ

А ты, цветок австрийский гибкий...
Такая ль доля снилась ей!

Она ль должна сносить с улыбкой
Все ужасы судьбы твоей!
Делить твои в изгнание думы,
Твой поздний ропот, стон угрюмый,
О, с трона свергнутый злодей!
Когда она с тобою все же —
Всех диадем она дороже!

XIV

Сокрыв на Эльбу стыд и горе,
Следи с утесов волн стада.
Ты не смутишь улыбкой море:
Им не владел ты никогда!
В унынья час рукой небрежной
Отметь на отмели прибрежной,
Что мир свободен навсегда!
И стань примером жалкой доли,
Как древний «Дионисий в школе».

XV

В твоей душе горит ли рана?
Что за мечтами ты томим
В железной клетке Тамерлана?
Одной, одной: «Мир был моим!»
Иль ты, как деспот Вавилона,
Утратил смысл с утратой трона?
Иначе как же быть живым
Тому, кто к цели был так близко,
Так много мог — и пал так низко!

XVI

О, если б ты, как сын Япета,
Бесстрашно встретил вихри гроз,
С ним разделив на крае света
Знакомый коршуну утес!
А ныне над твоим надзором
Хочет тот с надменным взором,
Кто сам паденья ужас снес,
Остался в преисподней твердым
И умер бы — будь смертен — гордым!

XVII

Был день, был час: вселенной целой
Владели галлы, ими — ты!

О, если б в это время смело
Ты сам сошел бы с высоты!
Маренго ты б затмил сиянье!
Об этом дне воспоминанье
Все пристыдило б клеветы,
Вокруг тебя рассеяв тени,
Света сквозь сумрак преступлений!

XVIII

Но низкой жаждой самовластья
Твоя душа была полна.
Ты думал: на вершину счастья
Взнесут пустые имена!
Где ж пурпур твой, поблекший ныне?
Где мишура твоей гордыни:
Султаны, ленты, ордена?
Ребенок бедный! Жертва славы!
Скажи, где все твои забавы?

XIX

Но есть ли меж великих века,
На ком покоить можно взгляд,
Кто высит имя человека,
Пред кем клеветники молчат?
Да, есть! Он — первый, он — единый!
И зависть чтит твои седины,
Американский Цинциннат!
Позор для племени земного,
Что Вашингтона нет другого!

1814

СОЛНЦЕ НЕСПЯЩИХ

Неспящих солнце, грустная звезда,
Как слезно луч мерцает твой всегда,
Как темнота при нем еще темней,
Как он похож на радость прежних дней!
Так светит прошлое нам в жизненной ночи,
Но уж не греют нас бессильные лучи;
Звезда минувшего так в горе мне видна,
Видна, но далека,— светла, но холодна.

1814

ОНА ИДЕТ ВО ВСЕЙ КРАСЕ

Она идет во всей красе —
Светла, как ночь ее страны,
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены,
Как солнце в утренней росе,
Не только мраком смягчены.

Прибавить луч иль тень отнять —
И будет уж совсем не та
Волос агатовая прядь,
Не те глаза, не те уста.
И лоб, где помыслов печать
Так безупречна, так чиста.

А этот взгляд, и цвет ланит,
И легкий смех, как всплеск морской,—
Все в ней о мире говорит,
Она в душе хранит покой
И если счастье подарит,
То самой щедрою рукой!

1814

ТЫ ПЛАЧЕШЬ

Ты плачешь — светятся слезой
Ресницы синих глаз,
Фиалка, полная росой,
Роняет свой алмаз.
Ты улыбнулась — пред тобой
Сапфира блеск погас:
Его затмил огонь живой,
Сиянье синих глаз.

Вечерних облаков кайма
Хранит свой нежный цвет,
Когда весь мир объяла тьма
И солнца в небе нет.
Так в глубину душевных туч
Твой проникает взгляд:

Пускай погас последний луч —
В душе горит закат.

1815

ТЫ В БИТВЕ ПАЛ

Ты в битве пал, и день настал —
И знает весь народ,
Что он не зря тебя избрал:
Твой меч всех звал вперед.
Ты из страны врагов изгнал,
Твой ореол живет.

Когда пришел свободы час,
Тебе ли время лечь?
Та кровь, что отдал ты не раз,
Не хочет в землю течь, —
Так пусть она струится в нас,
Чтоб нам твой дух сберечь!

Враги отныне побегут
Пред именем твоим,
А девы в песнях воспоют
Того, кто так любим.
Но по героям слез не льют:
Им воли не дадим...

1815

ВСЕ СУЕТА, СКАЗАЛ УЧИТЕЛЬ

Мне мощь и власть была дана,
Здоровье, мудрость, сила,
Искрились кубки от вина,
Любовь себя дарила.
Лучами красота мой взгляд
И душу согревала,
И все, чем только мир богат,
Моим уделом стало.

Но тщетно я искал на дне
Всего пережитого

Того мгновения, что мне
Прожить хотелось снова.
Мой каждый день уже с утра
Был горечью отмечен,
И золотая мишура
Давила мне на плечи.

Удержит дикую змею
Заклятий наших сила,
Но как сдержать змею свою,
Что душу мне сдавила?
Ни музыка ей не слышна,
Ни мудрость не подвластна,—
И сердце скорбное она
Сжимает ежечасно.

1815

ДУША МОЯ МРАЧНА

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшись по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес —
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез —
Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь она полна,
Как кубок смерти, яда полный.

1815

ПОРАЖЕНИЕ СЕННАХЕРИБА

Ассирияне шли, как на стадо волки,
В багреце их и в злате сияли полки,
И без счета их копы сверкали окрест,
Как в волнах галилейских мерцание звезд.

Словно листья дубравные в летние дни,
Еще вечером так красовались они;
Словно листья дубравные в вихре зимы,
Их к рассвету лежали рассеяны тьмы.

Ангел смерти лишь на ветер крылья простер
И дохнул им в лицо — и померкнул их взор,
И на мутные очи пал сон без конца,
И лишь раз поднялись и остыли сердца.

Вот расширивший ноздри повергнутый конь,
И не пышет из них гордой силы огонь,
И как хладная вьюга на бреге морском,
Так предсмертная пена белеет на нем.

Вот и всадник лежит, распростертый во прах,
На броне его ржа и роса на власах;
Безответны шатры, у знамен ни раба,
И не свищет копьё, и не трубит труба.

И Ассирии вдов слышен плач на весь мир,
И во храме Ваала низвержен кумир,
И народ, не сраженный мечом до конца,
Весь растаял, как снег перед блеском творца.

1815

УМОЛК НАВЕКИ ЦАРЬ-ПЕВЕЦ

Умолк навеки царь-певец,
Царь на земле, любимец рая.
Он волновал сердца сердец,
На арфе трепетной играя.
Но струны порвались — она немая.

И отупевший и глухой
Внимали арфы той закону.

С воспламенившейся душой
Ей каждый вторил испуленно,—
И лира встала в царстве выше трона.

Звучали гимны в вышине,
Звенели зеленью долины,
Кивали кедры в лад струне,
Качались горы-исполины,—
И звуки плыли в небеса с вершины.

Пусть на земле молчит струна,
Любовь и Вера будут с нами,
Теперь с небес звучит она,
В ней живо вдохновенья пламя,—
И в самый скорбный час мы с ней сердцами.

1815

ОДА С ФРАНЦУЗСКОГО

I

О, Ватерлоо! Мы не клянем
Тебя, хоть на поле твоём
Свобода кровью истекла:
Та кровь исчезнуть не могла,
Как смерч из океанских вод,
Она из жгучих ран встает,
Сливаясь в вихре грозных сфер
С твоей, герой Лабэдойер!
(Под мрачной сенью тяжких плит
«Отважнейший из храбрых» спит.)
Багровой тучей в небе кровь
Взметнулась, чтоб вернуться вновь
На землю. Облако полно,
Чревато грозами оно,
Все небо им обагрено;
В нем накопились гром и свет
Неведомых грядущих лет;
В нем оживет Полюнь-звезда,
В ветхозаветные года
Вещавшая, что в горький век
Нальются кровью русла рек.

II

Под Ватерлоо Наполеон
Пал — но не вами сломлен он!
Когда, солдат и гражданин,
Внимал он голосу дружин
И смерть сама щадила нас —
То был великой славы час!
Кто из тиранов этих мог
Поработить наш вольный стан,
Пока французов не завлек
В силки свой собственный тиран,
Пока, тщеславием томим,
Герой не стал царем простым?
Тогда он пал — так все падут,
Кто сети для людей плетут!

III

А ты, в плюмаже снежно-белом
(С тобой покончили расстрелом),
Не лучше ль было в грозный бой
Вести французов за собой,
Чем горькой кровью и стыдом
Платить за право быть князьком,
Платить за титул и за честь
В обноски князей власти влезты!
В обноски князей власти влезты!
О том ли думал ты, сквозь сечу
Летя на гневном скакуне,
Подобно яростной волне,
Бегущей недругам навстречу?
Мчался ты сквозь вихрь сраженья,
Но не знал судьбы решенья,
Но не знал, что раб, смеясь,
Твой плюмаж затопчет в грязь!
Как лунный луч ведет волну,
Так влек ты за собой войну,
Так в пламя шли твои солдаты,
Седыми тучами объаты,
Сквозь дым густой, сквозь едкий дым
Шагая за орлом седым,
И сердца не было смелей
Среди огня, среди мечей!
Там, где был свинец разящий,
Там, где падали всё чаще

Под знаменами героя;
Близ французского орла
(Сила чья в разгаре боя
Одолеть его могла,
Задержать полет крыла?),
Там, где вражье войско смято,
Там, где грянула гроза,—
Там встречали мы Мюрата:
Ныне он смежил глаза!

IV

По обломкам славы шагает враг,
Триумфальную арку повергнув в прах!
Но когда бы с мечом
Встала Вольность потом,
То она бы стране
Полюбилась вдвойне.
Французы дважды за такой
Урок платили дорогой:
Наполеон или Капет —
В том для страны различья нет.
Ее оплот — людей права,
Сердца, в которых честь жива,
А Вольность — бог ее нам дал,
Чтоб ей любой из нас дышал,
Хоть тщится Грех ее порой
Стереть с поверхности земной;
Стереть безжалостной рукой
Довольство мира и покой,
Кровь наций яростно струя
В убийств бескрайние моря.

V

Но сердца всех людей
В единенье сильней —
Где столь мощная сила,
Чтоб сплоченных сломила?
Уже слабеет власть мечей,
Сердца забились горячей;
Здесь, на земле, среди народа
Найдет наследников свобода:
Ведь нынче все, что в битвах страждут,
Ее сберечь для мира жаждут;
Ее приверженцы сплотятся,

И пусть тираны не грозятся:
Прошла пора пустых угроз —
Все ближе дни кровавых слез!

1815

ЭПИГРАММА НА БЕГСТВО НАПОЛЕОНА С ОСТРОВА ЭЛЬБА

Он с Эльбы в Париж, преисполнен отваги,
Спешил, собирая короны и шпаги.
Он дамам шептал: «Одарю вас нарядами»,
А недругам: «Повеселю вас снарядами».

1815

ЭПИГРАММА

Подобен наш мир стогу сена. Из стога
Урвать изловчился кто мало, кто много.
Но в этом решительно всех превзошел
Джон Буль, величайший на свете осел.

1815

СТАНСЫ

Ни одна не станет в споре
Красота с тобой.
И, как музыка на море,
Сладок голос твой.
Море шумное смирилось,
Будто звукам покорилось,
Тихо лоно вод блестит,
Убаюкан, ветер спит.

На морском дрожит просторе
Луч луны, блестя.
Тихо грудь вздымает море,
Как во сне дитя.
Так душа полна вниманья,

Пред тобой в очарованье;
Тихо все, но полно в ней,
Будто летом зыбь морей.

1816

ЧТО Ж, ПРОСТИ...

Что ж, прости, мой друг жестокий,
Пусть навеки. Так и быть.
Все обиды и упреки
Я готов тебе простить.

Пусть на грудь мою с улыбкой
Ты склонялась. Ну так что ж?
Заблуждением и ошибкой
Ты былое назовешь.

Все уходит без возврата...
В сердце мне взгляни опять —
Это сердце как могла ты
Так бездушно исхлестать?

Свет клеймит и восхваляет
Наш разрыв и мой позор,
И тебя не оскорбляет
Пересудов праздный хор.

Я виновен, знаю, знаю, —
От меня немало зла.
Но зачем рука родная
Эти раны нанесла?

Чувство гаснет постепенно,
Умирая наконец,
Но нельзя порвать мгновенно
Связь внезапную сердец.

Ты молчишь от тайной муки,
Я сгораю от тоски,
В роковой своей разлуке
Мы близки и далеки.

Точно слезы над могилой,
Эти грустные слова,
Мы живем — вдовец унылый
И надменная вдова.

В одиночестве печали
И упрямой правоты
Нашей дочери едва ли
Об отце расскажешь ты,

Но, когда, тебя целуя,
Дочь прильнет к твоей груди,
Вспомни боль свою былую
И меня не осуди.

Если я туманной тенью
Промелькну в чертах ее,
Грустью тайного волненья
Дрогнет сердце и твое.

Можешь знать ты все, что было,
Все мечты, что я питал,—
Моего безумства силу
Никогда никто не знал.

Все затоптано судьбою,
Даже гордость — верный щит,—
Посрамленная тобою,
Холодеет и молчит.

Кончено. Слова напрасны,
Я не стану продолжать.
Но над мыслью мы не властны,
Бег ее не удержать.

В добрый час! Слова прощанья
Душу рвут и жгут дотла,
Это — мрак, печаль, изгнанье!
Это — смерть моя пришла.

1816

СТАНСЫ К АВГУСТЕ

Когда время мое миновало
И звезда закатилась моя,
Недочетов лишь ты не искала
И ошибкам моим не судья.
Не пугают тебя передряги,
И любовью, которой черты
Столько раз доверял я бумаге,
Остаешься мне в жизни лишь ты.

Оттого-то, когда мне в дорогу
Шлет природа улыбку свою,
Я в привете не чую подлога
И в улыбке тебя узнаю.
Когда ж вихри с пучиной воюют,
Точно души в изгнанье скорбя,
Тем-то волны меня и волнуют,
Что несут меня прочь от тебя.

И хоть рухнула счастья твердыня
И обломки надежды на дне,
Все равно: и в тоске и унынье
Не бывать их невольником мне.
Сколько б бед ни нашло отовсюду,
Растеряюсь — найдусь через миг,
Истомлюсь — но себя не забуду,
Потому что я твой, а не их.

Ты из смертных, и ты не лукава,
Ты из женщин, но им не чета.
Ты любовь не считаешь забавой,
И тебя не страшит клевета.
Ты от слова не ступишь ни шагу,
Ты в отъезде — разлуки как нет,
Ты на страже, но дружбе во благо,
Ты беспечна, но свету во вред.

Я ничуть его низко не ставлю,
Но в борьбе одного против всех
Навлекать на себя его травлю
Так же глупо, как верить в успех.
Слишком поздно узнав ему цену,
Излечился я от слепоты:

Мало даже утраты вселенной,
Если в горе наградою — ты.

Гибель прошлого, все уничтожа,
Кое в чем принесла торжество:
То, что было всего мне дороже,
По заслугам дороже всего.
Есть в пустыне родник, чтоб напиться,
Деревцо есть на лысом горбе,
В одиночестве певчая птица
Целый день мне поет о тебе.

1816

ТЬМА

И был мне сон... Но был ли это сон?..
Затмилось солнце, звезды покосились
И разбрелись, луча не проронив
В бездонный мрак; ослепшая земля
В пространстве черном без пути металась;
И день за днем заря была бесплодна..
Отчаяньем охваченные люди
Забыли страсти; сжалась в каждом сердце
О свете сокровенная молитва;
И жили у спасительных костров —
Жгли хижины и царские чертоги;
И все, что днесь могло назваться кровом,
Все шло в огонь; селенья полыхали —
К пылающим домам сходились толпы,
Чтоб раз еще в лицо друг другу глянуть;
И счастье тем, что жили близ вулканов
При свете факелов горящих жерл;
И людям оставалась лишь надежда..
Леса они в безумье подожгли —
Но падали дымящие стволы
И гасли тут же — мрак не отступал.
Чудовищные тени, извиваясь,
Ложились на чело, когда снопами
Вздымались искры; кто лежал ничком
И тихо плакал; кто с улыбкой дикой
Тарашился во мрак; а прочие
На скорбные костры носили сучья

И с ужасом глядели беспрестанно
В глухую твердь, сей траурный покров
На гробе мира; скрежеща зубами,
С проклятьями в пыли они катались
И тихо выли; надрывались птицы
И били бесполезными крылами
О твердь земную; хищники, дрожа,
Бежали к людям; аспиды клубками
В ногах толпы свивались и шипели,
Не жалея никого, — их били в пищу;
Жестокая война, что было стихла,
Брала теперь свое — за хлеб насущный
Платили кровью; каждый в одиночку
В крошечном мраке чрево насыщал;
Любовь они забыли; каждый жаждал
Мгновенной тихой смерти; страшный голод
Скрутил кишки — и тысячами гибли;
Но трупов не закапывал никто;
Живой скелет обгладывал скелет;
И псы хозяев грызли; лишь один
До трупа никого не допускал —
Ни хищников, ни рышущих людей,
Пока не находили те добычи
Иной для жадной пасти; сам без пищи,
Он только выл, отчаянно и долго,
И скупое лаял; тщетно он лизал
Немую длань хозяина — и умер.
Всех голод выкосил — в пустой столице
Еще блуждали двое, наугад —
То были два врага; на пепелище,
Где прежде был алтарь и дотлевали
Забытые святыни лжесвященства,
Сошлись они и разгребли золу
Дрожащими холодными руками;
Из сил последних уголек последний
Они раздули — теплилась в нем жизнь
Как бы в насмешку; и, подняв глаза,
В лицо они друг друга не узнали,
Но с воплем пали замертво в золу —
Обоих умертвило омерзенье
К челу, на коем голод начертал:
ДИАВОЛ; вымер мир — и вместо жизни
Лишь месиво осталось от него:
Ни птицы нет, ни зверя, ни растенья —

Лишь смрад и падаль, мертвый хаос праха.
Озера, реки и моря застыли —
Ничто не колыхало их глубин;
Суда недвижно гнили в океане —
И, по кускам обваливаясь за борт,
Останки мачт бесшумно шли ко дну;
Не стало волн, приливов и отливов —
Померкла их владычица луна;
Ни дуновенья в воздухе тяжелом,
Ни облаков — и не было в них нужды
Восставшей Тьме — Она была Вселенской!

1816

ПРОМЕТЕЙ

Титан! На наш земной удел,
На нашу скорбную юдоль,
На человеческую боль
Ты без презрения глядел —
Но что в награду получил?
Страданье свыше всяких сил
Да коршуна, что вновь и вновь
Пьет кровь твою — живую кровь,
Скалу, цепей печальный звук,
Невыносимый пламень мук
Да стон, что в сердце погребен,
Тобой подавленный, затих,
Чтобы о горестях твоих
Богам не смог поведать он.
Титан! Ты знал, что значит бой
С жестокой мукой... ты силен,
Ты пытками не уstraшен,
Не скован яростной судьбой.
Бессильный рок — глухой тиран,
Вселенской злобой обуян,
Творя на радость небесам
То, что стереть способен сам,
Тебя от смерти отрешил,
Бессмертья даром наделил.
Ты принял горький дар как честь,
И Громовержец от тебя
Добиться лишь угрозы смог:

Так был наказан гордый бог;
Свои страдания возлюбя,
Ты не хотел ему прочесть
Его судьбу — но приговор
Открыл ему твой гордый взор.
Он понял твой ответ безмолвный,
И задрожали стрелы молний...
Ты добр — в том твой небесный грех
Иль преступленье; ты хотел
Несчастьям положить предел,
Чтоб разум осчастливил всех!
Разрушил рок твои мечты,
Но в том, что не смирился ты,
Титан, воитель и борец,
В том, чем была твоя свобода,
Сокрыт величья образец
Для человеческого рода!
Ты символ силы, полубог,
Ты озарил для смертных путь —
Жизнь человека, светлый ток
Бегущий, отменяя муть...
Отчасти может человек
Своих часов предвидеть бег;
Бесцельное существованье,
Сопротивленье, прозябанье...
Но не изменится душа,
Бессмертной твердостью дыша,
И чувство, что умеет вдруг
В глубинах самых горьких мук
Себе награду обретать,
Торжествовать и презирать,
И Смерть в Победу обращать.

1816

ПЕСНЯ ДЛЯ ЛУДДИТОВ

Свободу ребята в заморском краю
Кровью купили — пустая цена!
Так за вольность свою
Постоим мы в бою:
Славься, Лудд — наш король на все времена!

Мы оставим станки — и с оружием вперед!
Нами сотканный саван захватим с собой.

И, как только падет
Тот, кто мучил народ,
Этот саван окрасим мы кровью густой.

Пусть, как совесть тирана, черна и смердит
Эта кровь, из гниющих текущая жил:

Вновь она оживит
И росой напоит
Древо Свободы, что Лудд посадил!

1816

НЕ БРОДИТЬ НАМ

Не бродить нам, как бродили
Мы когда-то допоздна,
Хоть сердца не разлюбили
И светла еще луна.

Острый меч источит ножны,
Жар страстей источит грудь —
Глуше сердца стук тревожный,
Время чувствам отдохнуть.

И, хоть ночи для влюбленных
И недолог час ночной, —
Не бродить нам в рощах сонных
Под луной!

1817

СТАНСЫ

1

Когда б нетленной
И неизменной,
Назло вселенной,
Любовь была,
Такого плена
Самозабвенно

И вдохновенно
 Душа б ждала.
Но торопливы
Любви приливы,
Любовь на диво,
 Как луч, быстра.
Блеснет зарница —
И мгла ложится,
 Но как прекрасна лучей игра!

2

Простясь с любимой,
Мы нелюдимы,
Тоской томимы
 И смерть зовем,
Но год излечит
Души увечья,
И мы при встрече
 Едва кивнем.
В минуту счастья
Своею властью
Мы рвем на части
 Любви плюмаж.
Плюмаж утрачен —
Мы горько плачем,
 И сколь безрадостен жребий наш!

3

Как вождь в сраженье,
Любовь в движенье
И подчиненья
 Не признает.
Завидев пути,
Пришпорит круто
И в гневе лютом
 Стремглав уйдет.
К желанным благам
Под бранным стягом
Победным шагом
 Идет она.
Победы ради
Назад — ни пяди!
 На шаг отступит — и сражена!

4

Вперед, влюбленный,
 Чтоб исступленно
 Любви знамена
 Сквозь мрак нести!
 Любви утрата
 Тоской чревата,
 Но виноватых
 Нельзя найти.
 Коль станет ясно,
 Что чувства гаснут,
 То безучастно
 Конца не жди.
 Любовь споткнется —
 И нить порвется,
 И тихо скажем: «Любовь, прости!»

5

Воспоминанья
 На расстоянье
 Ведут дознанье
 Былых утрат:
 Все было гладко,
 Но стало шатко,
 Когда украдкой
 Вошел разлад.
 Поклон прощальный —
 И беспечально
 Первоначальный
 Восторг избыт.
 Спокойны взгляды,
 И слов не надо,
 И только нежность в зрачках горит.

6

Честней расстаться
 Без ламентаций,
 Чем улыбаться
 И делать вид,
 Что все — как было.
 Союз постылый
 Сердец бескрылых
 Не обновит.
 Любовь пуглива

И прихотлива.
Она игрива,
 Как детвора.
В ней ужас пытки
И боль в избытке,
 Но вечно манит ее игра.

1819

ЭПИТАФИЯ МИНИСТРУ ПИТТУ

Два слова «ложь» и «ложе» так похожи,—
Об этом говорит судьба иных вельмож.
В парламенте преподносил он ложь,
В аббатстве он покоится на ложе.

1820

СТАНСЫ

Если дома стоять за свободу нельзя,
То соседей свободу спасайте!
Славу греков и римлян храните, друзья,
И в боях синяки получайте!

Славный рыцарский подвиг высок и хорош.
Так дерись же всегда за свободу!
Если ты не в тюрьме и не в петле умрешь,
Вознесут твое имя народы!

1820

ЭПИГРАММА НА ГИЛЬДИЮ МЕДНИКОВ, РЕШИВШИХ ПОДНЕСТИ АДРЕС КОРОЛЕВЕ КАРОЛИНЕ

На меди адрес королеве, я слышал,
Готовят медники. Однако сей металл
Не нужен при дворе: все знатные особы
И так уж, слава богу, меднолобы.

1821

НА САМОУБИЙСТВО БРИТАНСКОГО МИНИСТРА КЭСТЕЛРИ

1

О Кэстелри, ты — истый патриот.
Герой Катон погиб за свой народ,
А ты отчизну спас не подвигом, не битвой —
Ты злейшего врага ее зарезал бритвой.

2

Что? Перерезал глотку он намедни?
Жаль, что свою он полоснул последней!

3

Зарезался он бритвой, но заранее
Он перерезал глотку всей Британии.

1822

ГРАФИНЕ БЛЕССИНГТОН

Вы просили стихов — непременно
Должен просьбу исполнить поэт,
Но заглох что-то ключ Иппокрены,
И в груди моей чувств больше нет.

Будь я прежним, я б мог безрассудно,
Как сам Лоуренс на полотне,
Обессмертить вас. Но слишком трудной
Нынче тема покажется мне.

Я теперь — лишь зола, а не пламя,
И молчит песнопений струна.
Я люблю теперь только глазами,
В волосах и в душе — седина.

Не годами тяжел век мой длинный,
Есть мгновенья — как плуг, бороздят.
Пусть на лбу не залягут морщины, —
Но в душе они прочно сидят.

Вас воспеть вы призвали бы юных,
В ком видна вдохновенья печать:

Ведь печаль в моих порванных струнах
Не дает моей лире звучать.

1823

ИЗ ДНЕВНИКА В КЕФАЛОНИИ

Встревожен мертвых сон — могу ли спать?
Тираны давят мир — я ль уступлю?
Созрела жатва — мне ли медлить жать?
На ложе — колкий терн; я не дремлю;
В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце...

1823

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Я на тебя взирал, когда наш враг шел мимо,
Готов его сразить иль пасть с тобой в крови,
И если б пробил час — делить с тобой, любимой,
Все, верность сохранив свободе и любви.

Я на тебя взирал в морях, когда о скалы
Ударился корабль в хаосе бурных волн,
И я молил тебя, чтоб ты мне доверяла;
Гробница — грудь моя, рука — спасенья челн.

Я взор мой устремил в больной и мутный взор твой,
И ложе уступил я, бдением истомлен,
Прильнул к ногам, готов земле отдаться мертвой,
Когда б ты перешла так рано в смертный сон.

Землетрясенье шло и стены сотрясало,
И все, как от вина, качалось предо мной.
Кого я так искал среди пустого зала?
Тебя. Кому спасал я жизнь? Тебе одной.

И судорожный вздох спирало мне страданье,
Уж погасала мысль, уже язык немел,
Тебе, тебе даря последнее дыханье,
Ах, чаще, чем должно, мой дух к тебе летел.

О, многое прошло, но ты не любила,
Ты не полюбишь, нет! Всегда вольна любовь.
Я не виню тебя, но мне судьба судила —
Преступно, без надежд — любить все вновь и вновь.

1824

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ

Пора! Теперь сердца другим
Я не зажгу — пора остыть,
Но пусть не буду я любим, —
Хочу любить!

А листья дней желтей, желтей...
Любовь? Она ушла с весной:
Стать пищей скорби и червей —
Вот жребий мой!

Огонь в груди жесток, суров,
Но он — вулкан среди морей,
Он отблеск траурных костров
Души моей!

Пора! И должен я забыть
Надежду, ревность, горе, страх,
Забыть любовь — но вечно быть
В ее цепях.

Нет, надо думать не о том!
Тоске не место в грозный час!
Тут Слава лавровым венком
Украсит нас!

О слава греческих долин,
Мечи, знамена, блеск огня!
Нет, не был даже Спарты сын
Вольней меня!

Проснись! Ведь Греция встает!
Проснись, мой дух! Не забывай,
Откуда ты ведешь свой род, —
И в бой ступай!

В суровом мужестве замкнись,
Смирив поздний жар страстей,
Чтоб женский не играл каприз
 Душой твоей!

Вторая юность не придет,
Ничто не скрасит жизнь твою.
О чем жалеть? Эллада ждет:
 Умри в бою!

Навстречу гибели иди,
Достоин будь судьбы такой:
Будь впереди и смерть найди,
 А с ней покой!

1824

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Выступая в передаче по ленинградскому телевидению, известная переводчица Байрона Т. Гнедич сказала: «Пора бы нам уже отказаться от той точки зрения на Байрона, которую навязали нам буржуазные исследователи XIX века. Они нам внушали, что Байрон якобы мрачный пессимист, певец мировой скорби и отчаяния, что он ненавидел людей. А ведь это неправда. Байрон любил людей. И поэт он был часто веселый, насмешливый, едкий».

«Я с миром враждовал, как мир со мной»,— говорил Байрон в «Чайльд-Гарольде». Но с каким миром он враждовал? С миром угнетателей, самодовольных буржуа, врагов свободы! «Несмотря на опыт, верю снова,— заявляет поэт далее,— ...что Правда есть, Надежда держит слово, что Добродетель не всегда сурова... что Доброта — не миф, а Счастье — не мечта». Разве мог в это верить человеконенавистник? Конечно, нет!

В юности, путешествуя по поработанной турками Греции, Байрон кипел негодованием против ее угнетателей. Еще больше его возмущали сами покоренные греки, которые спокойно и безропотно несли свое ярмо. «Где, где они? — с горечью вопрошает Байрон в «Чайльд-Гарольде», вспоминая о былых греческих титанах и героях.— За партой учат дети историю ушедших в тьму времен...»

Вернувшись в Англию, Байрон, намереваясь занять свое наследственное место в Палате Лордов, принялся изучать положение луддитов. Он произнес пламенную речь в защиту бунтующих ткачей, пытаясь обратить внимание государственных мужей Британии на их тяжелую жизнь. Речь эта возмутила почтенных пэров Англии. Байрон пробовал выступать еще — в пользу угнетенной Ирландии, например. Его не слушали, над ним смеялись. Он публиковал в газетах эпиграммы, задевающие даже царствующих особ,— этого ему не простили. Байрон был вынужден навсегда уехать из Англии.

В Италии поэт присоединился к карбонариям, патриотам-революционерам, которые мечтали объединить разрозненные герцогства и области в единую независимую страну и освободить ее от хозяйничавших там австрийцев. Он возглавлял одну из групп карбонариев Равенны, выступал на собраниях, призывал к скорейшим действиям, на свои деньги покупал заговорщикам оружие, лошадей, амуницию. Но руководители движения слишком медлили, подходящий момент был упущен.

Байрон покинул Италию. Он нанял на собственные средства корабль, взял с собой оружие и медикаменты и в сопровождении нескольких верных друзей отправился в Грецию, чтобы принять участие в борьбе греческого народа за независимость...

Мы любим Байрона. Мы воспринимаем его как своего современника и союзника. Он верил в будущее свободного человека. Мечтал о мире «без тиранов и царей». Ненавидел разрушительные войны и утверждал, что «одну слезу почетней осушить, чем кровью поле боя затопить», понимая, что «лишь войны за свободу достойны благородного народа». Поэт интересовался начинавшимся в его эпоху расцветом науки и техники и верил в могущество человеческого разума: «Уж скоро мы, природы властелины, и на Луну пошлем свои машины».

Байрон умер в возрасте тридцати шести лет. Он прожил короткую, но удивительно яркую и полную событий жизнь. Он оставил много стихов, поэм, драматических произведений. «Зато я жил, и жил я

не напрасно», — писал Байрон в «Чайльд-Гарольде». «Борьбою сломлен, рано я угасну, — предвидел он. — Но нечто есть во мне, что не умрет». И это «нечто», что навсегда осталось с нами, — негасимый пламень души поэта:

Огонь в груди жесток, суров,
Но он — вулкан среди морей,
Он факел траурных костров
Души моей...

Галина Усова

КОММЕНТАРИИ

ПОЭМЫ И ДРАМЫ

«Паломничество Чайльд-Гарольда»

Эпир, Акарнания, Иония, Фригия — области в древней Греции. *Чайльд-Уотерс, Чайльд-Чайльдерс* — герои одноименных англ. народных баллад. *Спенсерова строфа* — особая строфа из 9 строк, которой написан «Чайльд-Гарольд», была изобретена англ. поэтом Эдмундом Спенсером (1552—1599). Джеймс Битти (1735—1803) — англ. поэт. *Ариосто* (1474—1533) — итал. поэт. Джеймс Томсон (1700—1748) — англ. поэт. *Сент-Пале* — автор книги о старинном рыцарстве. *Роллан д'Эрсевиль* — автор книги «Разыскания о правах дам на судах любви». *Сэр Тристрам* и *Сэр Ланселот* — герои баллад о короле Артуре. *Тимон* Афинский жил в V в. до н. э. в годы Пелопонесской войны; междоусобные распри, войны и упадок нравов сделали его человеконенавистником. *Зелуко* — ожесточенный и нравственно опустошенный герой одноименного романа англ. писателя Дж. Мура (1729—1802). *Ианта* — имя означает цветок нарцисса. Посвящение написано 11-летней дочери друзей Байрона.

Песнь I. *Дельфы* — древний город в Греции у подножья горы Парнас. *Ключ* — источник *Иппокрена*; по преданию, крылатый конь Пегас пробил отверстие в земле копытом и на этом месте появился чудесный источник, пьющий из которого становился поэтом. *Альбион* — Англия. *Луз* — мифический король древней Лузитании (в зап. части Пиренейского п-ва). *Элизий* — по древнегреч. мифологии, царство теней, где умершие вкушают блаженство. *Гонорий Флавий* (384—423) — император Западной Римской империи. *Ватек* — герой одноименной повести англ. писателя Уильяма Бекфорда. *Мафра* — старинный монастырь близ Синтры. *Вавилонская блудница* — так Байрон называет здесь католическую церковь. *Слезы Кавы* — в 718 г. при Кавадонге европейцы впервые нанесли поражение войскам арабов, захватившим Пиренейский п-в. Вестготский полководец Юлиан способствовал нападению арабов на королевство вестготов, якобы мстя королю Родериху за насилие над его дочерью Флоринной-Кавой. *Реконкиста* — широкое освободительное движение против захватчиков-арабов, начавшееся в Испании в VIII—IX вв. *Я слышу звон металла и копыт* — в ноябре 1808 г. Наполеон двинул войска в Испанию. В битве при Талавере близ Мадрида 27—29 июля 1809 г. англ.-порт.-исп. армия ценой тяжелых потерь нанесла поражение наполеоновской армии. *Альбуера* — там 16 мая 1811 г. снова потерпела поражение армия Наполеона. *Севилья* — население этого исп. города капитулировало перед войсками Наполеона только в начале 1810 г. *Тир* — порт древ-

ней Финикии, долгое время сопротивлявшийся осаде Александра Македонского. *Троя* — древний город в Малой Азии, захваченный и разрушенный греками во время Троянской войны. *Годой Мануэль* (1767—1851) — исп. временщик, фаворит королевы Луизы, фактически правивший Испанией при Карле IV («рогоносом»). *Беллона* — богиня войны в римск. мифологии. *Гадес* — древнее название города Кадикса. *Дочь Испании* — знаменитая Сарагосская Дева, защищавшая *Сарагоссу* наравне с мужчинами. *Горгона* — в греч. мифологии крылатая женщина-чудовище со змеями вместо волос, способная силой взгляда превращать все живое в камень. *Минерва* — в древнеримск. мифологии богиня мудрости, покровительница наук, искусства и ремесел; *Марс* — бог войны; *Киприда* — прозвище Венеры, богини любви (она же Афродита в Греции). *Агасфер* — персонаж средневек. легенды, осужденный богом на вечные скитания. *Писарро*, Франсиско (1450—1541) — исп. авантюрист, участвовал в завоевательных экспедициях к берегам Южной Америки. *Дерево Свободы* — легендарное дерево, возвращенное франц. революционерами XVIII в. *Кито* — древний индейск. город, столица Эквадора, население его неоднократно восставало против исп. господства и в конце концов добилось независимости. *91 и 92 строфы* посвящены школьному товарищу Байрона Джону Уингфилду. ...*грабили наследие Эллады* — Байрон говорит о лорде Эджинне, который, будучи в Афинах в качестве дипломата, варварски разрушил и вывез в Англию богатейшую коллекцию культурных памятников древней Эллады.

Песнь II. Таинственная Пряха — Парка; по древнегреч. мифологии, три Парки, богини судьбы, плетут нить жизни каждого человека, когда нить обрывается, прекращается жизнь. *Лета* — река забвения. *Софист* — человек, которого в споре интересует не столько истина, сколько утверждение собственной правоты, ради этого он нарушает законы логики, придавая им правдоподобную форму выражения. *Саддукей* — приверженец древнееврейск. секты, отрицавшей загробную жизнь и бессмертие души. *Сатурн* — в древнеримск. мифологии бог посевов, покровитель земледелия. *Сын шотландских гор* — лорд Эджин (см. выше). *Пикты* — древнейшие кельтские племена, населявшие Шотландию. *Паллада* — Афина, богиня мудрости, наук и ремесел. *Ахилл* — древний герой, появившийся, по преданию, на Акрополе в Афинах вместе с Афиной, когда в 395 г. город был захвачен и ограблен королем вестготов Аларихом. *Плутон* — в древнегреч. мифологии бог подземного мира и царства мертвых. *Арион* (VII—VI вв. до н. э.) — древнегреч. поэт и музыкант. *Геката* — здесь: луна. *Калипсо* — прекрасная нимфа, долгое время продержавшая у себя на о-ве в плену Одиссея, героя одноименной поэмы Гомера. *Флоренс* — см. примечания к лирике. *Искандер* (1405—1468) — Скандербег, воен. и политич. деятель Албании. *Калойер* — греч. монах-отшельник. *Сафо* (VII—VI вв. до н. э.) — древнегреч. поэтесса, по преданию, бросилась в море со скалы. У мыса *Трафальгар* 21 окт. 1805 г. англ. эскадра под командованием адмирала Нельсона разгромила франц. и исп. флоты. *Красный крест* — эмблема рыцарей-крестоносцев. *Город Побед* — Никополь, построенный на берегу Амвракийского залива в честь победы при Ациуме. *Лютый вождь* — Али-паша, правитель территории, фактически самостоятельной, в пределах Османской империи. *Шкипетар* — албанец. *Гафиз* (Хафис) — выдающийся ирано-таджик. поэт. XIV в. *Анакреон* (VI—V вв. до н. э.) — древнегреч. поэт. *Сулиоты* — воинственное свободолюбивое племя в Албании, потомки

бежавших от турецкого гнета греков. *Паликары* — солдаты турецкой армии. *Тамбурджи* — барабан, барабанщик. *Превеза* — город, отбитый в 1798 г. войсками Али-паши у Франции. *Селиктар* — оруженосец. *Фразибул* — афинский политич. деятель конца I в. до н. э., поборник рабовладельческой демократии. *Ваххабит* — последователь Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба, участник религиозного движения на Аравийском п-ве в XVIII в. *Сыны Лакедемона* — спартанцы. *Марафон* — равнина в Аттике; «*Марафон*» — первое крупное сражение во время греко-перс. войн (490 г. до н. э.), в нем греч. войска одержали победу над превосходящими силами перс. царя Дария благодаря стойкости воинов.

Песнь III. Строфы 17—45 Байрон написал после посещения поля *Ватерлоо*, где произошло сражение, приведшее к падению наполеоновской империи (18 июня 1815 г.). *...мир душил закабаленный* — под орлом подразумевается Наполеон. *Гармодий* и *Аристокитон* в 514 г. до н. э. убили тирана Афин мечом, спрятавшим в ветках мирта. *Сын Филиппа* — Александр Македонский. *Кобленц* — город в Германии, во время франц. революции был центром контрреволюции. *Лозанна* — город, где жил и работал англ. просветитель Гиббон (1737—1794); в *Фернее*, поместье близ Женевы, жил Вольтер (1694—1778).

Песнь IV. Джон Кэм *Хобхауз* (или Гобхауз) — друг Байрона по Кембриджскому университету, англ. литератор и общественный деятель. Торквато *Тассо* (1544—1595) — автор поэмы «Освобожденный Иерусалим», октавы ее распевали венециан. гондольеры. «*Буцентавр*» — название корабля, на котором дож Венеции в день Вознесения выезжал в открытое море и символически обручался с Адриатикой, бросая в море кольцо. *Шваб* — император Фридрих Барбаросса. *Австриец* — австр. император Франц I. *Дандоло* — венециан. патриций и дож Венеции. *Кони Марка* — четверка бронзовых позолоченных коней на главном портале собора св. Марка. *Дориа* — генуэзск. адмирал XIV в., воевал с Венецией и грозился «взнуздать коней св. Марка». *Аркуа* — селение близ Падуи, где расположена могила итальянского поэта Франческо Петрарки. *Феррара* — город в Сев. Италии, центр Возрождения. *Альфонсо II Эсте* (XVI в.) — феррарский герцог, по его приказу Тассо объявили сумасшедшим и посадили на цепь в больнице для умалишенных. *Круска* — академия во Флоренции; некоторые ее члены резко критиковали Тассо. *Друг Цицерона* — Сервий Сульпиций Руф, римск. консул. *Наследница Афин* — так Байрон называет Флоренцию. *Тразимена* — озеро, в 217 г. до н. э. армия Ганнибала заманила римск. войска на его берег и разбила их. *Кромвель Олвер* — крупнейший деятель англ. бурж. революции XVII в., после казни короля Карла I был единоличным правителем. *В день двух побед...* — 3 сентября Кромвель одержал дважды победу над войсками короля: в 1650 и 1651 гг., умер он 3 сентября 1658 г. *Гость Клеопатры* — Цезарь. *Алкид* (Геракл) три года служил рабом у царицы Омфалы, выполняя женскую работу. *Воин твой и сын* — Симон Боливар (1783—1830) — один из руководителей нац.-освоб. движения в исп. колониях Южн. Америки. *Корнелия* — мать братьев Гракхов, гос. деятелей Рима (II век до н. э.). *Риенци* (1313—1354) — итал. политич. деятель, возглавлял восстание в Риме. *Орест*, согласно древнегреч. легенде, убил свою мать в отмщение за то, что она убила мужа, отца Ореста. *Мать-принцесса* — англ. наследная принцесса Шарлотта, умерла в 1817 г.

«Корсар»

Наряду с поэмами «Гяур», «Лара», «Абидосская невеста», «Осада Коринфа», «Паризи́на», относится к циклу «восточных поэм», герои их обычно порывают с европейской цивилизацией, объявляют ей войну и уезжают на Восток, вступая в суровую борьбу с отвергшим их обществом. Но действуют они в одиночку и потому безрезультатно. *Олимпия* — героиня этой поэмы. *Ариадна* — дочь критского царя Миноса, по мифу, спасла греч. героя Тезея, дав ему клубок нитей, благодаря которому он нашел выход из лабиринта Минотавра. Убив Минотавра, Тезей увез Ариадну с собой, но покинул ее на острове Наксосе — это и есть «скалы Ариадны». *Фирман* — указ мусульм. правителя. *Шейх* — советник правителя. *Плав* — плов. *Альмеи* (альме) — образованные певицы и танцовщицы, выступавшие в домах мусульм. знати. *Коран* — священная книга мусульман. *Дервиши* — странствующий монах у мусульман. *Диван* — совещательный орган при мусульм. правителе. *Мекка* — город в Саудовской Аравии, считается родиной пророка Мухаммеда, место паломничества мусульман. *Герой* — Юлий Цезарь, древнеримск. диктатор, во время египет. похода влюбился в царицу Египта *Клеопатру*. *Сократ* — древнегреч. философ, был приговорен в Афинах к смертной казни и по условию приговора должен был сам выпить яд. *Феб*, он же Аполлон, — бог солнца и искусств. *Минарет* — высокая башня при мечети, с нее сзывают мусульман на молитву. *Эдем* — рай, *Авгур* — древнеримск. жрец, авгуры толковали волю богов.

«Шильонский узник»

26 июня 1816 г. Байрон вместе со своим другом англ. поэтом Шелли осмотрел *Шильонский замок* на берегу Женевского озера. Под сильным впечатлением Байрон в два дня написал поэму об одном из легендарных узников Шильонского подземелья. Уже позднее он узнал детали жизни своего героя и написал «Сонет к Шильону» и предисловие к поэме, где цитирует подлинную биографию Боннивары, написанную Сенебером.

«Каин»

Мистерия (пьеса на библейский сюжет) написана в 1821 г. в Италии. Она интересна тем, что Байрон философски переосмыслил образ *Каина* — первого убийцы на земле по Библии. У него Каин — тираноборец, восставший против власти бога. *Иегова* (*Ягве*, *Адо-наи*) — имя бога у евреев. *Люцифер* (букв. — светносец) — в христианской мифологии ангел, восставший против бога и за это низвергнутый в преисподнюю. *Тьма тем* — великое множество.

«Видение суда»

После смерти англ. короля Георга III (1738—1820) Р. Саути, официальный поэт-лауреат, бывший идейным врагом Байрона, выпустил поэму «Видение суда», где описывалось, как король-праведник принят в рай. В ответ Байрон написал поэму под тем же названием, пародию на Саути, хлесткую сатиру, где высмеивается не только покойный король, но и святые, ангелы и сам Саути. *На рубеже Второй*

Зари Свобод — Георг III умер в период подъема освободительного движения в ряде стран. *«Господь, храни народ»* — парадоксально вывернутая строчка англ. гос. гимна «Боже, храни короля». *Пэрри Уильям Эдуард* (1790—1855) — англ. морской офицер, полярный исследователь. *Сауткот Иоанна* (1750—1814) — англ. писательница, автор «Книги чудес». *Иов* — библейский пророк, «Книга Иова» — толкование Библии. *Его стряхнул недавно Новый Свет* — здесь говорится об амер. войне за Независимость, после которой 4 июля 1776 г. Америка перестала быть колонией Англии. *Гвельф* — Георг III был курфюрст Ганноверский из рода Вельфов, Байрон употребляет итал. форму этого имени. *Цербер* — многоголовое чудовище, охраняющее выход из царства теней (мертвых); в переносном значении — страж. *Эмпирей* (Эмпирей) — наиболее высокая часть неба в представлении древних греков, там пребывают боги. *Джон Буль* — нарицательное имя англичанина. *Джонатан* — персонаж из романа англ. писателя Г. Филдинга. *Уилкс* (1727—1797) — англ. публицист и полит. деятель. *Грэфтон* — англ. полит. деятель, враг Уилкса. *Фокс и Питт* — англ. гос. деятели, вожди партии вигов. *Юниус* — в 1769—1771 гг. в Лондоне публиковались анонимные «Письма Юниуса», поражавшие читателей смелой критикой англ. правительства. *Малапроп* — персонаж одной из комедий Шеридана. *Барк и Тук* — англ. полит. деятели, предполагаемые авторы «Писем Юниуса». *Nominis umbra* — псевдоним автора «Писем Юниуса». *Асмодей* — в Библии демон чародейства и роскоши. *Зоил* — греч. философ II в. до н. э., его имя стало нарицательным для обозначения недоброжелательного, придирчивого критика. *Горацій* (65—8 гг. до н. э.) — римск. поэт. *Генри Пай* (1745—1813) — бездарный англ. поэт, придворный поэт-лауреат Георга III. *Тайлер Уотт* — руководитель крестьянского восстания в Англии XIV в., герой одноименной поэмы Саути. *Бленгейм* — «Бленгеймская битва» — произведение Саути, написанное под влиянием идей франц. революции. *Пантисократ* — сторонник социального строя, при котором установлена общность имущества. *Король Альфонс* — король Альфонс X Кастильский, автор научных трудов.

«Дон-Жуан»

Патагонцы — общее название для разных племен южноамер. индейцев. *Паладин* — доблестный рыцарь, преданный своему господину. *Фетида* — богиня моря. *Кокни* — пренебрежительное прозвище лондонского простонародья. *Реформация* — широкое социально-полит. движение, принявшее форму борьбы против католич. церкви и носившее антифеодальный характер, в XIV в. началось в Англии, в XVI в. охватило всю Европу. *Ротшильд* и *Беринг* — известные банкиры, имевшие полит. влияние. В эпоху *состязанья Кромвеля с Карлом* — в эпоху англ. бурж. революции.

ЛИРИКА И ЭПИГРАММЫ

К Э. Стихи обращены к сыну одного из ньюстедских арендаторов. Прощание с Ньюстедским аббатством. *Ньюстедское аббатство*, или Ньюстед, — родовое имение Байрона, расположенное в бывшем монастыре. *Оссиан* — легендарный древнеирланд. певец. Англ. поэт Дж. Макферсон приписал ему опубликованные им в 1762 г. «Песни Оссиана»; их особенно любили поэты-романтики, современники Байрона. *Роза, татарник* — общепринятые символы Англии,

Шотландии. *Старый Роберт* — легендарный *менестрель*, т. е. поэт и музыкант, состоящий на службе у знатного лица в средние века, в данном случае — у сэра *Джона Хористона*, одного из предков Байрона. *Аскалон* — город в Палестине, у его стен христиане сражались с арабами. В битве при *Креси* (1346 г.) англ. войска нанесли поражение французам. *Эдвард* — англ. король Эдуард III. *Руперт* — англ. военачальник. В 1644 г. произошло сражение при *Марстон-Муре* между рев. армией Кромвеля и войсками короля Карла I, потерпевшими поражение, в нем принимали участие пять братьев Байронов. Поэту дорого Ньюстедское аббатство как воспоминание о доблести предков. Преклонение перед их деяниями, грусть об ушедшей старине — дань молодого поэта романтическим традициям.

Отрывок, написанный вскоре после замужества а... *Чаворот Мэри Энн* — наследница соседнего с Ньюстедом имения, в которую Байрон влюбился в 15 лет. Ей же посвящены стихотворения «Ты счастлива» и «Стансы женщине при отъезде из Англии».

Сердолик. Посвящено христу Эдльстону, подарившему Байрону сердолик.

Стихи, посвященные леди... *Аркадия* — рай.

Строки, адресованные преподобному Дж. Т. Бичеру... *Бичер Джон Томас* — ирланд. священник, один из друзей будущего поэта, настоятельно советовавший ему издать свои стихи. *Этна* — вулкан в Италии. *Феникс* — в антич. мифологии легендарная птица, обитала якобы в Аравийской пустыне, сжигала себя в пламени костра, а после снова возрождалась из пепла и жила таким образом тысячелетия.

Элизе. Посвящено Элизабет Бриджет Пигот, другу Байрона. *Гурии* — легендарные существа, услаждающие души мужчин в раю. *Матвей* и *Марк* — авторы книг Евангелия. *Павел* — апостол, проповедник христианства.

Когда я бродил юным горцем... Написано по воспоминаниям о проведенных в горной Шотландии летних каникулах.

К музе вымысла. *Пилад* — по древнегреч. мифологии, фокидский царевич, дружба его с Орестом стала классическим примером истинной дружбы. *Дриады* — нимфы деревьев.

Стихи, написанные под старым вязом... *Хэрроу* — аристократическое среднее учебное заведение, где Байрон учился с 1801 по 1805 г.

Элегия Ньюстедскому аббатству. *Робин Гуд* — легендарный англ. лесной разбойник, герой народных баллад, промышленявший со своими «веселыми молодцами» в Шервудском лесу, вблизи Шервуда и находится Ньюстед (графство Ноттингем). «*Pater Noster*» («Отче наш»), «*Ave, santa virgo*» — молитвы. *Генрих для отцов святых* — король Генрих II (1154—1189). *Другой же Генрих* — Генрих VIII (1491—1547), во время осуществления англ. Реформации отбирал земли у монастырей и раздавал их своим вассалам. Так получили Байроны Ньюстедское аббатство в 1540 г.

Стансы к леди при посылке стихов Камоэнса. *Камоэнс Луис* (1525—1580) — португал. поэт, его стихи очень любил Байрон.

Надпись на памятнике ньюфаундлендской собаке — написано после смерти любимой собаки Байрона по кличке Боутсвелл.

Стихи, начертанные на чаше из черепа. Однажды садовник Байрона, производя работы в саду Ньюстеда, нашел в земле череп. Байрон полагал, что череп принадлежит средневековому монаху, одному из жителей аббатства. Поэт велел отполировать череп, оправить его в серебро и отделать в форме чаши.

В альбом. Это и два последующих стихотворения посвящены миссис Спенсер Смит, с которой Байрон познакомился на Мальте во время своего путешествия. В стихах он условно называет ее Флоренс. Миссис Смит обладала весьма романтической биографией; она родилась в Константинополе, попала во Францию, была взята в плен Наполеоном и бежала от него на Мальту.

Стансы, написанные во время грозы. Однажды в горах Албании Байрона и его спутников застала сильная гроза. Найдя каменное турецкое надгробие, поэт расположился на нем, как за письменным столом, и писал «Стансы» при вспышках молний. *То соотечественник мой к Британии взывает* — имеется в виду Флетчер. *Белый Кадикс все равно не покорен врагами* — Байрон говорит о безуспешной осаде исп. города Кадикса войсками Наполеона в течение двух лет.

Стансы, написанные у Амвракийского залива. *Амвракийский залив* находится у западного побережья Греции. *Аквиум* — мыс у выхода из этого залива. 2 сентября 31 г. до н. э. здесь произошло решающее сражение в борьбе за власть в Риме между войсками будущего императора Августа и полководца *Антония*. *Египтянка* — египет. царица Клеопатра, в нее был влюблен Антоний.

Написано после того, как автор приплыл из Сестоса в Абидос. 3 мая 1810 г. Байрон вместе с лейтенантом Икенхедом на спор переплыл *Геллеспонт* (Дарданеллы) — пролив, отделяющий Европу от Азии. Он иронически сопоставляет себя с *Леандром*, героем известного греч. мифа, который жил на азиатском берегу, в *Абидосе*, и часто переплывал пролив, чтобы встретиться со своей возлюбленной *Геро* — жрицей храма Афродиты, богини любви, в *Сестосе*. Однажды в бурную ночь огонь погас, Леандр сбился с дороги и утонул.

Песня греческих повстанцев. Перевод песни греч. поэта-патриота Константина Ригаса (XVIII в.), казненного турец. правительством за участие в нац.-освоб. движении греков. *Город семигорный* — Константинополь, ныне Стамбул. *Леонид* — предводитель отряда спартанцев, остановившего (в 480 г. до н. э.) многотысячную армию персов в *Фермопильском ущелье*.

Строки к плачущей леди. Написаны по поводу получившего широкую огласку эпизода во дворце, когда принц-регент Георг в присутствии своей дочери принцессы Шарлотты грубо разговаривал с ее друзьями, радикально настроенными вигами, а принцессе приказал выйти; принцессу после этого видели в слезах.

Ода авторам билля... Англ. правительство жестоко преследовало *луддитов* — рабочих-ткачей, разрушавших станки, в которых они видели причину своих бед. Министр внутренних дел *Райдер*

и лорд Эддон были рьяными сторонниками законопроекта о введении смертной казни для бунтующих ткачей.

Сонеты Джиневре. *Рени Гвидо* (1575—1642) — выдающийся итал. художник, стремившийся сохранить лучшие традиции мастеров Возрождения.

На посещение принцем-регентом... В склепе Генриха VIII был обнаружен гроб с останками короля Карла I (1600—1649), казненного во время англ. революции XVII в. *Принц-регент* — впоследствии король Георг IV.

Ода к Наполеону Бонапарту написана в связи с первым отречением Наполеона 6 апреля 1814 г. *Тот, ложно названный Денницей*, — по библ. сказаниям, Люцифер, сын Утра. *Грек, разломивший дуб руками*, — полубог-герой древнегреч. атлет Милон, поднимавший на Олимпийских играх целого быка. *Для славы — этого довольно!* — в строфе VII говорится о Сулле Луции Корнелии, военном диктаторе Рима, который за год до смерти отказался от власти. *Испанец, властью небывалой...* — в строфе VIII говорится о Карле V, римск. императоре и исп. короле, незадолго до смерти он отрекся от престола и ушел в монастырь. *Цветок австрийский гибкий* — строфа XIII посвящена императрице Марии Луизе, жене Наполеона, *Дионисий в школе* — Дионисий Младший (395—335 гг. до н. э.), тиран Сиракуз, после второго изгнания открыл в Коринфе школу. *Сын Япета* — титан Прометей, герой древнегреч. мифа. *Маренго* — в битве при Маренго 14 июня 1800 г. наполеоновская армия нанесла поражение австр. войскам. *Цинциннат* — римск. консул (V в. до н. э.), выполнив гос. долг, вернулся к сельскому труду. Байрон называет амер. Цинциннатом первого президента США Джорджа Вашингтона.

Солнце неспящих. Это и семь последующих стихотворений относятся к знаменитому лирическому циклу Байрона «Еврейские мелодии», написанному на музыку композиторов Брегеля и Натана. *Солнце неспящих* — луна.

Душа моя мрачна. Монолог библейского царя Саула. Певец — юный Давид, впоследствии сам ставший царем («Царь-певец»). При нем музыкальное искусство достигло необычайного расцвета.

Поражение Сеннахериба. *Сеннахериб* (705—681 гг. до н. э.) — ассирийск. царь, потерпевший поражение при осаде восставшего Иерусалима. По библейской легенде, его войско истребил Ангел Смерти.

Ода с французского. *Лабэдойер* — фр. офицер; первым перешел на сторону Наполеона, бежавшего с Эльбы. «*Отважнейший из храбрых*» — наполеоновский маршал Ней. *А ты, в плюмаже снежно-белом* — наполеоновский маршал Мюрат. Ней и Мюрат в период «ста дней» перешли на сторону Наполеона, после были расстреляны военным судом. *Капет* — так иронически называли Людовика XVI и Людовика XVIII (по основателю династии Гуго Капету).

Что ж, прости... Написано после того, как 2 апреля 1816 г. Байрон вынужденно расстался со своей женой. Светское общество ненавидело Байрона и подвергало его постоянной травле.

Стансы к Августе. *Августа* — сестра Байрона, была ему верным другом.

Прометей. *Прометей* — по древнегреч. мифологии, один из титанов, детей Неба и Земли. Он похитил у богов огонь и дал его людям, а также научил людей ремеслам и искусствам. За это боги приговорили его к наказанию: прикованный к скале, он должен был терпеть вечные мучения, так как орел, посланец Зевса, терзал его печень. Прометей как бунтарь против тиранической власти богов, сознательно пожертвовавший собой ради служения людям, был любимым героем Байрона.

Песня для луддитов. *Нед Лудд* — рабочий, якобы первый начал ломать ненавистные ткачам станки, от его имени произошло слово «луддиты».

Стансы. Находясь в Италии, Байрон примкнул к движению итал. революционеров — карбонариев. «Стансы» были отправлены в письме к другу Байрона поэту Томасу Муру.

На самоубийство... *Кэстелри* (более правильно — Каслрей) — один из британских гос. деятелей, в 1822 г. покончил жизнь самоубийством. Был одним из наиболее активных деятелей европ. реакции. *Катон* (I век до н. э.) — гос. деятель древнего Рима, республиканец. После того как Юлий Цезарь пришел к власти, покончил с собой.

Графине Блессингтон. Весной 1823 г. Байрон поселился в Генуе, там он познакомился с графиней Блессингтон. После смерти Байрона она опубликовала книгу «Беседы с лордом Байроном».

Из дневника в Кефалонии. Эти строки Байрон поставил эпиграфом к кефалонскому дневнику. *Кефалония* — о-в в Ионическом море, где поэт останавливался на пути в Грецию.

В тот день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет. Написано в день рождения поэта, 22 января 1824 г., в Миссолонги, куда он прибыл, чтобы сражаться за свободу Греции.

Содержание

ПОЭМЫ И ДРАМЫ

Паломничество Чайльд-Гарольда. <i>Перевод В. Левика</i>	7
Корсар. <i>Перевод А. Оношкович-Яцыной</i>	156
Шильонский узник. <i>Перевод Г. Усовой</i>	204
Канн (в отрывках). <i>Перевод И. Бунина</i>	217
Видение суда. <i>Перевод Т. Гнедич</i>	253
Дон-Жуан (в отрывках). <i>Перевод Т. Гнедич</i>	278

ЛИРИКА И ЭПИГРАММЫ

К Э. <i>Перевод В. Левика</i>	323
Прощание с Ньюстедским аббатством. <i>Перевод Г. Усовой</i>	323
Отрывок, написанный вскоре после замужества мисс Чаворт. <i>Перевод А. Блока</i>	324
Сердолик. <i>Перевод В. Брюсова</i>	325
Стихи, посвященные леди, пославшей автору локон... <i>Перевод В. Васильева</i>	326
Строки, адресованные преподобному Дж. Т. Бичеру... <i>Перевод В. Мазуркевич</i>	327
Элизе. <i>Перевод Г. Усовой</i>	328
Когда я бродил юным горцем... <i>Перевод Г. Усовой</i>	329
К музе вымысла. <i>Перевод В. Брюсова</i>	331
Стихи, написанные под старым вязом... <i>Перевод В. Левика</i>	334
Когда б я мог в морях пустынных. <i>Перевод В. Левика</i>	335
Элегия Ньюстедскому аббатству. <i>Перевод Г. Усовой</i>	336
Стансы к леди при посылке стихов Камознса. <i>Перевод Г. Усовой</i>	341
Надпись на памятнике ньюфаундлендской собаке. <i>Перевод Г. Усовой</i>	341
Стихи, начертанные на чаше из черепа. <i>Перевод В. Васильева</i>	342
Расставание. <i>Перевод С. Маршака</i>	343
Ты счастлива. <i>Перевод А. Плещеева</i>	344
«Прости! Коль могут к небесам...» <i>Перевод М. Лермонтова</i>	345
Стансы женщине при отъезде из Англии. <i>Перевод Э. Линецкой</i>	345
В альбом. <i>Перевод М. Лермонтова</i>	347
Стансы, написанные во время грозы. <i>Перевод Г. Усовой</i>	348
Стансы, написанные у Амвракийского залива. <i>Перевод Т. Гнедич</i>	350
Написано после того, как автор приплыл из Сестоса в Абидос. <i>Перевод Г. Усовой</i>	351
Песня греческих повстанцев. <i>Перевод С. Маршака</i>	351
Euthanasia. <i>Перевод Т. Гнедич</i>	353
К времени. <i>Перевод Т. Гнедич</i>	354
Строки к плачущей леди. <i>Перевод В. Арга</i>	355
Ода авторам билля против разрушителей станков. <i>Перевод А. Парина</i>	355
Сонеты Джиневре. <i>Перевод Г. Усовой</i>	356
Я ей цепочку подарил. <i>Перевод Г. Усовой</i>	357
На посещение принцем-регентом... <i>Перевод С. Маршака</i>	358
Ода к Наполеону Бонапарту. <i>Перевод В. Брюсова</i>	358
Солнце неспящих. <i>Перевод А. К. Толстого</i>	364

Она идет во всей красе. Перевод С. Маршака	365
Ты плачешь. Перевод С. Маршака	365
Ты в битве пал. Перевод В. Эскина	366
Все суета, сказал учитель. Перевод Г. Усовой	366
Душа моя мрачна. Перевод М. Лермонтова	367
Поражение Сеннахериба. Перевод А. К. Толстого	368
Умолк навеки царь-певец. Перевод Г. Усовой	368
Ода с французского. Перевод В. Луговского	369
Эпиграмма на бегство Наполеона... Перевод В. Васильева	372
Эпиграмма («Подобен наш мир стогу сена...»). Перевод В. Васильева	372
Стансы («Ни одна не станет в споре...»). Перевод Н. Огарева	372
Что ж, прости... Перевод Т. Гнедич	373
Стансы к Августе («Когда время мое миновало...»). Перевод Б. Пастернака	375
Тьма. Перевод С. Степанова	376
Прометей. Перевод В. Луговского	378
Песня для луддитов. Перевод С. Сухарева	379
Не бродить нам. Перевод Г. Усовой	380
Стансы («Когда б нетленной...»). Перевод А. Парина	380
Эпитафия министру Питту. Перевод С. Маршака	384
Стансы («Если дома...»). Перевод Т. Гнедич	384
Эпиграмма на гильдию медников... Перевод В. Васильева	384
На самоубийство британского министра Кэстелри. Перевод С. Маршака	385
Графине Блессингтон. Перевод Г. Усовой	385
Из дневника в Кефалонии. Перевод А. Блока	386
Любовь и смерть. Перевод А. Блока	386
В тот день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет. Перевод Г. Усовой	387
Послесловие	389
Комментарии	390

ЮНОШЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Джордж Гордон БАЙРОН

ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА

Зав. редакцией А. Лукашин

Редактор И. Остапенко

Художественный редактор Т. Ключарева

Технический редактор Г. Пантелеева

Корректоры Л. Крамаренко, Г. Борсук, Г. Черникова

ИБ № 1672. Литературно-художественное издание.
 Сдано в набор 16.11.87. Подписано в печать 31.03.88. Формат 84×108^{1/32}.
 Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ.
 л. 21,0. Усл. кр.-отт. 21,42. Уч.-изд. л. 21,33. Тираж 100 000 экз.
 Заказ 10480. Цена 1 р. 20 к.
 Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30.
 Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства «Звезда»,
 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

1 р. 20 к.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1988

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

Паломничество Чайльд-Гарольда

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

